

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

3.2019

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Филологические науки

- 10.01.01 – Русская литература
- 10.01.08 – Теория литературы. Текстология
- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое
типологическое и сопоставительное
языкознание
- 10.02.21 – Прикладная и математическая
лингвистика

Педагогические науки

- 13.00.02 – Теория и методика обучения
и воспитания

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

© МПГУ, 2019

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

3.2019

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщик – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language; professor at the Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University; professor at the Department of the Worlds' Literatures, Moscow Pedagogical State University, senior fellow at the Russian Institute for Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore».

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab., professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Е.В. Глухова

Мотивы и образы вокального цикла Ф. Шуберта «Winterreise» в контексте автобиографической мифологии Андрея Белого	9
---	---

И.А. Пильщиков

Пражская школа на «перекрестке культур» (О многоязычии в научной переписке и изданиях Пражского лингвистического кружка)	25
--	----

ЛИНГВИСТИКА

Е.А. Лютикова, П.В. Гращенков

Синтаксис лично-числового согласования в татарском языке	53
---	----

Кс.П. Семёнова

Семантика форм плюсквамперфекта в древнеармянских Евангелиях	74
---	----

И.В. Тресорукова

Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира	101
--	-----

М. Ухлик, А. Желе

Словенские комитативные конструкции с местоимениями в двойственном числе	115
---	-----

МЕТОДИКА

Е.Я. Григорьева, Е.И. Черкашина

Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры	133
--	-----

В.В. Сафонова, А.А. Корнев, М.С. Перевёрткина

Стратегии развития исследовательских компетенций при подготовке педагогических кадров по предмету «Иностранный язык»	148
--	-----

Contents

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

E. Glukhova

Motifs and images of the vocal cycle
of F. Schubert's «Winterreise» in the context
of the autobiographical mythology
of Andrei Bely 9

I. Pilshchikov

The Prague School at the “Crossroads of Cultures”
(On Multilingualism in the Correspondence
of the Prague Linguistic Circle) 25

LINGUISTICS

E. Lyutikova, P. Grashchenkov

On the syntax of person agreement in Tatar 53

X. Semionova

The semantics of pluperfect forms
in Classical Armenian Gospels 74

I. Tresorukova

Biblionyms in the Greek phraseological picture
of the world 101

M. Uhlik, A. Žele

Slovenian comitative constructions
with dual personal pronouns 115

TEACHING THEORY

E. Grigoryeva, E. Cherkashina

Implementation of the linguistic and cultural approach
to teaching Romanic languages
in the system of master degree preparation. 133

V. Safonova, A. Korenev, M. Perevertkina

Strategies of research competence development
in language teacher education. 148

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-9-24

Е.В. ГлуховаИнститут мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
121069 г. Москва, Российская Федерация

Мотивы и образы вокального цикла Ф. Шуберта «Winterreise» в контексте автобиографической мифологии Андрея Белого

В статье исследуется функциональная роль чужого слова в прозе Андрея Белого послереволюционного периода. Вокальный цикл Шуберта «Winterreise» претерпевает значительную трансформацию в автобиографической мифологии писателя. Мотив зимнего странствия и вся мотивно-образная система цикла (странник, странствие, ворон) типологически соотносятся с посвятельным мифом и играют смыслообразующую роль.

Ключевые слова: Андрей Белый, автобиографический миф, музыкальный цикл, «Кризис сознания», странствие, странник, Франц Шуберт, Winterreise, Рудольф Штайнер

Для цитирования: Глухова Е.В. Мотивы и образы вокального цикла Ф. Шуберта «Winterreise» в контексте автобиографической мифологии Андрея Белого // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 9–24. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-9-24

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-9-24

E. Glukhova

A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 121069, Russian Federation

Motifs and images of the vocal cycle of F. Schubert's «Winterreise» in the context of the autobiographical mythology of Andrei Bely

The article examines the functional role of the “other’s” word in Andrei Bely’s prose of the post-revolutionary period. Schubert’s vocal cycle *Winterreise* transforms significantly in the author’s autobiographical mythology. Both the motif of winter wandering and the imagery of the cycle (the wanderer, wandering, the raven), correlate with the typology of the initiation myth and structure the semantics of the narrative.

Key words: Andrei Bely, autobiographical myth, “Crisis of consciousness”, musical cycle, wandering, wanderer, Fr. Schubert, *Winterreise*, R. Steiner

FOR CITATION: Glukhova E. Motifs and images of the vocal cycle of F. Schubert's «Winterreise» in the context of the autobiographical mythology of Andrei Bely. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 9–24. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-9-24

*Дине Махмудовне Магомедовой
с искренней признательностью*

Перед нами стоит задача: выявить метапоэтический прием, характерный для эго-документальной прозы Андрея Белого. Речь в статье пойдет о функциональной роли «чужого слова» (цитаты) в текстах писателя. Нам необходимо прояснить место «чужого слова» в формировании авторской картины мира, определить пути его трансформации в автобиографический сюжет, выявить его мифогенный механизм. Переводя на язык музыкальной терминологии, это процесс превращения темы в лейтмотив, в доминирующий образ темы и в «тему в вариациях». В качестве примера обратимся к цитированию Белым музыкального

цикла Шуберта «Winterreise», точнее, мотивов и образов, которые использованы в лирических текстах этого вокального цикла. Разумеется, мы не предполагаем обнаружить *музыкальную цитату как таковую* в художественном нарративе и не станем устанавливать, например, аналогии между тональностью в музыке и ритмометрическими особенностями текста.

Известно, что музыкальные вкусы писателя в ранней юности сформировались под влиянием матери, А.Д. Бугасвой, любившей музыку и мечтавшей видеть сына если не композитором, то по крайней мере талантливым пианистом. Диапазон музыкальных пристрастий писателя той поры внушительен: «... в зале Колонном и в консерватории, я проходил музыкальный свой класс на симфониях Шумана, Шуберта, Гайдна, Бетховена, Моцарта; здесь я знакомился с Генделем, Глюком и Бахом; здесь переживал я Чайковского, Вагнера, Брамса, Сен-Санса и скольких; здесь первые произведения Скрябина выслушал» [Белый, 1990, с. 147].

Музыка оказала решающее влияние на формирование ранней прозы Андрея Белого; его юношеские эксперименты с жанром «симфоний» восходят к сочинительству музыкальных композиций, к которым прилагался ритмизованный прозаический нарратив (а не наоборот); одновременно он начал экспериментировать с перенесением структурных особенностей музыкального произведения в пространство линейного текста (лейтмотив – контрапункт; повторение темы, ее развитие и циклизация; звуковая оркестровка – аллитерационные комплексы) [Janecsek, 1974; Kovač, 1976; Steinberg, 1982; Ksicova, 1987; Тилкес, 2000; Магомедова, 2006]. Три десятилетия спустя писатель вспоминал о творческом опыте тех лет: «Первые произведения возникли как попытки иллюстрировать юношеские музыкальные композиции. Я мечтал о программной музыке; сюжеты первых четырех книг, мною вынутых из музыкальных лейтмотивов, названы мной не повестями или романами, а Симфониями. <...> Отсюда их интонационный, музыкальный смысл, отсюда и особенности их формы, и экспозиция сюжета, и язык» [Белый, 1988, с. 20].

Наряду с экспериментами с симфонической формой в прозе, Белый проявлял интерес к вокальным циклам, особенно отмечая Р. Шумана и Фр. Шуберта. В предисловии к переработке книги своих ранних стихов (1923), Белый подчеркнул параллель между музыкальным и поэтическим циклами, опираясь на прочно сформированное культурой русского символизма представление о поэтической книге как о семантически законченном целом: «И песенные циклы Шумана и Шуберта (“Dichter Liebe”, “Die schöne Müllerin”, “Winterreise”) суть не просто циклы, а симфонии, эпопеи, равные 9-й симфонии Бетховена. <...> те же романсы, взятые в циклах (“Dichter Liebe” und “Winterreise”), – насколько же

углубляют свое значение. Уметь составить из песенных отрывков цикл – облегчить доступ читателя или слушателя их к ядру, к целому, не преломимому частями, но преломляющему эти части» [Белый, 1994, с. 481]. Как можно заметить, приводимое суждение открывает в Белом не только поэта-символиста, но прежде всего внимательного филолога, привыкшего оценивать текст с позиции «как это сделано».

В период 1907–1910 гг. Белый становится завсегдатаем знаменитых московских музыкально-литературных вечеров «Дома песни», устраивавшихся Пьером д'Альгейм и его супругой, камерной певицей Марией Олениной-д'Альгейм. Репертуарная часть «Дома песни», тесное общение с д'Альгеймами произвели значительное впечатление на поэта-символиста, найдя отклик и в его панэстетической теории ритма (неоконченный трактат «О ритмическом жесте»), и в более поздних поисках соответствий между фонемой и музыкальным звуком¹ («Глоссолалия. Поэма о звуке»). В своих мемуарах Белый утверждал, что именно репертуар «Дома песни» развивал вкус московской публики к малой музыкальной форме – вокальному циклу: «Вот программа “Дома песни” эпохи 1907–1912 годов <...> циклы песен: Бетховена (“Далекой возлюбленной”, “Духовные песни”), циклы песен на слова Эйхендорфа и Андерсена (музыка Шумана), цикл Шумана “Любовь поэта”, цикл Шуберта “Любовь мельника” (слова Мюллера); его же – “Зимнее странствие”, или – цикл, доселе Москве неизвестный, за исключением двух-трех песенок; Москва так полюбила этот огромный цикл, что он исполнялся не раз по требованию; далее – циклы: Шумана...» [Белый, 1990, с. 426]. Белый на всю жизнь запомнил «Winterreise» в исполнении именно Олениной д'Альгейм, которой удалось произвести на него незабываемое впечатление своей манерой исполнения: «в интонации – прялка, смех, карканье ворона, слезы; романс вырос из романса, вскрываясь в романсе; и смыслы росли; и впервые узнание подстерегало, что “Зимнее странствие” – песенный цикл, не уступит по значению и Девятой симфонии Бетховена» [Там же, с. 428].

В 1908 г. «Дом песни» объявил специальный конкурс на новый русский перевод цикла Шуберта «Die schöne Müllerin» на стихи немецкого поэта-романтика Вильгельма Мюллера (1794–1827)². В состав жюри

¹ Разумеется, этот интерес был обусловлен в том числе и стихотворными экспериментами французского символизма; любопытные разработки того же рода можно отметить в рукописях на французском языке д'Альгейма (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), которые еще ожидают своего исследователя.

² В качестве любопытного совпадения отметим, что Белый высоко ценил лингвистические труды Макса Мюллера, который доводился сыном поэту-романтику; к его трудам он особенно обращался во время работы над «Глоссолалией» в 1917 г. (см. [Мюллер, 1865]).

вошли: Андрей Белый, А.Т. Гречанинов, Н.Д. Кашкин, С.Н. Кругликов, Н.К. Метнер, С.Н. Танеев, Ю.Д. Энгель. Ими были присуждены награды О.Г. Каратыгиной, В.П. Коломийцову [Коломийцов, 1933], М.И. Ливеровской, Г.А. Рачинскому, С.И. Рерберг, В.И. Фаненштиль-Рамм и В.М. Фишер. Цикл Шуберта был исполнен в новом переводе и напечатан под названием «Любовь мельника». Однако, несмотря на то, что Белый являлся одним из членов переводческого жюри, в дальнейшем он всегда цитировал вокальные циклы Шуберта не в русском переводе, а по оригинальным немецким текстам (см., например, «Кризис культуры»), изредка приводя собственный перевод отдельных строк. Например, делаясь впечатлениями о своем путешествии с женой по Средиземноморью в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 2 апреля 1912 г., он сообщал, что в интенсивных пеших прогулках им сопутствовал бодрый ритм песни «Das Wandern» из цикла Шуберта «Прекрасная мельничиха»: «Вы удивляетесь, что я пишу Вам так много о нашем путешествии: но оно невольно осталось в душе, как пятимесячная непрерывная песнь. <...> мое путешествие было моими запоздалыми Wanderns' Jahre. В душе и сейчас поется словами Müller'a: "Das Wandern, das Wandern!" ("Die schöne Müllerin")» [Белый, 2001, с. 572–573]. Неудивительно, что Белый ощущал свое путешествие с возлюбленной в музыкально-тематическом ключе шубертовского цикла, посвященного странствиям молодого мельника-подмастерья и его любви к прекрасной мельничихе: мы наблюдаем здесь очевидное совпадение эмоциональной и тематической интенций.

С темой странствия, мистического скитания в большей мере связан другой поэтический цикл Мюллера – «Winterreise». И музыкальный цикл Шуберта, и поэтический Мюллера состоят из двух частей, по 12 стихотворений в каждой; следует отметить, что тексты стихотворений были несколько изменены Шубертом при переложении их на музыку³. Современные исследователи рассматривают этот цикл как лирическую монодраму со своим макросюжетом, складывающимся из отдельных стихотворений [Ritter, 2014; Borries, 2007]; в основе сюжета – характерная для немецкой романтической традиции тема странствий одинокого путника в поисках духовной родины⁴. В первой

³ Речь идет о такого рода изменениях: перестановка стихотворений цикла, замена отдельных слов, замена целой фразы, повтор поэтических строк, в каком-то смысле Шуберт выступает соавтором Мюллера [Сидорова, 2016, с. 6].

⁴ В традиции немецкого романтизма это романы Тика (Franz Sternbalds Wanderungen, 1798), Новалиса (Heinrich von Ofterdingen, 1802). Ср. также изображение этой темы в живописи, например, в картине К.Д. Фридриха «Странник над морем тумана» (Der Wanderer über dem Nebelmeer, 1818).

публикации Мюллер представил 12 стихотворений («Wanderlieder von Wilhelm Müller. Die Winterreise» («Песни странствий Вильгельма Мюллера. Зимнее путешествие») [Müller, 1823]) где уже в заглавии заданы основные мотивы цикла: странствие, одинокое скитание, зимняя дорога. В дальнейших переводах заглавие «Die Winterreise» традиционно переводится либо как «Зимняя дорога», либо как «Зимний путь» [Шуберт, 1904; Шуберт, 1933]. Нам же существенно важно то, что в переводческой интерпретации Белого название цикла всегда звучит как «Зимнее *странствие*»⁵, и так никто больше не переводил. Строго говоря, такой перевод мог бы быть точным, если бы название цикла звучало как [*das*] *Winterwandern*, или [*die*] *Winterwanderung*. Белый же, скорее всего, намеренно не учитывает семантической разницы между лексемами *die Reise* (путешествие, странствие при наличии имеющейся цели; дорога, путь) и *das Wandern* (бесцельный поход, скитания (пешком); пеший поход)⁶; в данном случае очевидно, что Белому была важна смысловая реализация в последней лексеме значения *странствия как мистического путешествия*. Учитывая особый семантический ореол близкой по значению лексемы *путь* как в культуре русского символизма, так и в поэтике романтизма [Топоров, 1980; Максимов, 1981; Магомедова, 1998; Левкиевская, 1999; Серегина, 2017], можно утверждать, что тема обыденного путешествия, пешей прогулки трансформируется у Белого в романтическую метафору духовного странствия. Таким образом, обозначенные им в письме *Wanderns Jahre*⁷ – это годы духовного странничества, хронологически очерченные встречей с немецким мистиком, основателем антропософского движения Рудольфом Штайнером. В поздних воспоминаниях о встречах с доктором Штайнером Белый обозначит этот период так: «“*годы странствия*”, как первый этап ученичества; менялись: города, страны, культуры, музеи, библиотеки, ландшафты, природы; надо было выслушать доктора – на водах, на горах, в городах, среди зелени» [Белый, 2000, с. 257].

И в самом деле: мифопоэтический ореол лексемы *странствие*, ее ocasionальное значение в авторском словаре можно проследить, обратившись к релевантному контексту; рассмотрим, например, ее реализацию в книге Белого «Воспоминания о Штайнере». При знакомстве с учением Штайнера «в тебе развивается: предприимчивость,

⁵ Отмечено в: [Белый, 2017, с. 249].

⁶ Пользуясь случаем, хотим поблагодарить за лингвистическую консультацию доктора Ангелику Шмидт (Триф).

⁷ А.В. Лавров отмечал в этой фразе явственную аллюзию на роман И.-В.Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (Wilhelm Meisters Wanderjahre, oder Die Entsagenden, 1829) [Белый, 2001, с. 572–573].

гибкость и умение – *странствовать*⁸ по “воззрениям”, переживая с ними неучитываемые все конкретности *странствий*, всю жизнь их: страхи, радости и восторги тут посещают тебя» [Белый, 2000, с. 31]; при толковании оккультной метафизики науки о Духе Штайнера – «усложнение целого – вторая часть опытных *странствий*» [Там же, с. 61]; при истолковании ментального путешествия адепта – «Объяснение в разуме – начинается тут. Оно предполагается в “после” – коренится же в “до”, определяя нам наше *странствие*» [Там же]; «А дороги-то – “Зимнее странствие” в долгой веренице лет» [Белый, 2000, с. 437]. Мотив странствия встроен в наиболее интимную, «инициатическую» часть автобиографического мифа писателя, апеллирует к платоновскому предвоспоминанию и к воспоминанию как предчувствию, циклически воспроизводит мифологическое событие – евангельский сюжет рождения Божественного младенца [Глухова, 2018]: «Вот сущность Христова переживания, застигающего в самом темном месте *земного странствия*, в пустых, в диких годах, разбивающих землю в осколки, после чего она охвачена пламенем уничтожения “я”, не сумевших до-вспомнить, иль пламенем обновления для других “я”» [Белый, 2000, с. 521]. Кроме того, *странствие* восходит к античной мистериальной традиции; Белый обращается к древнегреческому сюжету путешествия души по загробному миру – преодолению смерти и новому рождению, сюжету, который ежегодно воспроизводился в Элевсинских мистериях – *странствию* Персефоны в поисках своей дочери Деметры: «цветами выходит из тартара душа, Персефона; таинство Персефониных *странствий*: мистерия» [Там же, с. 161].

Белый в своих автобиографических записях иногда упоминает, что он принадлежал к числу учеников «Esoterische Stunde» Штайнера⁹, однако по вполне понятным причинам никогда не признавался в том, что был участником масонской Ложы, ритуальную часть которой разрабатывал сам Штайнер. Как известно, в масонстве под «странствием» подразумевается часть ритуального действия – это процессия, проходящая вокруг помещения Ложы во время определенных церемоний, например, освящения масонской Ложы, посвящения в Братство, посвящение в более высокую масонскую степень. В недавно изданных материалах

⁸ Здесь и далее в данном абзаце курсив наш. – Е.Г.

⁹ Ср., например: «Большим событием для меня было принятие нас с Асей в Е.С. (“Esoterischer Stunde” – собрания для учеников, применяющих методы к себе духовной науки; здесь все указания д-ра специальные, техничны; в “Е.С.” допущены были не все члены А.О.)» [Белый, 2016, с. 136–137]. Белый и А.А. Тургенева были приглашены на “Esoterische Stunde” в мае 1913 г.; подробный рассказ о них – в «Воспоминаниях о Штайнере», гл. 3, 12–14 [Белый, 2000, с. 358–361].

культового отделения эзотерической школы Штайнера опубликован конспект, выполненный рукой Марии фон Сиверс «Буквальный текст к “Странствию по жизни”» – написанный Штайнером текст масонской легенды, который зачитывался во время ритуала принятия в члены Ложы [Штайнер, 2012, с. 256–263].

К описанию у Белого указанного периода ученичества, 1912–1916 гг., стоило бы добавить, что в воспоминаниях о Штайнере он неоднократно подчеркивал, что дорнахский период его жизни имел ярко выраженное музыкальное сопровождение. Это было связано с повседневными реалиями антропософской общины на фоне Первой мировой войны, по всей видимости, там часто исполняли мелодии Шуберта и Шумана: «И как внешней рамой этой внутренней борьбы обвела нас судьба борьбою народов; и гром пушек врвался в звуки Шумана и Шуберта, раздававшиеся с дорнахского холма» [Белый, 2000, с. 358–361] – «Две ноты, две темы, сближенные в точке романтики, как Шуман и Шуберт <...> Шуман и Шуберт, мной почувствованные в Дорнахе, верней, Бах и Скрябин, тающиеся под ними, – мучительная антиномия, или ужасные бои, в которых участвовали дорнахцы, бросавшиеся жертвенно в центр огня, – вот происхождение трагической травмы...»¹⁰ [Там же, с. 248]. В его воспоминаниях Штайнер предстает как бы сотканным из этих мелодий, объединяя в своей личности трагический разлом бытия и романтический лиризм горного мира: «но всегда за сложнейшими углами *порывов* как вариаций – точка *темь* этих вариаций, или двойной взгляд, в котором Шуман и Шуберт пересекались в нам уже недоступных духовных высотах; и если бы мы увидели точку действительного пересечения сложного контрапункта тематики, мы бы ахнули: мы увидели бы *крест*; и на нем – третий, шестой и девятый час доктора» [Там же, с. 232].

Белый вернется к шубертовскому циклу осенью 1918 г., когда в московской группе русского Антропософского общества состоялись два музыкальных вечера, где прозвучали оба вокальных цикла Шуберта в исполнении певицы и антропософки А.В. Сизовой. Осенью того же года Белый прочел цикл лекций в московском Антропософском обществе: «О живоносном ручье европейской культуры», «О короне любви и мистерии смерти в антропософском раскрытии», «Зимнее странствие, ночь: полуночное солнце культуры» [Белый, 2016, с. 761, 763]

¹⁰ Белый характеризует свою рецепцию наследия Шумана и Шуберта в «Истории становления самосознающей души» как антиномичную, однако в рамках одной музыкальной традиции романтизма: «Шуберт и Шуман – романтики; в них обоих есть вскрик: “Уже, началось”. Но у Шуберта этот вскрик означает: “уже началось восхождение!”, у Шумана же он означает: “Уже началось никогда небывалое нисхождение в никогда не виданную, в нас вперенную бездну!”» [Белый, 1999, с. ???].

(ср. [Белый, 2016, с. 446; 96–97]¹¹). Последняя лекция, как следует из названия, была посвящена интерпретации мотивов вокального цикла «Winterreise». В проекте занятий общества на 1918 г. тема лекции дважды уточнялась, первоначальный, зачеркнутый вариант «“Странник и его тень” как этап посвящения», вероятно, предполагал беседу с опорой на философское эссе Фр. Ницше «Странник и его тень». Второй вариант темы лекции прочитывался так: “Зимнее странствие [:Странник и тень], ночь: полуночное солнце культуры» [Там же, с. 763]. По всей видимости, в своей лекции Белый интерпретировал некоторые аспекты антропософской инициации, опираясь на образность вокального цикла Шуберта, недавно исполнявшегося в антропософской аудитории: мотив *зимнего странствия* и образ *полуночного солнца*¹². Вместе с тем, отвергнутый вариант названия – *странник и тень* – озвучивал характерный для мистико-романтической традиции мотив двойничества; допустим, что перед нами случай *темы в вариациях*, подход, почерпнутый Белым из музыкальной традиции.

К сожалению, записей лекций, которые были прочитаны Белым для антропософфов, не сохранилось, но есть основания полагать, что они содержательно влились в его книгу «Кризис культуры» (Москва, 1920), где встречаются следы навязчивых повторяющихся цитаций выбранных стихотворений цикла: «Die Krähe» («Ворон») и «Der Wegweiser» («Дорожный столб»), отчасти толкование «Der Leiermann» («Шарманщик»), поскольку именно эти стихотворения цикла оказываются наиболее релевантными мифопоэтическому пространству автобиографии писателя, заставив его обратиться к толкованию их мотивно-образной структуры (Ср. §§ 21–34 [Белый, 1994b, с. 273–281]). Сам метод подачи шубертовского цикла выбранными цитатами свидетельствует о том, что Белый как талантливый лектор специально акцентировал внимание слушателя на тех мотивах, которые, с его точки зрения, оказывались наиболее соответствующими не только его мифопоэтике, но и раскрывали мистическую окраску цикла, демонстрируя странствие лирического «я», *странника*. Белый особенно останавливается на образе *странника*: это и сам Шуберт – «идет перед нами непонятым странником», это и ницшевский Заратустра – «одиноким странником». Разумеется, исследование семантического ореола лексемы *странник*¹³

¹¹ Ср.: [Белый, 2016, с. 684], где лекции названы «О живоносном импульсе европейской культуры», «Венец Любви», «Зимнее Странствие».

¹² В рамках данной статьи мы не имеем возможности рассмотреть образ «полуночного солнца», этой теме будет посвящена наша другая статья.

¹³ Ср. также функционально значимый образ *Странника* у Блока. Как указывает А.Л. Рычков, он восходит к не только к традиции русского монашеского странничества, но и к раннехристианским гностикам [Рычков, 2013, с. 298–299].

заслуживает отдельного разговора. В разные периоды творческой активности Белый назовет «странниками» разных персонажей, например, это Воган из вагнеровского «Кольца Нибелунгов» (статья «Песнь жизни»), Ибсен – «странник по высотам» («Кризис сознания и Генрик Ибсен»), но и Вл. Соловьев – это «странник, ходящий перед Богом» («Владимир Соловьев. Из воспоминаний»). Белый примеряет этот образ к себе в романе «Записки чудака»: «когда стал я воистину “странником”, шествующим за звездой своею: звезда привела меня к яслям; там, в “яслях”, младенец лежал» [Белый, 1997а, с. 310]; и к другому поэту, Ю.К. Балтрушайтису, собрату по символистскому цеху: «Б<алтрушайтис> ощущает себя странником: «Странник» – посвят<ительная> ступень в мистериях: <его> поэзия – путь к первой ступ<ени> посвящения; и путь взят верно: он ощущает тягости жизни, как котомку» [Белый, 2018, с. 289–290].

Следуя логике евангельски-апокрифической образности, перед читателем разворачивается ряд характеристик посвятительного пути: это «путь в Дамаск», «путь к видению», через «смерть и ночь», «загробное странствие», «хождение души по мытарствам» [Белый, 1994b, с. 272–273]; на этом пути странника подстерегают препятствия, свойственные прохождению инициатической границы между жизнью и смертью, его сопровождает «посвятительный ворон»¹⁴ («Die Krähe»): «ворон есть стадия посвящения древнеперсидских мистерий» [Там же, с. 274].

Отметим перенесение приема музыкального рефрена на организацию прозы «Кризиса культуры»: следуя за структурой музыкального цикла «Winterreise», Белый попеременно повторяет две цитаты: *Eine Krähe ist mit mir / Von der Stadt gezogen*¹⁵ (из «Die Krähe»), и *Eine Straße muß ich gehen, / Die noch keiner kommt zurück*¹⁶ (из «Der Wegweiser»)¹⁷. Приведем несколько примеров:

«И, слушая звуки «Die Krähe», мы видим: мистерию одинокого “Зараустры” бредущего: от востока на запад; и вдруг – обращенного на себя:

Eine Krähe ist mit mir

Von der Stadt gezogen» [Там же, с. 273];

«Но Ницше не понял того, встретив “ворона” посвящения, не осилил его; не стал “вороном”; “ворон” ему расклевал его мозг зимним криком о вечном возврате; он мог бы сказать, убегая из... Базеля:

¹⁴ Как указывает М.Л. Спивак, трактовка образа восходит к Штайнеру, который неоднократно отмечал, что «первую ступень персидского посвящения обозначали именем “ворон”» [Белый, 2017, с. 231].

¹⁵ В оригинале: *Eine Krähe war mit mir / Aus der Stadt gezogen.*

¹⁶ В оригинале: *Eine Straße muß ich gehen, / Die noch keiner ging zurück.*

¹⁷ Мы намеренно приводим здесь искаженную цитацию Белого, потому что однажды неправильно запомнив, он всегда повторял эти цитаты только в таком варианте.

Eine Krähe ist mit mir

Von der Stadt gezogen» [Белый, 1994b, с. 275];

«Это мне подсказало мое пребывание в Базеле – зимнее странствие, «Winterreise» мое, начиналось здесь; освобождала себя из тисков, зажимавших в России меня, моя пленная воля; я встретил под Базелем тень Заратустры; и каркала здесь мне ворона; недавно бежал я из Базеля в горы; и вот:

Eine Krähe ist mit mir

Von der Stadt gezogen» [Там же];

«Сколько бы ни старался с презрением я относиться к сопровождающей личности, все обволакивалось неприятным туманом во мне.

Eine Krähe ist mit mir

Von der Stadt gezogen» [Белый, 1994b, с. 276].

Отметим, что в 1927 г. в сценарий постановки драмы «Москва» А. Белый включил исполнение нескольких песен Шуберта («Gretchen am Spinnrade», «Der Erlkönig», «Der Doppelgänger»), однако именно мелодия «Die Krähe» становится одним из музыкальных лейтмотивов спектакля, как бы символически предвещающая несчастья профессора Коробкина [Белый, 1997b, с. 68, 69, 79, 87].

Лейтмотив *зимнего странствования* органично вплетается в автобиографическую мифологию писателя, на протяжении последующих десятилетий Белый часто цитирует строки *Eine Straße muß ich gehen, / Die noch keiner ging zurück*¹⁸. Ср. в воспоминаниях его второй жены, К.Н. Бугаевой: «Да, он ходил по дорогам, где спутников быть не могло. “Eine Strasse muss ich gehen” – эти слова из романса Шуберта (цикл “Зимнее странствие”) одно время постоянно звучали в устах Б.Н. Он даже включил их в “Кризисы”, над которыми работал тогда, а гораздо позднее ввел их опять в мемуары “Между двух революций”.

Ему слышался в них лейтмотив его странной судьбы, особенно остро поднявшийся в нем в те трудные годы: лейтмотив безвозвратного и одинокого странствия. Эти годы он еще называл своим “Winterreise” – по имени этого цикла песен Шуберта» [Бугаева, 2001, с. 99].

Эти же строки писатель вложил в уста профессора Коробкина (роман «Москва»), которого везут в сумасшедший дом после пыток и ослепления¹⁹: «Я знаю, – не можешь за мною идти: я иду по дороге, которой еще не ходили» [Белый, 1927, с. 245–246].

¹⁸ Ср. подробный комментарий М.Л. Спивак к письму Белого к М. Бауэру [Белый, 2017, с. 250].

¹⁹ По замечанию японской исследовательницы Ваканы Коно, сюжет ослепления Коробкина в романе «Москва» связан с мотивом «духовного возрождения» героя, а его односторонность воспроизводит масонскую символику: *Всевидающее око*, или *лучезарная дельта* символизирует Великого Архитектора Вселенной. [Коно, 2008, с. 494].

Именно это двустороннее, ставшее для Белого символом мучительно-го личного пути, Белый неоднократно повторял в письмах к разным людям – Е.Ю. Фехнер, Иванову-Разумнику, М. Бауэру²⁰, связывая эти строки с глубоко трагическим экзистенциальным переживанием действительности послереволюционной России: «Именно в это омраченное, голодное время, когда мы наше “Зимнее странствие”... переживали, единственный лейтмотив нашей жизни и действий, – так он звучал:

Eine Straße muß ich gehen,

Die noch keiner kommt zurück» [Белый, 2017, с. 231].

В письме из Берлина зимой 1921 г. к Е.Ю. Фехнер: «Да, наша русская дорога, когда вспо минаешь ее перед немцами, то хочется сказать: каждый русский с гордостью может выдвинуть свой лозунг – лозунг Судьбы.

Eine Straße muß ich gehen,

Die noch keiner kommt zurück» [Там же, с. 440].

Заметим, что именно эти последние строки последней строфы стихотворения Мюллера в музыкальной интерпретации Шуберта были усилены дублированием последней строфы целиком; очевидно, что такая структура песни подчеркивали и углубляли смысл стиха. Отчетливо выделяемая графически, приводимая только на языке оригинала – эта цитата действительно становится своеобразным музыкальным рефреном к жизненному пути Андрея Белого, вновь и вновь воспроизводя мелодию вокального цикла Шуберта, как бы озвучивая мифологизируемую действительность.

Как отметила М.Л. Спивак, эта тема связана и с переживанием разрыва с женой Асей Тургеневой: «...“Зимнее странствие” длинно; надо научиться ждать... “У дороги” человечества нет возврата: никто не может вернуться; и мое возвращение Ася восприняла как мою прогулку...»²¹ [Там же, с. 235]. Вместе с тем, *зимнее странствие* не как мистический путь, а как биографическое испытание в письмах к Иванову-Разумнику в 1919 г. обретает близкородственное значение – *зимняя ночь*. – Ср.: «Ваше письмо разбудило меня от тяжелого сна этих месяцев “Зимней Ночи”» – «...ночные бреды и “Winternacht” (еще не “Reise”) смешивали все звуки» [Белый, 1998, с. 178].

²⁰ Связь темы Winterreise с личным трагическим опытом писателя отмечен в книге [Спивак, 2006, с. 256–258].

²¹ Ср. в письме Белого к Иванову-Разумнику из Берлина: «От боли стискиваю зубы; и – лью... Провалилась Ася, Штейнер, движение, – все: нелегко мне вынести эту утрату. Но на *такое* ведь ехал: знал, что ждет.

Eine Strasse muss ich gehen,

Die noch keiner kommt zurück» [Белый, 1998, с. 234].

Таким образом, мы выявили один из приемов, характерных для прозаического наследия Андрея Белого, – смысловое преобразование чужой цитаты, а именно заглавия цикла Шуберта «Winterreise», и его последовательную трансформацию в оригинальную метафору посвященного пути как *зимнего странствия*, эзотерического и экзистенциального, выдвижение отдельного тематического комплекса (странствие, странник, путь, ворон), в свою очередь формирующего автобиографическую мифологию писателя.

Библиографический список / References

Белый, 2016 – Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев (отв. ред.). Серия «Литературное наследство». Т. 105. М., 2016. С. 136–137. [Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov [Andrei Bely. Autobiographical vaults: The material for the biography. View to the diary. Registration records. 1930s diaries]. A. Yu. Galushkin, O.A. Korostelev (eds.). Series “Literaturnoe Nasledstvo”. Т. 105. Moscow, 2016. Pp. 136–137. (In Russ.)]

Белый, 1927 – Белый А. Московский чудака. М., 1927. С. 245–246. [Bely A. Moskovskii chudak [Notes of an Eccentric]. Moscow, 1927. Pp. 245–246.]

Белый, 1988 – Белый А. Как мы пишем. О себе как писателе / Предисл., публ. В. Сажина // Андрей Белый. Проблемы творчества: Сб. ст. М., 1988. [Bely A. Kak my pishem. O sebe kak o pisatele [As we write. About me as a writer]. V. Sazhin (foreword and publication). *Andrei Belyi. Problemy tvorchestva*. Moscow, 1988. (In Russ.)]

Белый, 1990 – Белый А. Начало века. М., 1990. [Andrei Belyi. Nachalo veka [The Beginning of the Century]. Moscow, 1990. (In Russ.)]

Белый, 1994а – Белый А. Собр. соч. Стихотворения и поэмы. М., 1994. [Bely A. Sobranie sochinenii. Stikhotvoreniia i poemy [Collected works. Poetry and poems]. Moscow, 1994.]

Белый, 1994б – Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст., примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. [Bely A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as a worldview]. L.A. Sugai (ed.). Moscow, 1994. (In Russ.)]

Белый, 1997а – Белый А. Собр. соч. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М., 1997. [Bely A. Sobranie sochinenii. Kotik Letayev. Kreshhenyi kitaec. Zapiski chudaka [Collected works. Kotik Letayev. The Christened Chinaman. Notes of an Eccentric]. Moscow, 1997.]

Белый, 1997б – Белый А. Москва. Драма в пяти действиях / Предисл., коммент., публ. Т. Николеску. М., 1997. [Bely A. Moskva. Drama v piati deistviiah [Moscow. A drama in five acts]. T. Nikolesku (preface, comments, publication). Moscow, 1997. (In Russ.)]

Белый, 1998 – Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. [Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence]. St. Petersburg, 1998. (In Russ.)]

Белый, 1999 – Белый А. Душа самосознающая / Сост., вступ. ст. Э.И. Чистяковой. М., 1999. [Bely A. Dusha samosoznaiushhaia [Self-conscious soul]. E.I. Chistiakova (preface, comments). Moscow, 1999. (In Russ.)]

Белый, 2000 – Белый А. Собрание сочинений. Рудольф Штайнер и Гёте в мировоззрении современности. Воспоминания о Штайнере / Под общ. ред. В.М. Пискунова. М., 2000. [Bely A. Sbranie sochinenii. Rudolf Shtainer i Giote v mirovozzrenii sovremennosti. Vospominaniia o Shtainere [Collected works. Rudolf Steiner and Goethe in the worldview of our time. Memories about Steiner]. V.M. Piskunov (ed.). Moscow, 2000. (In Russ.)]

Белый, 2001 – Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. 1903–1919 / Под общ. ред. Лесневского. М., 2001. [Andrei Bely i Aleksandr Blok: Perepiska. 1903–1919 [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Lesnevskii S.S. (ed.). Moscow, 2001. (In Russ.)]

Белый, 2007 – Письма Андрея Белого к Е.Ю. Фехнер // Лавров А.В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 430–452. [Andrei Bely's letters to E.Yu. Fechner. Lavrov A.V. Andrej Belyj. Razyskanija i etjudy. Moscow, 2007. Pp. 430–452. (In Russ.)]

Белый, 2017 – Андрей Белый. Письмо к Михаилу Бауэру / Подгот. текста, примеч. М.Л. Спивак; перев. с нем. Х. Шталь // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград–Москва, 2017. С. 249. [Andrei Bely's letter to Mikhail Bauer. M.L. Spivak (text preparation, notes); H. Shtal' (transl. from German). Arabeski Andreia Belogo: Zhizennyi put'. Dukhovnye iskaniiia. Poetika. Belgrade – Moscow, 2017. P. 249. (In Russ.)]

Белый, 2018 – Белый А. Жезл Аарона. Работы по теории слова 1916–1927 / О.А. Коростелев (отв. ред.). М., 2018. [Bely A. Zhezl Aarona. Raboty po teorii slova 1916–1927 [Aaron's rod. Works on the theory of words 1916–1927]. O.A. Korostelev (ed.). М., 2018. (In Russ.)]

Бугаева, 2001 – Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. [Bugaeva K.N. Vospominaniia ob Andree Belom [Memoires about Andrei Bely]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)]

Глухова, 2018 – Глухова Е.В. Евангельский сюжет о рождении младенца и его трансформация в автобиографической мифологии Андрея Белого // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 197–215. [Glukhova E.V. Gospel story about the birth of a baby and its transformation in the autobiographical mythology of Andrei Bely. Vestnik slavianskih kul'tur. 2018. Vol. 50. Pp. 197–215. (In Russ.)]

Коломийцов, 1933 – Коломийцов В.П. Тексты песен Франца Шуберта: (100 стихотворений Шиллера, Гете, Гейне и др. нем. поэтов в эквиритмич. переводах). Ленинград, 1933. [Kolomijcov V.P. Teksty pesen Franca Shuberta: (100 stihotvorenii Shillera, Gete, Geine i dr. nem. poetov v ekviritmich. perevodah) [Lyrics by Franz Schubert: (100 poems by Schiller, Goethe, Heine and other German poets in equirhythmic translations)]. Leningrad, 1933. (In Russ.)]

Коно, 2008 – Коно В. Мотив «глаза» в «Москве» Андрея Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М., 2008. [Kono V. The motif of “eye” in the Andrei Bely's novel “Moscow”. Andrei Belyi v izmeniaushhemsia mire: k 125-letiiu so dnia rozhdeniia. М., 2008. P. 494. (In Russ.)]

Левкиевская, 1999 – Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Гл. ред. Н.И. Толстой. Т. 2. М., 1999. С. 124–129.

[Levkievskaja E.E. The road. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar*. N.I. Tolstoj (ed.). T. 2. Moscow, 1999. Pp. 124–129. (In Russ.)]

Магомедова, 1998 – Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1998. [Magomedova D.M. *Autobiograficheskiy mif v tvorčestve Aleksandra Bloka* [Autobiographical Myth in the works of Alexander Blok]. Moscow, 1998. (In Russ.)]

Магомедова, 2006 – Магомедова Д.М. Книга стихов в творчестве Андрея Белого и поэта романтического вокального цикла // Стих. Язык. Поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 336–342. [Magomedova D.M. [Book of poems in the works of Andrei Bely and the poetics of the romantic vocal cycle] *Stih. Jazyk. Poeziia: Pamiati Mihaila Leonovicha Gasparova*. Moscow, 2006. Pp. 336–342. (In Russ.)]

Максимов, 1981 – Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире А. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза А. Блока. Л., 1981. [Maksimov D.E. *Autobiographical Myth in the works of Alexander Blok*. Maksimov D.E. *Poeziia i proza A. Bloka*. Leningrad, 1981. (In Russ.)]

Мюллер, 1865 – Мюллер М. Лекции по науке о языке. Читанные в Королевском Британском институте в апреле, мае и июне 1861 г. СПб., 1865. [Müller F.M. *Lektsii po nauke o yazyke. Chitannye v Korolevskom Britanskom institute v aprele, mae i iune 1861 g.* [Lectures on the Science of Language: Delivered at the Royal Institution of Great Britain in April, May, & June 1861]. St. Petersburg, 1865. (In Russ.)]

Рычков, 2013 – Рычков А. Исторический фон и религиозная подоплека драмы «Роза и крест» // Блок А. Роза и Крест. М., 2013. С. 289–303. [Rychkov A. *The historical and religious background of the drama “Rose and the Cross”*. Blok A. *Roza i Krest*. Moscow, 2013. Pp. 289–303.]

Серегина, 2017 – Серегина С.А. Образ пути в творчестве С.А. Есенина и А.А. Блока: ранняя лирика // Научный диалог. 2017. № 10. С. 179–187. [Seregina S.A. *The image of the path in the works of Sergei Yesenin and Alexander Blok: early lyrics*. *Nauchnyi dialog*. 2017. № 10. Pp. 179–187. (In Russ.)]

Сидорова, 2016 – Сидорова Е.В. Шуберт Ф. Вокальный цикл «Зимний путь»: композиционные особенности крупной и малых форм // IV Международная конференция «Музыкальная наука в едином культурном пространстве» (декабрь 2016). URL: <https://www.piano.ru/scores/sidorova/sidorova-zp.pdf> (дата обращения: 21.07.2019) [Sidorova E.V. *Song cycle “The Winter Journey”: Compositional features of large and small forms*. *IV Mezhdunarodnaia konferenciia «Muzykal'naia nauka v edinom kul'turnom prostranstve» (dekabr' 2016)*. URL: <https://www.piano.ru/scores/sidorova/sidorova-zp.pdf> (In Russ.)]

Спивак, 2006 – Спивак М.Л. Андрей Белый мистик и советский писатель. М., 2006. [Spivak M.L. *Andrei Belyi mistik i sovetskii pisatel'* [Andrei Bely the mystic and Soviet writer]. Moscow, 2006. (In Russ.)]

Тилкес, 2000 – Тилкес О. Литература и музыка. Четвертая симфония Андрея Белого. Амстердам, [2000]. [Tilkas O. *Literatura i muzyka. Chetvertaia simfoniia Andreia Belogo* [Literature and music. The Fourth Symphony of Andrei Bely]. Amsterdam, [2000]. (In Russ.)]

Топоров, 1980 – Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. А.С. Токарев. М., 1980. Т. 2. С. 352–353. [Toporov V.N. *Way. Mify narodov mira*. Encyclopedia. A.S. Tokarev (ed.). Moscow, 1980. T. 2. Pp. 352–353. (In Russ.)]

Штайнер, 2012 – Штайнер Р. Материалы Эзотерической школы. Культовое отделение. Ереван, 2012. С. 256–263. [Steiner R. Materialy Ezotericheskoi shkoly. Kul'tovoe otdelenie [Materials of the Esoteric School. The cult department]. Erevan, 2012. Pp. 256–263. (In Russ.)]

Шуберт, 1904 – Шуберт Ф. Зимняя дорога. Цикл песен В. Мюллера в русском переводе И. Тюменева: для голоса с сопровождением ф-но: Op. 89. М., 1904. [Schubert F. Zimniaia doroga. Tsikl pesen V. Miullera v russkom perevode I. Tiimeneva: dlia golosa s soprovozhdeniem f-no: Op. 89. [Winter Journey. A cycle of songs by Wilhelm Müller in a Russian translation by I. Tyumenev: For voice with piano accompaniment: Op. 89]. Moscow, 1904. (In Russ.)].

Шуберт, 1933 – Шуберт Ф. Зимний путь: цикл песен для голоса и ф-но: Op. 89 / Ред. П.А. Ламм; Автор текста В. Мюллер; Пер. С. Заяицкого; Предисл. М. Иванова-Борецкого. М., 1933. [Schubert F. Zimnii put': cikl pesen dlia golosa i f-no: Op. 89. [Schubert F. The Winter Journey: a cycle of songs for voice and piano: Op. 89]. P.A. Lamm (ed.); V. Miuller (text writer); S. Zaiackiy (trans.); M. Ivanov-Boreckiy (foreword). Moscow, 1933. (In Russ.)]

Borries, 2007 – von Borries E. Wilhelm Müller: Der Dichter der Winterreise. Eine Biographie. München, 2007.

Janecek, 1974 – Janecek G. Literature as music: Symphonic form in Andrei Belyi's fourth symphony. *Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'études slaves*. 1974. Vol. 8. № 4. Pp. 501–512.

Kovač, 1976 – Kovač A. Andrej Belyj: The “Symphonies” (1899–1908): A reevaluation of the aesthetic-philosophical heritage. Bern; Munchen, 1976. Pp. 26–94.

Ksicova, 1987 – Ksicova D. Das musikalische Prinzip der «Symphonien» von Andrej Belyj. *Zagadnienia rodzajow lit.* 1987. T. 29. Z. 1. S. 47–57.

Müller, 1823 – Wanderlieder von Wilhelm Müller. Die Winterreise. In 12 Liedern. *Urania. Taschenbuch auf das Jahr 1823*. Leipzig, 1822. S. 207–222.

Ritter, 2014 – Ritter H.M. Winterreise: Wilhelm Müller entdeckt das lyrische Monodram. Berlin, 2014.

Steinberg, 1982 – Steinberg A. Word and music in the novels of Andrej Bely. Cambridge, 1982.

Статья поступила в редакцию 25.07.2019

The article was received on 25.07.2019

Об авторе / About the author

Глухова Елена Валерьевна – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела «Русская литература конца XIX – начала XX вв.», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Elena V. Glukhova – PhD in Philology; Senior Researcher at the Department "Russian literature of the late XIX – early XX centuries", A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3847-0369>

E-mail: elenagluhova@mail.ru

И.А. Пильщиков

Университет Калифорнии, Лос-Анджелес,
90095 г. Лос-Анджелес, США;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119899 г. Москва, Российская Федерация;

Таллинский университет,
10120 г. Таллин, Эстония

Пражская школа на «перекрестке культур» (О многоязычии в научной переписке и изданиях Пражского лингвистического кружка)

В статье обсуждается многоязычная научная переписка Пражского лингвистического кружка в связи с типологией научных объединений и ситуацией «культурного полиглотизма» Пражской школы. Предложены дополнения к историко-научному комментарию академического издания «Pražská škola v korespondenci: Dopisy z let 1924–1989» (Prague: Karolinum, 2014). Особое внимание уделено чехословацким страницам биографии Р.О. Якобсона.

Ключевые слова: Пражская школа, Пражский лингвистический кружок, история филологии, научный быт, бытовое многоязычие и культурный полиглотизм, Р.О. Якобсон

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пильщиков И.А. Пражская школа на «перекрестке культур» (О многоязычии в научной переписке и изданиях Пражского лингвистического кружка) // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 25–52. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-25-52

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-25-52

I. Pilshchikov

University of California, Los Angeles (UCLA),
Los Angeles, CA, 90095, USA;

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119899, Russian Federation;

Tallinn University,
Tallinn, 10120, Estonia

The Prague School at the “Crossroads of Cultures” (On Multilingualism in the Correspondence of the Prague Linguistic Circle)

The article discusses the multilingual correspondence of the Prague Linguistic Circle in connection with the typology of scholarly associations, on the one hand, and “cultural polyglottism” of the Prague School, on the other. The author provides addenda to the academic edition *Pražská škola v korespondenci: Dopisy z let 1924–1989* (Prague: Karolinum, 2014). Special attention is paid to Roman Jakobson’s Czechoslovak years.

Key words: Prague School, Prague Linguistic Circle, intellectual history, the social-environmental aspect of research, multilingualism and cultural polyglottism, Roman Jakobson

FOR CITATION: Pilshchikov I.A. The Prague School at the “Crossroads of Cultures” (On multilingualism in the correspondence of the Prague Linguistic Circle). *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 25–52. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-25-52

В 1975 г. Вяч.Вс. Иванов, анализируя типологию научных объединений в связи с собственным опытом участника Тартуско-московской семиотической школы, противопоставил социально успешный проект Пражского лингвистического кружка (ПЛК, 1926–1952) вынужденному герметизму одного из его непосредственных предшественников – Московского лингвистического кружка (МЛК, 1915–1924): «Необходимым условием плодотворности периодических встреч научной группы,

участники которой обычно (вне этих встреч) пространственно разобщены, является предварительное размножение обширных письменных тезисов основных выступлений, как это показывает, в частности, опыт летних школ по семиотике, организуемых проф. Ю.М. Лотманом в Тарту с 1964 г. Письменная фиксация предварительных результатов работы... превращает их в реальный факт международного (заочного) научного общения <...>. Необходимость такой фиксации результатов... становится очевидной при сравнении широко известных изданий Пражского лингвистического кружка с теми чрезвычайно важными для истории современной лингвистики опытами, которые предшествовали работе этого кружка, но по типографским условиям того времени не были зафиксированы в печати, недостаточно отражены и в архивных рукописных материалах и в настоящее время реконструируются лишь по неполным данным» [Иванов, 1975, с. 4].

Иванов развивает здесь наблюдения одного из главных очевидцев описываемых событий, оказавшегося в числе ключевых инициаторов ПЛК и МЛК. Это Роман Якобсон, который писал о московском кружке: «В связи с техническими трудностями того времени многое из его литературных заготовок долго ждало сдачи в печать и частью оказалось утрачено. Устная передача была главным путем распространения научной мысли молодого сотоварищества. В 1926 г. организационная модель МЛК заодно с его научными планами и достижениями легла в основу новоучрежденного Пражского Лингвистического Кружка, существенно двинувшего вперед и широко развернувшего работу своего предтечи, с которым его связывал также ряд общих сотрудников, частью постоянных, частью кратковременных гостей. Интенсивная печатная деятельность и тесное личное общение с международным научным миром способствовало далекому распространению и обмену плодоносных идей в лингвистике, поэтике и сродных науках» [Якобсон, 1996, с. 368] (ср.: [Jakobson, 1971, p. 533–535]). Изучение русского формализма и пражского структурализма как научных сообществ, как генераторов новых стратегий научного мышления и форм научного общения обращает наше внимание на сам феномен «кружка». Недаром в своей первой ретроспективной англоязычной статье про МЛК [Jakobson, 1971] Якобсон нередко оставляет без перевода русское *kružok* и чешское *kroužek* [Гланц, Пильщиков, 2017, с. 88–91].

Хотя, в отличие от МЛК, Пражский кружок имел возможность реализовать свои научные планы и исследовательские программы в печатных работах, объем материала, оставшегося неопубликованным, чрезвычайно велик. Введение в научный оборот архивных документов, долгое время оставшихся известными лишь узкому кругу

исследователей, имеет большое историко-научное значение. Для дальнейшего осмысления и развития научного наследия ПЛК могут пригодиться как данные, относящиеся к истории науки, так и данные, относящиеся к сфере «научного быта»¹. По замечанию именитого исследователя центральноевропейского структурализма, «история любой науки не может опираться исключительно на внутреннее развитие, она неотделима как от внешних событий, так и от философских убеждений и идеологических представлений, разделяемых учеными» [Sériot, 1997, p. 345]. В 2012 г. произошло значительное эдиционное событие: были опубликованы протоколы заседаний и иных документов ПЛК [Čermák, Poeta, Čermák, 2012]. Затем настала очередь объединить под одной обложкой частную и рабочую корреспонденцию членов кружка.

В книге «Пражская школа в корреспонденции» [Havránková, Petkevič, 2014]² опубликовано 582 письма 55 лингвистов – это письма членов ПЛК друг другу, а также письма лингвистов других школ членам ПЛК и Кружку в целом. Письма расположены секциями в алфавитном порядке адресантов, а внутри каждой секции – по адресатам. Внутри группы писем к одному адресату письма расположены хронологически. Иногда в секцию включаются иные тематически и хронологически связанные письма. Во многих случаях в секцию, помимо писем «заглавного» героя, включаются и письма к нему – в результате некоторые персонажи остались без «собственной» секции, будучи включены в «чужие». Структура сборника, на первый взгляд не слишком наглядная, постепенно проясняется по мере работы с книгой. Читатель, желающий найти определенную группу писем, должен искать их либо по адресату, либо по адресанту: заранее сказать, как именно классифицировано конкретное письмо, нельзя.

Не использованы в качестве классифицирующих персоналий имена основателей ПЛК Вилема Матезиуса и Романа Якобсона, хотя в сборнике опубликованы большие блоки писем Матезиуса к младшим коллегам (Йозефу Вахеку и Рене Веллеку) и большие блоки писем Якобсона к Николаю Дурново, Отокару Фишеру, Витезславу Незвалу, Ярославу Сейферту и Йозефу Вахеку, а также одно письмо Якобсона к Дмитрию Чижевскому и одно его письмо к Антонину Станиславу Магру, которое составляет отдельную магровскую секцию в разделе «Внутренний круг Пражской школы» («Vnitřní okruh Pražské školy»)³. Письма Матезиуса

¹ Термин образован по аналогии с эйхенбаумовским «литературный быт» [Эйхенбаум, 1927].

² Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

³ Формально А.С. Магр не был членом Кружка, и в преамбуле к посвященной ему секции он назван «приверженцем ПЛК» («přiznivec PLK») (с. 220; ср. [Čermák, Poeta, Čermák, 2012, p. 395]).

и Якобсона к Альфреду Бему напечатаны в бемовской секции. Богуслав Гавранек и Богумил Трнка присутствуют в книге главным образом в качестве адресатов писем от коллег – исключение составляет переписка Трнки с Вахеком, где за письмом Вахека Трнке от 1933 г. следует 22 письма Трнки Вахеку за 1946–1982 гг., а также обмен письмами между Трнкой и Джакомо Девото (по одному письму от каждого).

Деловая переписка членов ПЛК с «внешним кругом Пражской школы», составившая второй раздел сборника, впечатляет самым набором имен корреспондентов: Шарль Балли, Эмиль Бенвенист, Леонард Блумфилд, Карл Бюлер, Жозеф Вандриес, Луи Ельмслев, Отто Есперсен, Антуан Мейе, Эдвард Сепир, Люсьен Теньер, Макс Фасмер и другие выдающиеся лингвисты. Третий раздел составляют поздравительные письма лингвистов мира в связи с 10-летним юбилеем ПЛК (1936) – еще одно наглядное свидетельство влияния Пражской школы на современников.

Некоторые вошедшие в книгу письма уже публиковались, значительная часть печатается впервые. В редакторской справке (с. 753, примеч. 1 и 2) перечислены основные издания, в которых ранее печатались отдельные письма, а сведения о предыдущих публикациях каждого конкретного письма включены в комментарий к соответствующему письму. В настоящей работе предлагаются дополнения к историко-научному комментарию обсуждаемого издания⁴.

Межвоенная Прага была одним из локусов, открытых для межкультурных контактов, «свободным рынком идей» [Steiner, 1982, p. 179] или «“контактной зоной”», где происходил обмен культурными товарами (“a ‘contact zone’ where cultural goods were exchanged”) [Greenblatt, 2009, p. 251]. Прага – обломок Австро-Венгерской империи, ставший центром строительства новой культурной и политической идентичности Центральной Европы и убежищем для эмигрантов из распавшейся Российской империи [Toman, 1995, p. 103–134], – дала новую жизнь теории языка, литературы и культуры. По словам Галина Тиханова, рождавшаяся на глазах современников Центральная Европа «развивалась на стыке национального энтузиазма и культурного космополитизма, выходящего за рамки местной инкапсуляции и моногlossии» [Tihanov, 2004, p. 67]⁵. Отсылая к концепции «travelling theory» Эдварда Саида [Said, 2000], Тиханов отмечает «огромную важность изгнания и эмиграции для рождения современной литературной теории в Восточной

⁴ Некоторые соображения были уже высказаны в моей рецензионной статье [Pilščík, 2015].

⁵ «...developed at the intersection between national enthusiasms and a cultural cosmopolitanism that transcended local encapsulation and monoglossia». В этом абзаце и далее все переводы мои.

и Центральной Европе» [Tihanov, 2004, p. 68]. О том же, но с точки зрения теории «культурных ареалов», сформировавшейся под влиянием теории «языковых союзов» Якобсона–Трубецкого, писал Ю.М. Лотман в неопубликованной статье «Некоторые проблемы сравнительного изучения художественных текстов» (1971–1972): «Совокупность культур с определенными общими кодами образует культурный ареал. Внутри-ареальный обмен всегда бывает более интенсивным. Для компаративных исследований в этом отношении особый интерес представляют те географические районы, где разного типа культуры длительное время сосуществовали, находясь в тесном пространственном общении. Примерами таких районов будут Закавказье, Прибалтика, Средиземноморье, Центральная Европа»⁶.

В статье «О предпосылках Пражской лингвистической школы» Якобсон утверждал, что «Чехословакия лежит на перекрестке различных культур» («Československo leží na rozcestí rozličných kultur»), а Пражскую школу называл «плодом симбиоза чешской и русской мысли» [Jakobson, 1934, p. 8], умолчав (очевидно, по политическим причинам) об участии в этом симбиозе еще одной национальной школы мысли – немецкой. Ср. более широкий контекст первой цитаты: «Оригинальность школы проявляется в выборе новых идей и в их соединении в систематическое целое. Чехословакия лежит на перекрестке различных культур, и историческое своеобразие ее культуры с глубокой древности... заключается именно в творческом соединении потоков, льющихся из отдаленных источников» (пер. О.М. Малевича) [Цит. по: Малевич, 2007, с. 105]. В статье «Význam ruské filologie pro bohemistiku» («Значение русской филологии для богемистики», 1938) Якобсон отнес к тому же типу культур русскую: «Если мы сравним историю культуры двунаправленных славянских целых, т.е. русскую и чешскую, с историей культуры однонаправленных славянских целых, то придем к убеждению, что, собственно, только двунаправленные целые создают культурные течения, отличающиеся значительными экспортными ценностями» [Цит. по: Малевич, 2007, с. 114] (см. также [Малевич, 1993, с. 79]). О самоорганизации славистики как «планово организованном культурном экспорте», требующем «изучения рынка культурного сбыта», Якобсон пишет по-немецки в статье «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik» («О современных предпосылках русской славистики», 1929), которая обсуждается ниже (перевод цитаты: [Гаспаров, Автономова, 1999, с. 335]).

Сказанное Якобсоном применимо не только к концептуальному и культурному, но и к бытовому многоязычию. Пражский лингвистический

⁶ Tallinna Ülikool. Juri Lotmani semiootikavaramu. Ф. 1 (Ю.М. Лотман). Ед. хр. б/н. Л. 16.

кружок был мультикультурным и интернациональным феноменом, объединяющим чешских, словацких, русских и немецких ученых, которые внесли значительный вклад в его становление и развитие. Переписка между членами ПЛК и их коллегами велась на шести языках: чешском, словацком, русском, немецком, французском и английском⁷. Иногда язык той или иной группы писем трудно предугадать заранее. Так, Богуславу Гавранку Петр Богатырев и Сергей Карцевский писали по-русски, Дмитрий Чижевский и Николай Трубецкой – по-немецки, Александр Исаченко – в основном по-словацки (хотя несколько писем написаны по-чешски), Людовит Новак – наоборот, в основном по-чешски (хотя несколько писем написаны по-словацки), Ойген Риппль – тоже в основном по-чешски (хотя одно письмо написано по-немецки), а Хенрик Беккер – по-немецки с приписками по-чешски. Датчанин Вигго Брёндаль писал Трнке по-французски и по-английски, а Гавранку – по-французски и по-немецки. Итальянец Джакомо Девото переписывался с Трнкой по-немецки, а письмо Гавранку написал по-французски. Голландец Альберт Виллем де Гроот и датчанин Луи Ельмслев переписывались с членами Кружка на трех языках: немецком, французском и английском (при этом письмо Ельмслева от 20 января 1939 г. с выражением признательности за прием в члены ПЛК написано – вероятно, с чьей-то помощью – по-чешски). В сборнике все письма печатаются как на языке оригинала, так и в переводе на чешский.

Обсуждаемое издание весьма полезно для историков чешской, словацкой, немецкой и русской науки (в последнем случае – как российской, так и эмигрантской). Более того, сам представленный в сборнике материал ярко демонстрирует возможность меж- и наднациональной (ре)интерпретации истории гуманитарных наук в духе «cultural mobility studies» [Greenblatt, 2009] и/или «histoire croisée» [Werner, Zimmermann, 2006; Haupt, Kocka, 2010]. Различные ветви структурализма в межвоенной и послевоенной Центральной и Восточной Европе продолжали и «сплетали» линии развития, ведущие как от немецкого и русского формализма, так и от национальных эстетических традиций [Steiner, 1982; Тиханов, 2002; Tihanov, 2004; Tihanov, 2019]. Это позволяет говорить об общеевропейском и даже мировом структуралистском движении, характеризовавшемся сложным динамическим единством в разнообразии своих национальных вариантов [Pilshchikov, Trunin, 2016].

Русскоязычная часть переписки ПЛК была частично опубликована ранее в издании Йиндржиха Томана [Toman, 1994]. Среди этих писем особую ценность представляет письмо к Якобсону географа-евразийца

⁷ О языковой ситуации внутри ПЛК см. [Ehlers, 2005, p. 414–430].

Петра Николаевича Савицкого, чье влияние на других «русских пражцев» часто недооценивается [Томан, 1995, р. 115–116, 214–215; Серио, 1999]. С Савицким, как и с другим лидером евразийцев, князем Николаем Сергеевичем Трубецким, Якобсон был близок интеллектуально и биографически. Более того, 16 октября 1938 г. (по юлианскому календарю) Савицкий стал крестным отцом Якобсона, перешедшего из иудаизма в православие [Баран, 2017, с. 453]. С евразийством идеологически и отчасти научно связана программная статья Якобсона «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik» («О современных предпосылках русской славистики»), опубликованная в октябрьском номере пражско-берлинского «Славянского обозрения» за 1929 г. [Гаспаров, Автономова, 1999; Автономова, 2009, с. 43–52]. Периодическое издание «Slavische Rundschau: Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker» («Славянское обозрение: Информационно-критический журнал о духовной жизни славянских народов») выпускалось издательством «Walter de Gruyter» (Берлин – Лейпциг – Прага) и выходило на немецком языке в Праге с 1929 г. по 1940 г., после чего было закрыто нацистами. Главными редакторами были профессора Немецкого университета в Праге Франц Спина и Герхард Геземанн. До 1938 г. Якобсон руководил восточнославянской секцией журнала. О «Slavische Rundschau» и участии в нем Якобсона и других русских пражцев см.: [Автономова, 2009, с. 59–74; Марченко, 2016].

Необходимо небольшое уточнение к статье Т.В. Марченко, которая пишет в связи со статьей Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», впервые напечатанной в сокращении по-немецки в «Slavische Rundschau» (1930. № 7): «Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat. S. 481–495. Каноническое название этой работы не кажется удачным – лучше было бы “растранившим” (с отсылкой к Маяковскому же – “бесценных слов мот и транжир”, “Нате”). Кстати, именно это и означает немецкий глагол “vergeuden”» [Марченко, 2016, с. 153, примеч. 4]. Замечание не лишено пронизательности, однако каноническое название этой работы принадлежит самому Якобсону, который написал статью по-русски и опубликовал полный оригинальный текст в составе книги «Смерть Владимира Маяковского» (Берлин, 1931). В письме к Хью МакЛейну от 1 октября 1976 г. Якобсон вспоминал: «Гибель Маяковского меня до костей потрясла неожиданным осуществлением издавна предвиденного. <...> Было долгом сказать о промотавшемся поколении⁸, и я писал, наглухо запершись на несколько дней, писал без

⁸ Отсылка к «Думе» Лермонтова («Печально я гляжу на наше поколение!...») с его заключительными строками: *Насмешкой горькою обманутого сына / Над промотавшимся отцом.*

отрыва. Окончив, позвал русских друзей, живших или бывших проездом в Праге, прочел им написанное, ошеломил и Бема, и Гессена, и Савицкого, и Чижевского, и первым прервавший общее молчание Богатырев крикнул: «Ты никогда ничего сильнее и глубже не напишешь!» Так же отозвался Илья Эренбург, получив машинописную копию. Сокращенный немецкий перевод, сделанный Гектером (Hekter), украинцем, работавшим в «Prager Presse» и «Slavische Rundschau», был напечатан в этом журнале» [Цит. по: Гиндин, 1999, с. 165]. Разослав русским филологам-эмигрантам письма с просьбой написать о Маяковском, Якобсон сумел собрать лишь «двухстатейный сборничек» [Там же]. Не отозвался никто, кроме Д. Святополк-Мирского: слишком одиозной была репутация Маяковского как сторонника большевизма. Вместе с тем публикация книги отрезала Якобсону путь в Советскую Россию (Мирский, вернувшийся в СССР в 1932 г., погиб в ГУЛАГе в 1939 г.) [Гиндин, 1999; Ustinov, 2018].

От евразийства в якобсоновских работах этого периода – внимание к лингвистической географии, изучение общих черт между русским и соседними неиндоевропейскими языками и культурами [Серио, 1999; Автономова, 2009, с. 74–90]. Для описания такой общности Якобсон и Трубецкой ввели понятие «языковой союз» (Sprachbund) – структурно-функциональное единство неродственных языков, возникающее вследствие долговременных географических контактов и принципиально отличающееся от понятия «языковой семьи» в сравнительно-историческом языкознании. Таким образом, исследователи предложили в дополнение к историческому (генетическому) подходу к классификации языков пространственный (ареальный); первый подход описывает процесс дивергенции языков, второй – процесс конвергенции. В работе «К характеристике евразийского языкового союза» (1931) Якобсон выделяет общий лингвистический признак, объединяющий языки Евразии, – наличие пар непалатализованных и палатализованных («твердых» и «мягких») согласных [Якобсон, 1931]. Специальную статью «О фонологических языковых союзах» Якобсон напечатал по-немецки в четвертом выпуске «Трудов Пражского лингвистического кружка» («Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1931) и по-русски в евразийском сборнике «Евразия в свете языкознания» (Прага, 1931).

Письмо Савицкого Якобсону (№ 237 в общей нумерации писем «Пражской школы в корреспонденции») написано 9–10 августа 1930 г. по прочтении рукописи вышеупомянутой работы «К характеристике евразийского языкового союза». Комментарий к письму и его текстология требуют некоторых дополнений и поправок. Под «предыдущим письмом», на которое ссылается Савицкий (с. 291), следует понимать его неопубликованное письмо от 7 августа 1930 г., в котором он излагал

Яacobсону свои мысли о «россиеведении» как систематической науке и вспоминал о том, как в 1919 г. в тифозном бреде придумал использовать слово «Евразия» для обозначения Pax Rossica [Sériot, 1999, p. 63, 265]⁹. В перечне терминологических образований Савицкого имеется опечатка (или неисправленная и непрокомментированная описка), перешедшая в обсуждаемый сборник из издания Й. Томана [Toman, 1994, p. 128]. Я имею в виду причастие «азиазизированный» (с. 292) вместо «азиатизированный (язык)». Причастие образовано от (приведенного там же) глагола «азиатизировать» – ср. с (приведенным там же) существительным «азиатизация (языка)».

Можно пожалеть, что в пражский сборник не включены другие письма Савицкого Яacobсону, хранящиеся в архиве Яacobсона в Массачусетском технологическом институте (MIT), – они еще ждут своего издателя¹⁰. Не вполне понятно также, почему в сборник не включены чешскоязычные письма Яacobсона Трнке за 1935–1938 гг., содержащие, по характеристике их первого публикатора, «материалы, связанные с поденной работой кружка» («materials relating to the Circle’s everyday operation») [Там же, p. 168], при том что опубликованные в издании Томана письма Яacobсона к другим членам ПЛК – Николаю Дурново и Альфреду Бему (по-русски), Отокару Фишеру (по-чешски) и члену-корреспонденту ПЛК Дмитрию Чижевскому (по-русски) – включены в обсуждаемое издание в полном объеме¹¹.

Отдельного разговора заслуживает переписка Трубецкого и Яacobсона (между собой они переписывались по-русски). Письма Яacobсона были изъяты гестаповцами при аресте Трубецкого и пропали; сохранилось только несколько писем, копии которых оставил у себя их автор. Письма Трубецкого Яacobсону издал сам Яacobсон¹², сопроводив их ценными комментариями и воспоминаниями [Trubetzkoy, Jakobson, 1985] (русское издание: [Трубецкой, Яacobсон, 2004])¹³. Между прочим, одно из писем Яacobсона Трубецкому (от 6 апреля 1929 г.) содержит свидетельство о преобразовании ПЛК в научное объединение нового типа:

⁹ На необходимость публикации этого письма указывал Патрик Серио в рецензии на издание Й. Томана [Sériot, 1997, p. 346].

¹⁰ Аббревиатура этого собрания (RJP = Roman Jakobson Papers) осталась нерасшифрованной в списке сокращений на с. 757–758. Полная архивная ссылка: Massachusetts Institute of Technology. Libraries. Department of Distinctive Collections. MC-0072 (Roman Jakobson Papers).

¹¹ Включено и франкоязычное письмо Яacobсона к Шарлю Балли от 17 марта 1931 г. (с. 522–523; ср. [Toman, 1994, p. 147]).

¹² При участии Хенрика Барана, Омри Ронена и Марты Тейлор.

¹³ Сами письма в обоих изданиях напечатаны по-русски. В оригинальном издании научный аппарат дан на английском языке, в издании 2004 г. – в переводе на русский.

«Вдруг всему инициативному ядру кружка пришла мысль, что кружок как парламент мнений, как свободная трибуна для дискуссий – пережиток, и что кружок должен быть преобразован в тесно-сплоченную по научной идеологии группу. <...> Этот процесс ныне очень успешно осуществляется. В кружке образовалась своего рода инициативная комиссия в составе Матезиуса, очень способного лингвиста Гавранка, Мукаржовского, Трнки и меня. Эта перелицовка кружка буквально воодушевила его членов <...>. Кружок захватил в свои руки лингвистическую секцию подготовительного комитета съезда славистов, проведя туда пять членов из семи. В семичленной литературной секции два члена кружка. Кружок составил список принципиальных проблем, о которых предложено высказаться желающим членам съезда. <...> Кружок готовит тезисы по всем этим вопросам» [Trubetzkoy, Jakobson, 1985, p. 122, footnote 4; Трубецкой, Якобсон, 2004, с. 126, примеч. 4] (см.: [Toman, 1991, p. 20–23]).

В результате были напечатаны – на двух языках, по-французски и по-чешски, – знаменитые Тезисы ПЛК. Французский текст был опубликован в первом выпуске «Трудов ПЛК» (1929), а чешский текст (вместе с французским) представлен на Первом Международном съезде славистов в Праге 6–13 октября 1929 г. Такие коллективные тезисы-«декларации» Якобсон считал наиболее эффективным способом научного самоопределения «в момент мирового радикального пересмотра всенаучной методологии» [Якобсон, 1979, с. 563]. По воспоминаниям ученого секретаря ПЛК Йозефа Вахека, Тезисы «стали результатом многочисленных заседаний специально назначенной для этой цели комиссии, в которую обычно входили Матезиус, Якобсон, Гавранек, Трнка и Мукаржовский, а иногда и некоторые другие члены Кружка, чаще всего М. Вейнгарт <...>. Встречи продолжались в течение нескольких месяцев и проходили так: каждый раздел Тезисов подготавливался одним из членов комиссии и затем совместно обсуждался всеми ее членами. Таким образом, окончательную редакцию <Тезисов> можно назвать подлинно коллективным произведением» [Vachek, 1983, p. 287].

Окончательная редакция Тезисов была утверждена на заседании ПЛК 28 июня 1929 г. В них сформулирована широкая программа изучения языков, литератур и фольклора славянских народов структурно-лингвистическими методами. 31 октября 1929 г. в газетной заметке о Съезде славистов Якобсон применил заимствованный у психологов термин «структурализм» к новой методологии исследования языка и словесности. Согласно автору заметки, новая структуральная славистика пришла на смену двум предшествующим стадиям развития этой дисциплины – романтическому панславизму и позитивистской славистике [Jakobson, 1929].

Одновременно с этим statement'ом на чешском языке Якобсон употребил тот же термин по-немецки в статье «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik», напечатанной в октябрьском номере «Slavische Rundschau» [Гаспаров, Автономова, 1999, с. 334]. На каком из двух языков этот термин был использован раньше, неясно.

Ряд материалов «Пражской школы в корреспонденции» отражает события сложнейшего периода в межвоенной истории Центральной Европы – годы Второй Чехословацкой Республики и последовавшей затем германской оккупации Чехии (протектората). После Мюнхенского соглашения 1938 г. два немца – богемист Ойген Риппль и музыковед Густав Беккинг – вышли из состава ПЛК. Письмо Беккинга от 17 декабря 1938 г. с просьбой о прекращении членства (№ 5) написано по-немецки и содержит формальную мотивировку самоотвода: невладение чешским, который стал основным языком заседаний Кружка (с. 54). Аналогичное письмо Риппля от 9 декабря 1938 г. (№ 217) написано по-чешски и не содержит никакой формальной мотивировки (с. 279)¹⁴. Дальнейшая судьба двух ученых, внесших значительный вклад в развитие Пражской школы¹⁵, описана в обсуждаемой книге лишь отчасти. В апреле 1939 г. Беккинг вступил в NSDAP, в годы протектората занимал должность декана философского факультета Немецкого университета в Праге, а 9 мая 1945 г. – в день освобождения Праги от нацистов – был, как считается, растерзан разъяренной толпой на пражских улицах [Fuchs, 2001]. Риппль был членом пронацистской Партии судетских немцев (Sudetendeutsche Partei), а затем вступил в NSDAP. Продолжал работать в Немецком университете, в 1941 г. получил должность ординарного профессора чешской и славянской филологии. Умер при невыясненных обстоятельствах в своей квартире в Праге 10 мая 1945 г. [Kraft, 2001; Ehlers, 2003].

К сожалению, в сборник не включены такие яркие свидетельства эпохи, как письмо Якобсона в Исполнительный комитет (Výbor) Пражского лингвистического кружка от 24 февраля 1939 г. о снятии с себя полномочий заместителя председателя ПЛК. Письмо написано за три недели до прихода нацистов в Прагу и за два месяца до вынужденного бегства Якобсона из оккупированной Чехии (опубликовано: [Toman, 1994, p. 194]). Последний советский паспорт был выдан Якобсону в Праге 19 декабря 1934 г. (действителен до 19 декабря

¹⁴ Оба письма ранее публиковались в издании [Toman, 1994, p. 192–193]. Факсимиле письма Беккинга см. в книге [Ehlers, 2005, p. 430].

¹⁵ Так, доклад Беккинга «Musikologie und Sprachwissenschaft» («Музыковедение и языковедение»), прочитанный на заседании ПЛК 30 ноября 1932 г., Якобсон в письме Отокару Фишеру от 16 декабря 1932 г. (№ 69) называет «эпохальным» («epochální») (с. 140).

1935 г.) [Steiner, 2018, p. 82; Стайнер, 2018, с. 21], а 21 октября 1937 г. Якобсон получил чехословацкое гражданство, что позволило ему занять профессорскую должность в Брненском университете на постоянной основе. Однако еще до ввода немецких войск в Чехию 15 марта 1939 г. и установления германского протектората Якобсон как еврей был вынужден покинуть университет (официально он был отправлен в отпуск на неопределенный срок). В марте 1939 г. Студенческое общество философского факультета Брненского университета выпустило прощальную брошюру «Romanu Jakobsonovi – pozdrav a díkůvzdání» («Роману Якобсону – приветствие и благодарность»), в которой ректор Арне Новак напечатал статью «Tvůrčí znalec staročeského básnictví» («Знаток древнечешской литературы») [Малевич, 1993, с. 85; Малевич, 2007, с. 115]. В ноябре 1939 г. все чешские университеты были закрыты по приказу нацистских властей. Для Якобсона «наступили годы вынужденных бездомных блужданий из страны в страну» [Якобсон, Поморска, 1982, с. 27]. В апреле 1939 г. Якобсон с женой (Сватавой Пирковой-Якобсон), опасаясь ареста, в течение месяца нелегально жили в Праге в ожидании визы в Данию. Три статьи Якобсона, вышедшие до конца 1939 г. в оккупированной Праге (о происхождении формулы «Собака Калин царь», о вкладе средневековой чешской культуры в общецерковнославянскую и о влиянии старочешской словесности на старопольскую), были напечатаны под «скандинавским» псевдонимом «Олаф Янсен» (Olaf Jansen). Вскоре после «Мюнхенского сговора», предопределившего дальнейшую судьбу Чехословакии, т.е. с октября 1938 г., Якобсон начал просить датских коллег об университетском приглашении, которое было получено в апреле 1939 г. В 20-х числах апреля 1939 г. он прибыл проездом через Берлин в столицу Дании как приглашенный профессор Копенгагенского университета [Fischer-Jørgensen, 1997; Баран, 2017, с. 453]. С этой даты и близкой по времени эмиграции Рене Веллека можно отсчитывать время «Пражской школы в изгнании» – много лет спустя это понятие ввел Любомир Долежел, чешский лингвист и теоретик литературы, признанный глава чешской эмигрантской филологии, уехавший в Канаду после пражских событий 1968 г. [Doležel, 1996].

Не вошло в сборник переписки пражцев и заявление Матезиуса в Исполком ПЛК от 20 июня 1940 г. о том, что он «не является евреем в смысле § 1 государственного распоряжения № 136/1940 из Сборника законов и распоряжений» («že nejsem židem ve smyslu § 1 vládního nařízení čísl. 136/1940 Sb<írky> z<ákonů> a n<ařízení>») [Toman, 1994, p. 219]. О важности этих документов писали рецензенты томановского издания, где были напечатаны обсуждаемые письма [Hlavsa, Daneš, 1996, p. 245–246; Thomas, 1997, p. 125]. Государственное распоряжение

136/1940 от 4 июля 1939 г., опубликованное в «Сборнике законов и распоряжений протектората Богемии и Моравии» за 1940 г. (нем.: «Sammlung der Gesetze und Verordnungen des Protektorats Böhmen und Mähren», чеш.: «Sbírka zákonů a nařízení Protektorátu Čechy a Morava»), запрещало евреям занимать общественные должности. Первая статья распоряжения устанавливала определение «еврея» в формулировке, соответствующей так называемым «нюрнбергским расовым законам», а именно статье пятой «Первого распоряжения к Закону о гражданстве Рейха» («Erste Verordnung zum Reichsbürgergesetz») от 14 ноября 1935 г. [Trial, p. 488 (Документ 998-PS. с. 76); Tauchen, 2011, p. 185–186, 189; Drgo, 2014, p. 318–321; Tokárová, 2019, p. 94–95]. В соответствии с распоряжением 136/1940 Матезиус не мог бы занимать должность председателя Кружка, если бы был евреем, и должен был представить соответствующие документы, чтобы продолжать руководить Кружком.

Отдельный интерес представляют письма, отражающие процессы и события в Чехословакии после Второй мировой войны. Так, обращает на себя внимание переписка Александра Исаченко с Богуславом Гавранком и Богумилом Трнкой за 1945–1949 гг., свидетельствующая о безуспешных попытках опубликовать в Чехословакии «Altkirchenslavische Grammatik» Николая Трубецкого. Книга первоначально планировалась к выходу в качестве IX тома «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», но в результате вышла только в 1954 г. в Вене.

Историки, изучающих перипетии взаимоотношений между наукой и официальной идеологией, несомненно, заинтересуют документы, связанные с антиструктуралистской кампанией 1951 г. в журнале «Tvorba» (см. [Chobotová, 2011; Pešek, 2013]) и участием в ней Яна Мукаржовского (см. [Červenka, 1991, p. 5; Kříž, 2014, p. 144–145, 148; Sládek, 2015a, p. 289–348; Steiner, 2019]). Таковы письма Мукаржовскому от Йиндржиха Гонцля (27 ноября 1951 г.) и Феликса Водички (12 ноября 1951 г.). Объемное представление об идеологическом и стилистическом контексте антиструктуралистских дискуссий дает письмо, направленное кафедрой романистики и англистики Брненского университета Богуславу Гавранку (13 апреля 1951 г.), с обширными приложениями – тезисами доклада Франтишка Травничка «Структурализм в языкознании» («Strukturalismus v jazykovědě») и разъяснительной запиской Йозефа Вахека от 6 апреля 1951 г. Все указанные материалы 1951 г. (№ 91, 313, 381; с. 152, 403–415, 472) опубликованы впервые. Травничек, бывший структуралист и член ПЛК [Čermák, Poeta, Čermák, 2012, p. 399], стал автором погромной статьи «Структурализм – враг нашего языкознания» [Trávníček, 1951] и вскоре – новым ректором Брненского университета.

Члены ПЛК были специалистами в различных областях знания, поэтому подготовка переписки потребовала от комментаторов немалых профессиональных усилий и массы библиографических разысканий. Вряд ли стоит пенять на то, что какие-то детали остались неучтенными или непрокомментированными. Задача комментария – предоставить читателю минимум, необходимый для понимания текста, и она, по большому счету, в обсуждаемом издании выполнена. Позволю себе, тем не менее, несколько фактографических замечаний, преимущественно связанных с русскоязычными авторами и персонажами публикуемых писем.

21 июля 1936 г. Якобсон пишет Бему (письмо № 9): «Маха выделяет не только Дельвига и Пушкина, но и Даля» (с. 57)¹⁶. В записных книжках великого чешского романтика Карела Гинека Махи имеются выписки из русских писателей: Дельвига, Пушкина и Даля [Томан, 1994, р. 187, note 7]. Но Даль для Махи, умершего в 1836 г., – еще не «языковед и лексикограф» (с. 58, примеч. 4 к письму № 9), а писатель-романтик и отчасти этнограф. Даль дебютировал как прозаик в 1830 г., в 1832 г. опубликовал обработанные им «Русские сказки», а в 1833–1836 гг. вышли первые три тома его «Былей и небылиц». Эти его книги, как и позднейшие художественные произведения, печатались под псевдонимом «Казак Владимир Луганский». Первая лингвистическая работа Даля была напечатана только в 1852 г., а первый выпуск первого тома его знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» вышел в 1861 г.

6 октября 1960 г. Богатырев пишет Гавранку из Братиславы (письмо № 18): «Каждый день работаю в Академии и университетской библиотеке, где собираю материал для своих статей. Собрал материал для главы <sic!> “Язык песни”» (с. 67). Речь идет об одной из двух работ, изобилующих словацким и чешским материалом: либо о статье Богатырева «О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи» [Богатырев, 1962], либо о его статье-докладе «Добавочные гласные в народной песне и их функции (О языке славянских народных песен и его отношении к разговорной речи)» [Богатырев, 1963].

В указателе не учтено упоминание Константина Петровича Богатырева (переводчика-германиста, погибшего в 1976 г., предположительно в результате провокации КГБ, сына П.Г. Богатырева) в письме Тамары Богатыревой Богуславу и Здене Гавранкам (12 сентября 1971 г.), извещающем о смерти Петра Григорьевича Богатырева (№ 27; с. 79).

¹⁶ Письмо (№ 9 в пражском издании) ранее публиковалось в [Томан, 1994].

В послевоенном письме Чижевскому (№ 45) Якобсон, рассказывая о своем издании «Слова о полку Игореве» [Grégoire, Jakobson, Szeftel, 1948], особо отмечает «жесточайший разнос Мазона по всем пунктам» (с. 100)¹⁷. Сборник «La geste du prince Igor', épopée russe du douzième siècle» («Слово о полку Игореве, русский эпос XII в.») был подготовлен Якобсоном совместно с его коллегами по нью-йоркской Свободной школе высших исследований (École Libre des Hautes Études, ELHE): византинистом Анри Грегуаром и историком Марком Шефтелем¹⁸. Издание, о котором говорит Якобсон, указано в комментарии (с. 102, примеч. 12 к письму № 45), но, наверное, стоило бы специально указать, что в случае с Андре Мазоном речь идет об одном из важнейших вопросов русской медиевистики – вопросе о подлинности «Слова», в полемике по поводу которой Мазон представлял сторону «скептиков» (см. [Mazon, 1940] и др. печатные выступления). В 125-страничной статье «L'authenticité du *Slovo*» («Подлинность “Слова”»), включенной в сборник, Якобсон подробно разобрал все аргументы Мазона и опроверг их, доказывая древность языка и поэтики памятника с опорой на историко-лингвистические сведения и десятки древнерусских параллелей к «темным местам» в его тексте. В той же книге Якобсон опубликовал критическую реконструкцию текста «Слова», в которой предложил новое словоделение и собственный перевод древнерусского текста на современный русский язык. 11 апреля 1948 г. Сергей Карцевский писал Якобсону: «Ты мастерски высек Мазона. Теперь, когда у него задница должна быть вспухшей, на чем будет он сидеть, напр., на Лингвистическом Конгрессе в Париже? <...> Интересно было бы посмотреть на физиономию Мазона, когда он читал эту книгу» [Карцевский, Якобсон, 1999, с. 179–180]. В 2004–2008 гг. выводы Якобсона подтвердил и дополнил А.А. Зализняк, который окончательно доказал аутентичность языка «Слова о полку Игореве» и пришел к выводу, что вероятность подделки близка к нулю.

ELHE была своеобразным французским «университетом в изгнании», открывшимся в Нью-Йорке 14 февраля 1942 г. при поддержке Фонда Рокфеллера и Французского национального комитета Шарля де Голля («Свободной Франции») [Rutkoff, Scott, 1983]. Якобсон занял в ELHE должность профессора общей лингвистики на филологическом факультете

¹⁷ Редакторский перевод, кажется, не отражает энергичной экспрессивности якобсоновской самохарактеристики: «tvrdá kritika Mazona ve všech bodech» (с. 101). *Жесточайший* (superlativus elativus) – это жестче, чем просто *tvrdý*, а *разнос* – это гораздо резче, чем просто *kritika*.

¹⁸ Между прочим, Шефтель считается основным прототипом набоковского Пнина.

(Faculté des Lettres), а с 1943 г. также должность профессора славянской филологии в Институте восточной и славянской филологии и истории (Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave) [Toman, 1995, p. 245–250, 298–299]. В Нью-Йорке Якобсон сотрудничал с чехословацким правительством в изгнании и заявлял о себе как о «представителе пражской школы лингвистики и истории литературы» [Там же, p. 247]. В ELNE работали выдающиеся гуманитарии, уехавшие из Франции и Бельгии под угрозой преследования (в том числе по причине еврейского происхождения), и в их числе великий французский антрополог Клод Леви-Стросс. Его общение с Якобсоном в эти годы во многом предопределило пути развития структурализма в Западной Европе и Северной Америке. Под непосредственным влиянием лекций Якобсона Леви-Стросс начал использовать методы описания языковых структур для описания социальных структур – таких, как системы родства. основополагающая статья Леви-Стросса «L'Analyse structurale en linguistique et en anthropologie» («Структурный анализ в лингвистике и в антропологии») со ссылками на работы Якобсона, послужившие методологическими образцами для автора статьи, была напечатана в первом номере журнала Нью-йоркского кружка «Word» (1945). Одним из основателей Нью-йоркского лингвистического кружка¹⁹, начавшего работу в октябре 1943 г., стал, наряду с другими профессорами ELNE, Якобсон, который занимал пост заместителя председателя Кружка до 1949 г., т.е. вплоть до своего отъезда из Нью-Йорка в Гарвард. Это был третий и последний лингвистический кружок, основанный Якобсоном.

Лекции, прочитанные Якобсоном в 1942–1943 гг., вышли в 1976 г. в Париже под заглавием «Six leçons sur le son et le sens» («Шесть лекций о звуке и смысле») с предисловием Леви-Стросса [Jakobson, 1976]. Русский перевод Е.Э. Разлоговой, озаглавленный «Звук и значение», напечатан в томе «Избранных работ» Якобсона, вышедшем в «прогрессовской» серии «Языковеды мира» под редакцией В.А. Звегинцева с предисловием Вяч. Вс. Иванова [Якобсон, 1985]. В связи с темой многолетнего научного общения Якобсона с Леви-Строссом укажу, что совсем недавно была издана их переписка, продолжавшаяся с 1942 г. до смерти Якобсона в 1982 г. [Jakobson, Lévi-Strauss, 2018]. Насколько мне известно, она еще не прорецензирована в российских изданиях. Со своим французским другом и коллегой Якобсон переписывался, разумеется, по-французски: это был его первый и любимый иностранный

¹⁹ The Linguistic Circle of New York; c 1969 г. – The International Linguistic Association (ILA).

язык. В первый раз Якобсон использовал французский в международном общении, взяв на себя роль переводчика на встречах русских футуристов с Филиппо Томмазо Маринетти в 1914 г. [Якобсон, 2012, с. 37]²⁰.

Вернемся в межвоенную Чехословакию. В трех письмах Якобсона к Дурново за 1925–1926 гг. (№ 53, 54 и 59) фигурирует некий Яша. В первом письме Якобсон рассказывает: «Яша занимается диалектологией: по рецепту Моск<овской> Диал<ектологической> Ком<иссии> изучает местный говор у женского населения» (с. 118). Комментарий к этому месту лаконичен: «Jaša nezjištěn» (с. 119, примеч. 2 к письму № 53). Между тем загадочный Яша есть, несомненно, Яков Григорьевич Гурьян (1899 – не позже 1945), друг Якобсона и Григория Осиповича Винокура. Его имя оставлено без комментария и в издании [Томан, 1994], где эти письма были опубликованы впервые. В письме Якобсону от 18 октября 1925 г. (из Москвы в Прагу) Винокур передает Гурьяну привет и также называет Яшей [Гиндин, 1996а, с. 68 (текст письма) и 73, примеч. 43 (комментарий)].

О гибели Я.Г. Гурьяна Якобсон сообщал Чижевскому в вышеупомянутом послевоенном письме (№ 45; с. 100). В комментарии к этому письму и в указателе к сборнику Гурьян вслед за томановским изданием [Томан, 1994, р. 225, note 7] назван Яковом Герасимовичем (с. 102, примеч. 3 к письму № 45, и с. 790). Однако, по данным С.И. Гиндина, отца Якова Гурьяна звали Григорий Давидович²¹. Действительно, Герасим – весьма необычное имя для российского еврея в эти годы. Сведения о том, что Гурьян носил отчество «Герасимович», восходят к Якобсону, который летом 1956 г. рассказывал В.Д. Дувакину о том, что он (Якобсон) и Гурьян были соавторами Маяковского по антибелогвардейской и эстетически хулиганской «Советской азбуке»²²: «Хорошо помню, как Маяковский просил принять участие в работе над

²⁰ Известно, что «учителем французского языка у Якобсона был Генрих Эдмундович Гастевен (1881–1915), литературный и художественный критик, переводчик с французского языка и секретарь журнала “Золотое руно” (1907–1909)» [Сорокина, 2016, с. 79].

²¹ «Григорий Давидович и Евгения Григорьевна Гурьяны и их сыновья Анатолий и Яков, московская семья, очень близкая молодым Винокуру, Богатыреву и Якобсону. Жили в том же доме в Лубянском проезде, что и Якобсон и его родители. Впоследствии стали свойственниками Винокуру» [Гиндин, 1996b, с. 23, примеч. 10].

²² Во время выступления в Доме комсомола Красной Пресни на вечер, посвященном двадцатилетию деятельности, 25 марта 1930 г. Маяковский рассказывал: «Она была написана как пародия на старую, была такая порнографическая азбука. <...> Она была написана для армейского употребления. Там были такие остроты, которые для салонов не очень годятся, но которые для окопов шли очень хорошо. <...> Эту книгу... я принес печатать в Центропечать. Там сидела не вычищенная еще машинистка одна, которая с большой злобой мне сказала: “Лучше я потеряю всякую работу, но эту гадость я переписывать не буду”» [Маяковский, 1959, с. 428–429] (см.: [Шапир, 1996, с. 364–365]).

азбукой меня и приятеля нашего... Якова Герасимовича Гурьяна» (MIT. Roman Jakobson Papers. Box 41, folder 2; цит. по: [Шапир, 1996, с. 389, примеч. 25]). Можно предположить, что мы имеем дело либо с оговоркой Якобсона, либо с нередким в послереволюционном быту фактом русско-еврейской двуименности. Так, имя и отчество самого Якобсона в студенческом деле 1914 г. и студенческом билете Московского университета 1916–1917 гг. – Роман Иосель-Берович, тогда как в послереволюционных документах он – Роман Иосифович [Сорокина, 2016, с. 74, 81], а в быту – Роман Осипович. Я.Г. Гурьян присутствовал в качестве «гостя» на многих заседаниях ПЛК, проходивших в 1932–1936 гг. [Šermák, Poeta, Šermák, 2012, р. 124–224 (по указ.)]. В протоколах заседаний его имя обозначено инициалом («J. Gurian»), и в указателе к изданию документов ПЛК оно не расшифровано [Там же, р. 761]. Сопоставление всех перечисленных писем и документов позволяет восполнить эту лакуну.

О том, что Гурьян погиб в немецком концлагере, так же как и младший брат Якобсона Михаил, мы знаем из переписки Якобсона с Сергеем Карцевским, не вошедшей в обсуждаемое издание. В письме от 7 мая 1948 г., написанном (точнее, напечатанном) по-английски (в начале письма адресант извиняется за то, что у него нет машинки с кириллическим шрифтом), Якобсон рассказывает: «Jaša Gurian perished in a German concentration camp. Also my youngest brother». «Печально слышать, что Яша погиб, как и Твой брат», – отвечает по-русски Карцевский 18 июня 1948 г. [Карцевский, Якобсон, 1999, с. 181, 182]. М.О. Якобсон, проживавший в эмиграции во Франции, был депортирован из Ниццы в 1944 г. и, вероятно, тоже погиб в немецком концлагере.

Еще в одном письме Якобсона к Дурново (1925 г.), вошедшем в пражский сборник (№ 57), не прокомментированы²³ имена сразу двух Томашевских, которых Якобсон характеризует так: «коммунист Томашевский (ученик Бодуэна, не смешивайте с Б. Томашевским, опоязовцем)» (с. 124). Первый – это иранист Всеволод Брониславович Томашевский (1891–1927), которого Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ в письме к Василию Алексеевичу Богородицкому от 24 ноября (7 декабря) 1915 г. называет в числе своих главных последователей [Леонтьев, 1990, с. 373; Петров, 2013]. Второй – стиховед и пушкинист Борис Викторович Томашевский (1890–1957), член Опояза и МЛК. В комментарии к этому письму Б.В. Томашевский несправедливо не включен в число участников Опояза (с. 127, примеч. 4 к письму № 57). Кроме того, Б.В. Томашевский не попал, с отсылкой к этим страницам

²³ Так же, как и в [Томан, 1994], где письма Якобсона к Дурново публиковались ранее.

(124–127), в указатель, где он все-таки присутствует в связи с упоминаниями в других письмах. В этом же письме Якобсона фигурирует «жена <Дмитрия Николаевича> Ушакова» (с. 125–126), не названная по имени и тоже не попавшая в комментарий и указатель. Это Александра Николаевна Ушакова (урожд. Мисюра, 1880–1954).

В письме Якобсона к Дурново от 4 февраля 1927 г. (№ 66) вслед за [Tompa, 1994] неверно набраны греческие славянизмы *Όζερός* и *Έζερός*, обсуждаемые в связи с условиями перехода начального *e* в *o*. Якобсон, ссылаясь на Макса Фасмера, указывает, что вторая форма старше, а первая происходит из нее «путем стяжения, согласно закону греческой фонетики» (с. 135) – ср. [Vasmer, 1941, p. 107].

Переписка Якобсона с Отокаром Фишером за 1936 и январь 1937 г. в значительной степени посвящена фишеровым переводам пушкинских драм, составившим заключительный том 4-томного издания сочинений Пушкина, которое печаталось под редакцией Якобсона и Альфреда Бема к 100-летию со дня смерти поэта. Переписка Якобсона с Фишером (переводчиком «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий») и с Йозефом Горой (переводчиком «Евгения Онегина» и «Цыган»), со свидетельствами об их совместной работе над переводами, публиковалась ранее в чешском томе избранных писем Якобсона [Jakobson, 1997] (см. также: [Малевиц, 2007, с. 112–113]). Письмо Якобсона Фишеру от 21 января 1937 г. (№ 79), посвященное переводу «Бориса Годунова», написано, как и все прочие письма Якобсона Фишеру, по-чешски, но в нем есть одна вставка по-русски: «Po přečtení korektur tleskal jsem, jako kdysi Puškin po ukončení Godunova, a křičel²⁴: Ай-да Фишер, молодец!» (с. 145). Русская фраза требует комментария (особенно для нерусскоязычных читателей). Это аллюзия на известное письмо Пушкина князю Петру Андреевичу Вяземскому (около 7 ноября 1825 г.), в котором Пушкин хвастается: «...трагедия моя кончена, я перечел ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ, ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ!» [Пушкин, 1926, с. 167]. В качестве послесловий к отдельным томам чешского собрания сочинений Пушкина напечатаны заметки Якобсона «По поводу лирических стихотворений Пушкина», «По поводу “Евгения Онегина”» и «Об отзвуках народной поэзии у Пушкина». К этому же времени относится статья «Socha v symbolice Puškinově» («Статуя в символике Пушкина»), более известная под позднейшим авторским заглавием «The Statue in Puškin’s Poetic Mythology» («Статуя в поэтической мифологии Пушкина»). Она основана на докладе

²⁴ По прочтении корректур зааплодировал, как Пушкин по окончании «Годунова», и вскричал: ...?.

Яacobсона «K Puškinově symbolice» («К пушкинской символике»), прочитанном в ПЛК 8 февраля 1937 г. Цикл пушкиноведческих работ Яacobсона вышел отдельным изданием в английском переводе Дж. Бурбанка в 1975 г. [Jakobson, 1975], а по-русски только в 1987 г., в переводе Н.В. Перцова с английского в составе яacobсоновских «Работ по поэтике» – второго сборника трудов Яacobсона из серии «Языковеды мира», вышедшего под редакцией М.Л. Гаспарова с предисловием Вяч. Вс. Иванова [Яacobсон, 1987].

В письме Гавранку от 24 марта 1957 г. (№ 126) Исаченко пишет, что «jsem se v Lipsku seznámil s prof. S.M. Kljujevym, který přednáší ruskou literaturu na Karel Marxové Univerzitě»²⁵ (с. 181). В указателе к обсуждаемой книге Клюев фигурирует без имени и отчества (приведены только инициалы). Вот некоторые сведения об этом человеке: Степан Макарович Клюев, кандидат филологических наук (1951), специалист по творчеству А.В. Кольцова, впоследствии профессор Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина.

В письме Вахеку от 28 апреля 1943 г. (№ 279) Матезиус говорит о своем ученике Ярославе Альбрехте (1911–1979): «Těší mne, že Albrecht pokračuje ve svých člancích o škole Otakara Hostinského»²⁶ (с. 356). В комментарии сказано: «Статьи Альбрехта о школе Отакара Гостинского не найдены» (с. 357, примеч. 5 к письму № 279). Не может ли, однако, иметься в виду вторая часть статьи Я. Альбрехта «Dvořákovu opery a česká kritika hudební» [Albrecht, 1941, № 10], значительная часть которой посвящена Гостинскому и его критической школе? Немало внимания Гостинскому уделено и в статье [Albrecht, 1942/1943], которая обсуждается в письме Матезиуса Вахеку от 21 декабря 1943 г. (см. с. 369 и 371, примеч. 10 к письму № 287).

В заключение, возвращаясь к вопросу об академической мобильности (как добровольной, так и вынужденной) и ее роли в развитии научной мысли, укажу, что теме научной эмиграции посвящено несколько разделов еще одной недавней книги о Пражской школе – это книга Ондржея Сладека «Метаморфозы пражской школы структурной поэтики» [Sládek, 2015b]. Первое поколение «Пражской школы в изгнании» представлено в ней именами Романа Яacobсона (1896–1982) и Рене Веллека (1903–1995). Среди представителей послевоенной миграционной волны – ученик Яacobсона Ладислав Матейка (1919–2012), эмигрировавший после коммунистического госпереворота в Чехословакии в 1948 г.

²⁵ «В Лейпциге я познакомился с проф. С.М. Клюевым, который преподает русскую литературу в Университете имени Карла Маркса».

²⁶ «Я рад, что Альбрехт продолжает писать в своих статьях о школе Отакара Гостинского».

и ставший издателем прославленной славистической серии Мичиганского университета (Энн Арбор), а также три исследователя, покинувшие страну после вторжения войск Варшавского договора в 1968 г.: Любомир Долежел (1922–2017), Моймир Грыгар (род. 1928) и Кветослав Хватик (1930–2012). Вот как Сладек описывает влияние Пражской школы на мировое литературоведение²⁷. Встреча Якобсона со чешскими коллегами в 1926 г. привела к созданию ПЛК. Затем Пражская школа создала в эмиграции несколько других подобных локусов. Одним из них стал Нью-Йорк – место встречи Якобсона с Леви-Строссом. Последующее возвращение Леви-Стросса во Францию дало толчок к возникновению и развитию французского структурализма. Формирование «рецептивной эстетики» Констанцской школы, в котором принципиальная роль принадлежала Хватику, и создание нарратологии Долежелом (а также его вклад в изучение семантики вымышленных миров) – это следующие этапы пражского воздействия на «западную» теорию литературы и культуры. Если воспользоваться метафорой Якобсона, можно сказать, что экспорт центральноевропейских ценностей в конце концов состоялся²⁸.

Библиографический список / References

Автономова, 2009 – Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009. [Avtonomova N.S. Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov [An open structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow, 2009. (In Russ.)]

Бáран, 2017 – Бáран Х. Хроника основных событий жизни и творчества Р.О. Якобсона // Роман Осипович Якобсон. М., 2017. С. 446–465. (Сер. «Философия России первой половины XX века»). [Baran H. Chronicle of the main events in the life and work of R.O. Jakobson. *Roman Osipovich Jakobson*. Moscow, 2017. Pp. 446–465. (In Russ.)]

Богатырев, 1962 – Богатырев П.Г. О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75–86. [Bogatyrev P.G. On the language of Slavic folk songs and its relation to dialectal speech. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1962. № 3. Pp. 75–86. (In Russ.)]

Богатырев, 1963 – Богатырев П.Г. Добавочные гласные в народной песне и их функции (О языке славянских народных песен и его отношении к разговорной речи) // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов, София, сентябрь 1963: Доклады советской делегации. М., 1963. С. 349–398. [Bogatyrev P.G. Inserted vowels in folk songs and their functions (On the language of Slavic folk songs and its attitude to spoken language). *Slavyanskoe yazykoznanie: V Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov, Sofiya, sentyabr' 1963: Doklady sovetskoy delegatsii*. Moscow, 1963. Pp. 349–398. (In Russ.)]

²⁷ Дополнительные соображения см. в моей рецензионной статье: [Pilshchikov, 2019].

²⁸ Uurimistööd on finantseeritud Eesti Teadusagentuur (PRG319).

Гаспаров, Автономова, 1999 – Гаспаров М.Л., Автономова Н.С. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 334–340. [Gasparov M.L., Avtonomova N.S. Jakobson, Slavistics and the Eurasian movement: two moments of opportunity, 1929–1953. *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Moscow, 1999. Pp. 334–340. (In Russ.)]

Гиндин, 1996а – Гиндин С.И. Эпизод эпистолярной полемики Г.О. Винокура и Р.О. Якобсона // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 55. № 6. С. 60–74. [Gindin S.I. An episode from the epistolary polemic between G.O. Vinokur and R.O. Jakobson. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Literature and Language*. 1996. Vol. 55. № 6. Pp. 60–74. (In Russ.)]

Гиндин, 1996б – Гиндин С.И. «Рома пишет из Праги...» (Письмо Г.О. Винокура П.Г. Богатыреву) // Материалы Международного конгресса «100 лет Р.О. Якобсону». Москва, 18–23 декабря 1996 года. М., 1996. С. 19–23. [Gindin S.I. “Roman writes from Prague...” (G.O. Vinokur’s letter to P.G. Bogatyrev). *Contributions to the International Congress “Roman Jakobson Centennial”*. Moscow, 18–23 December 1996. Moscow, 1996. Pp. 19–23.]

Гиндин, 1999 – Гиндин С.И. К истории создания и воприятия статьи «О поколении, растратившем своих поэтов»: Письмо Р.О. Якобсона Х. МакЛейну // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 161–166. [Gindin S.I. Toward the history of the creation and reception of the article “On a Generation that Squandered its Poets”: R.O. Jakobson’s letter to Hugh McLean. *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Moscow, 1999. Pp. 161–166. (In Russ.)]

Гланц, Пильщиков, 2017 – Гланц Т., Пильщиков И. Русские формалисты как научное сообщество // Эпоха «остранения»: Русский формализм и современное гуманитарное знание. М., 2017. С. 85–100. [Glanc T., Pilshchikov I. The Russian Formalists as a scholarly community. *Epokha “ostraneniya”: Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie*. Moscow, 2017. Pp. 85–100. (In Russ.)]

Иванов, 1975 – Иванов Вяч. Вс. Знаковые системы научного поведения // Научно-техническая информация. Сер. 2: Научные процессы и системы. 1975. № 9. С. 3–9. [Ivanov Vyach.V. Sign systems of scientific behavior. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 1975. № 9. Pp. 3–9. (In Russ.)]

Карцевский, Якобсон, 1999 – Переписка С.И. Карцевского и Р.О. Якобсона / Вступ. ст., публ. и примеч. Х. Барана, Е.В. Душечкиной // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 175–191. [S.I. Kartsevsky’s correspondence with R.O. Jacobson. Introduction, publication and notes by H. Baran and E.V. Dushechkina. *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Moscow, 1999. Pp. 175–191. (In Russ.)]

Леонтьев, 1990 – Леонтьев А.А. Петербургская (Ленинградская) школа в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 373–374. [Leontiev A.A. The Petersburg (Leningrad) school of linguistics. *Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar’*. Moscow, 1990. Pp. 373–374. (In Russ.)]

Малевич, 1993 – Малевич О.М. Роман Якобсон в Чехословакии // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1993. Вып. II. С. 65–90. [Malevich O.M. Roman Jakobson in Czechoslovakia. *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ya*. Jerusalem, 1993. Vol. II. Pp. 65–90. (In Russ.)]

Малевич, 2007 – Малевич О.М. Роман Якобсон по-чешски // Русская литература. 2007. № 1. С. 104–117. [Malevich O.M. Roman Jakobson in Czech. *Russkaya literatura*. 2007. № 1. Pp. 104–117. (In Russ.)]

Марченко, 2016 – Марченко Т.В. Россия на страницах «Slavische Rundschau» // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 142–178. [Rossica on the pages of “Slavische Rundschau”. *Literaturnyi fakt*. 2016. № 1/2. Pp. 142–178. (In Russ.)]

Маяковский, 1959 – Маяковский В.В. Полн. собр. Соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. [Mayakovsky V.V. Complete Works. In 13 vols. Vol. 12. Moscow, 1959. (In Russ.)]

Петров, 2013 – Петров В.В. «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.В. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета, 1926–1927 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 109–111. [Petrov V.V. “Great was his work and bright his life...”. V.V. Tomashevsky: The first communist at the head of Leningrad University, 1926–1927. *Clio*. 2013. № 10 (82). Pp. 109–111. (In Russ.)]

Пушкин, 1926 – Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. [Pushkin A.S. Letters. Ed., with notes, by B.L. Modzalevsky. Moscow; Leningrad, 1926. Vol. 1. (In Russ.)]

Серио, 1999 – Серио П. Лингвистика географов и география лингвистов: Р.О. Якобсон и П.Н. Савицкий // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 348–353. [Sériot P. The linguistics of geographers and the geography of linguists: R.O. Jakobson and P.N. Savitsky. *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Moscow, 1999. Pp. 348–353. (In Russ.)]

Стайнер, 2018 – Стайнер П. «Which side are you on, boy?»: Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1. С. 13–28. [Steiner P. “Which side are you on, boy?” Roman Jakobson in interwar Prague. *Slovo.Ru: Baltic Accent*. 2018. Vol. 9. № 1. Pp. 13–28. (In Russ.)]

Сорокина, 2016 – Сорокина М.Ю. Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. М., 2016. С. 72–92. [Sorokina M.Yu. Émigré #1017: Roman Jakobson in the Moscow archives. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna*, 2016. Moscow, 2016. Pp. 72–92. (In Russ.)]

Тиханов, 2002 – Тиханов Г. Почему современная теория литературы возникла в Центральной и Восточной Европе / Авториз. пер. с англ. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 75–88. [Tihanov G. Why did modern literary theory originate in Central and Eastern Europe? *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 53. Pp. 75–88. (In Russ.)]

Трубецкой, Якобсон, 2004 – Письма и заметки Н.С. Трубецкого. Подгот. к изд. Р. Якобсон. М., 2004. [N.S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publication by R. Jakobson. Moscow, 2004. (In Russ.)]

Шапир, 1996 – Шапир М.И. Из истории «пародического балладного стиха»: 2. *Вставало солнце ало* // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 355–404. [Shapir M.I. From the history of the “parodic ballad verse”: 2. *Vstavalo solntse alo*. In: *Anti-mir russkoy kul'tury: Yazyk; Fol'klor; Literatura*. Moscow, 1996. Pp. 355–404. (In Russ.)]

Эйхенбаум, 1927 – Эйхенбаум Б.М. Литература и литературный быт // На литературном посту. 1927. № 9. С. 47–52. [Eikhenbaum B.M. Literature and literary environment. *Na literaturnom postu*. 1927. № 9. Pp. 47–52.]

Якобсон, 1931 – Якобсон Р. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931. [Jakobson R. K charakteristike evrazijskogo yazykovogo soyuzu [Characteristics of the Eurasian *Sprachbund*]. Paris, 1931. (In Russ.)]

Якобсон, 1979 – Якобсон Р. Юрий Тынянов в Праге [1974] // Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris; New York, 1979. Vol. V: On Verse, Its Masters and Explorers. Pp. 560–568. [Jakobson R. Yuri Tyntianov in Prague [1974]. R. Jakobson. Selected Writings. Vol. V: On Verse, Its Masters and Explorers. The Hague; Paris; New York, 1979. Pp. 560–568. (In Russ.)]

Якобсон, Поморска, 1982 – Якобсон Р., Поморска К. Беседы. Иерусалим, 1982. [Jakobson R., Pomorska K. Besedy [Dialogues]. Jerusalem, 1982.]

Якобсон, 1985 – Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. [Jakobson R. Izbrannye raboty [Selected essays]. Moscow, 1985. (In Russ.)]

Якобсон, 1987 – Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. [Jakobson R. Raboty po poetike [Essays in poetics]. Moscow, 1987. (In Russ.)]

Якобсон, 1996 – Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, публ., [вступ. ст. и примеч.] М.И. Шапира // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 365–368. [Jakobson R.O. The Moscow Linguistic Circle. Ed., with an introduction and notes by M.I. Shapir. *Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7. Pp. 361–380. (In Russ.)]

Якобсон, 2012 – Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. М., 2012. [Roman Jakobson. Budetlyanin nauki: Vospominaniya, pisma, stati, stikhi, proza [Roman Jakobson: A futurist in scholarship: Memoirs, letters, essays, poems, prose]. Ed., with an introduction and notes by B. Jangfeldt. Moscow, 2012. (In Russ.)]

Albrecht, 1941 – Albrecht J. Dvořákovy opery a česká kritika hudební [Dvořák's operas and Czech music criticism]. *Řád*. 1941. Vol. VII. № 9. S. 481–490; № 10. Pp. 529–541.

Albrecht, 1942/1943 – Albrecht J. O shakespeareké slavnosti z roku 1864 [The Shakespeare Festival of 1864]. *Český časopis filologický*. 1942/1943. Vol. I. Pp. 31–36.

Chobotová, 2011 – Chobotová K. Le structuralisme pragois vu par le marxisme officiel en Tchécoslovaquie. *Cahiers de l'ILSL*. № 31: *Langue(s). Langage(s). Histoire(s)*. E. Velmezova (éd.). Lausanne, 2011. Pp. 99–118.

Čermák, Poeta, Čermák, 2012 – Pražský lingvistický kroužek v dokumentech [The Prague Linguistic Circle in documents]. P. Čermák, C. Poeta, J. Čermák (eds.). Praha, 2012.

Červenka, 1991 – Červenka M. Jana Mukařovského rozchod se strukturalismem [Jan Mukařovský's break with structuralism]. *Tvar*. 1991. № 36. Pp. 1, 4–5.

Doležel, 1996 – Doležel L. Pražská škola v exilu [The Prague School in exile]. *Světová literárněvědná bohemistika*. Sv. 2: *Úvahy a studie o české literatuře. Materiály z 1. kongresu světové literárněvědné bohemistiky*. Praha 28.–30. června 1995. Praha, 1996. Pp. 506–511.

Drgo, 2014 – Drgo J. Legislatívne vymedzenie pojmu Žid v II. Česko-Slovenskej republike, I. Slovenskej republike a Protektoráte Čechy a Morava v rokoch 1938–1942 [Legislative definition of the term “Jew” in the second Czechoslovak Republic, first Slovak Republic and Protectorate of Bohemia and Moravia (1938–1942)]. *Historický časopis*. 2014. Vol. 62. № 2. Pp. 303–323.

Ehlers, 2003 – Ehlers K.-H. Prager Deutsche im Prager Zirkel: Ein Überblick. *Prager strukturalismus: Methodologische Grundlagen*. Heidelberg, 2003. Pp. 49–77.

Ehlers, 2005 – Ehlers K.-H. Strukturalismus in der deutschen Sprachwissenschaft: Die Rezeption der Prager Schule zwischen 1926 und 1945. Berlin; New York, 2005.

Fischer-Jørgensen, 1997 – Fischer-Jørgensen E. Roman Jakobson and Denmark. *Acta Linguistica Hafniensia*. 1997. Vol. 29. Pp. 13–28.

Fuchs, 2001 – Fuchs T. Gustav W. Becking (1894–1945) Musikwissenschaftler: Im Spannungsfeld zwischen traditioneller Geisteswissenschaft und nationaler Ideengeschichte. *Prager Professoren 1938–1948: zwischen Wissenschaft und Politik*. Essen, 2001. Pp. 221–236.

Greenblatt, 2009 – Greenblatt S. A Mobility Studies Manifesto. *Cultural Mobility: A Manifesto*. S. Greenblatt (ed.). Cambridge, 2009. Pp. 250–253.

Grégoire, Jakobson, Szeftel, 1948 – La Geste du prince Igor', épouée russe du douzième siècle. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel. New York, 1948.

Haupt, Kocka, 2010 – Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives. H.-G. Haupt, J. Kocka (eds.). Oxford; New York, 2010.

Havránková, Petkevič, 2014 – Pražská škola v korespondenci: Dopisy z let 1924–1989 [The Prague School in correspondence: Letters 1924–1989]. M. Havránková, V. Petkevič (eds.). Praha, 2014.

Hlavsa, Daneš, 1996 – Hlavsa Z., Daneš F. Jindřich Toman a Pražský lingvistický kroužek [Jindřich Toman and the Prague Linguistic Circle]. *Slovo a Slovesnost*. 1996. Vol. 57. № 3. Pp. 241–246.

Jakobson, 1929 – Jakobson R. Romantické všeslovanství – nová slavistika [Romantic panslavism – new slavistics]. *Čin*. 31.10.1929. Pp. 10–12.

Jakobson, 1934 – Jakobson R. O předpokladech pražské lingvistické školy [The premises of the Prague Linguistic School]. *Index*. 1934. Vol. 6. № 1. Pp. 6–9.

Jakobson, 1971 – Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle) [1965]. *R. Jakobson. Selected Writings*. Vol. II: Word and Language. The Hague; Paris, 1971. Pp. 527–538.

Jakobson, 1975 – Jakobson R. Puškin and His Sculptural Myth. Trans. and ed. by J. Burbank. The Hague; Paris, 1975.

Jakobson, 1976 – Jakobson R. Six leçons sur le son et le sens. Préface de C. Lévi-Strauss. Paris, 1976.

Jakobson, 1997 – Jakobson R. Z korespondence [From His Correspondence]. A. Morávková (ed.). Praha, 1997.

Jakobson, Lévi-Strauss, 2018 – Jakobson R., Lévi-Strauss C. Correspondance 1942–1982. Préface, édité et annoté par E. Loyer et P. Maniglier. Paris, 2018.

Kraft, 2001 – Kraft D. Eugen Rippl (1888–1945) Slawist: «Für eine wissenschaftliche Publikation darf es keine Verwässerung und Verfärbung geben...»: Ein Fachmann auf dem Gebiet der Sondersprachenforschung. *Prager Professoren 1938–1948: zwischen Wissenschaft und Politik*. Essen, 2001. Pp. 323–349.

Kříž, 2014 – Kříž M. Boj o strukturalismus: Archeologie českého literárněvědného strukturalismu [Contest for structuralism. The archeology of Czech literary structuralism]. Olomouc, 2014.

Mazon, 1940 – Mazon A. Le *Slovo* d'Igor. Paris, 1940.

Pešek, 2013 – Pešek O. Le structuralisme fonctionnel pragois face au stalinisme: bouleversements, soubresauts et paradoxes. *Echo des études romanes*. 2013. Vol. 9. № 2. Pp. 5–20.

Pilščíkov, 2015 – Pilščíkov I. V šesti jazycích: Nad knihou *Pražská škola v korespondenci* [In six languages: Reflections on the book *The Prague School in Correspondence*]. Trans. A. Machoninová. *Česká literatura*. 2015. Vol. 63. № 4. Pp. 573–584.

Pilshchikov, 2019 – Pilshchikov I. The Prague School on a Global Scale: a Coup d'œil from the East. *Slovo a slovesnost*. 2019. Vol. 80. № 3. Pp. 215–228.

Pilshchikov, Trunin, 2016 – Pilshchikov I., Trunin M. The Tartu-Moscow School of Semiotics: A transnational perspective. *Sign Systems Studies*. 2016. Vol. 44. № 3. Pp. 368–401.

Rutkoff, Scott, 1983 – Rutkoff P.M., Scott W.B. The French in New York: Resistance and Structure. *Social Research*. 1983. Vol. 50. № 1. Pp. 185–214.

Said, 2000 – Said E.W. Travelling Theory reconsidered. *E.W. Said. Reflections on Exile and Other Essays*. Cambridge, Mass., 2000. Pp. 436–452.

Sériot, 1997 – Sériot P. [Rec. ad op.]: Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945. J. Toman (ed.). Ann Arbor, 1994. *Russian Linguistics*. 1997. Vol. 21. № 3. Pp. 345–346.

Sériot, 1999 – Sériot P. Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris, 1999.

Sládek, 2015a – Sládek O. Jan Mukařovský: Život a dílo [Jan Mukařovský: Life and work]. Brno, 2015.

Sládek, 2015b – Sládek O. The Metamorphoses of Prague School Structural Poetics. Munich, 2015.

Steiner, 1982 – Steiner P. The Roots of Structuralist Esthetics. *The Prague School. Selected Writings, 1929–1946*. P. Steiner (ed.). Austin, Texas, 1982. Pp. 174–219.

Steiner, 2018 – Steiner P. Which Side Are You on? Roman Jakobson in Interwar Prague. *Roman Jakobson: linguistica e poetica*. S. Sini, M. Castagneto, E. Esposito (eds.). Milano, 2018. Pp. 75–86.

Steiner, 2019 – Steiner P. From Structuralism to Marxism (and Back?): Jan Mukařovský 1945–1963. *Studies in East European Thought*. 2019. Vol. 71. In print. Springer Online First Publication: <https://doi.org/10.1007/s11212-019-09338-1>

Tauchen, 2011 – Tauchen J. The Status of Jews in Labor Relationships in the Protectorate of Bohemia and Moravia. *Miscellanea historico-iuridica*. 2011. Vol. 10. № 1. Pp. 183–190.

Tihanov, 2004 – Tihanov G. Why Did Modern Literary Theory Originate in Central and Eastern Europe? (And Why is It Now Dead?). *Common Knowledge*. 2004. Vol. 10. № 1. Pp. 61–81.

Tihanov, 2019 – Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford, 2019.

Thomas, 1997 – Thomas G. [Rec. ad op.]: Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945. J. Toman (ed.). Ann Arbor, 1994. *The Slavonic and East European Review*. 1997. Vol. 75. № 1. Pp. 124–126.

Tokárová, 2019 – Tokárová Z. Legislative Interventions into the Creation of Local: Political elites as an instrument of anti-Jewish policy during the Holocaust (A comparative view). *Mesto a dejiny*. 2019. Vol. 8. № 1. Pp. 80–109.

Toman, 1991 – Toman J. Linguistics in Society: Notes on the Emergence of the Prague Circle. *Journal of Comparative Literature and Aesthetics*. 1991. Vol. 14. № 1/2. Pp. 15–26.

Toman, 1994 – Letters and other materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945. J. Toman (ed.). Ann Arbor, 1994.

Toman, 1995 – Toman J. The magic of a common language: Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle. Cambridge, Mass.; London, 1995.

Trávníček, 1951 – Trávníček F. Strukturalismus – nepřítel naší jazykovědy [Structuralism: Enemy of our linguistics]. *Tvorba*. 1951. Vol. 20. № 37. Pp. 866–869.

Trial – Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945 – 1 October 1946. Official text. English edition. Nuremberg, 1947. Vol. XXVI: Documents and other material in evidence. Numbers 405-PS to 1063(d)-PS.

Trubetzkoy, Jakobson, 1985 – N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prepared for publication by R. Jakobson. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.

Ustinov, 2018 – Ustinov A. Roman Jakobson and the Generation «that Squandered its Poets». *Roman Jakobson: linguistica e poetica*. S. Sini, M. Castagneto, E. Esposito (eds.). Milano, 2018. Pp. 105–121.

Vachek, 1983 – Vachek J. The Czech editor's postscript. *Praguiana: Some Basic and Less Known Aspects of the Prague Linguistic School*. Amsterdam; Philadelphia, 1983. Pp. 275–302.

Vasmer, 1941 – Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

Werner, Zimmermann, 2006 – Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: *Histoire croisée* and the Challenge of Reflexivity. *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. Pp. 30–50.

Статья поступила в редакцию 10.09.2019

The article was received on 10.09.2019

Об авторе / About the author

Пильщиков Игорь Алексеевич – доктор филологических наук; профессор кафедры славянских, восточноевропейских и евразийских языков и культур, Университет Калифорнии, Лос-Анджелес; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук, Таллинский университет, Эстония

Igor A. Pilshchikov – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures, University of California, Los Angeles, USA; Lead Researcher at the Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher at the Institute of Humanities, Tallinn University, Estonia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0153-6598>

E-mail: pilshch@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-53-73

Е.А. Лютикова^{1, 2}, П.В. Гращенков^{1, 3}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

² Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

³ Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

Синтаксис лично-числового согласования в татарском языке

В статье исследуются случаи необычного согласования с кванторами, интенсификаторами и анафорами, засвидетельствованные в татарском языке в тех случаях, когда указанные элементы содержат лично-числовые показатели. Такие единицы могут демонстрировать не только согласование по третьему лицу, но также и согласование по лицу своего рестриктора или связывающего элемента. Мы считаем, что в таких конструкциях кванторы, интенсификаторы и анафоры обладают теми признаками, которые проявляются при согласовании. Мы предлагаем механизм, позволяющий указанным единицам приобретать признаки своего рестриктора или связывающего элемента. Мы исходим из идеи о том, что согласующиеся кванторы, интенсификаторы и анафоры содержат проекцию местоимения, обладающую своим набором неозначенных интерпретируемых признаков. Этот набор признаков оказывается означен вследствие идентификации признаков местоимения и связывающего его посессора.

Ключевые слова: согласование, лицо, маркированные лично-числовыми показателями кванторы, интенсификаторы, анафоры, распространение признаков, связывание, татарский язык

Благодарности: Мы благодарны двум анонимным рецензентам, критика которых способствовала улучшению статьи.

Работа Е.А. Лютиковой поддержана проектом «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемым в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Лютикова Е.А., Гращенко П.В. Синтаксис лично-числового согласования в татарском языке // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 53–73. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-53-73

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-53-73

E. Lyutikova^{1,2}, P. Grashchenkov^{1,3}

¹ Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

² Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

³ Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

On the syntax of person agreement in Tatar

In this paper, we analyse the intricate agreement pattern attested with inflected quantifiers, intensifiers and anaphors in Tatar. These nominals can trigger not only a default 3rd person agreement, but also the marked person agreement reflecting the features of their restrictor or binder. We propose that in these constructions, inflected quantifiers, intensifiers and anaphors bear the features the agreement reveals, and propose a mechanism allowing inflected quantifiers, intensifiers and anaphors to acquire the features of the restrictor or binder. We build on the idea that agreeing inflected quantifiers, intensifiers and anaphors contain a minimal pronoun equipped with a set of unvalued interpretable features, and that this feature set gets valued via feature sharing.

Key words: agreement, person, inflected quantifiers, intensifiers, anaphors, feature sharing, binding, Tatar

Acknowledgments: We are grateful to two anonymous reviewers, from whose criticism the paper benefited greatly.

Ekaterina Lyutikova's work has been supported from the project "Parametric description of the languages of Russian Federation" realized at the Pushkin State Russian Language Institute.

FOR CITATION: Lyutikova E., Grashchenkov P. On the syntax of person agreement in Tatar. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 53–73. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-53-73

1. Agreement and formal features

Agreement is one of the basic and pervasive grammatical phenomena that has been in the focus of attention of various theoretical – both functional and formal – and typological linguistic research [e.g. Corbett, 2006; Baker, 2008; Preminger, 2014; Matasović, 2018; Nichols, 2018; Haig, Forker, 2018, among many others]. The minimalist family of syntactic analyses of agreement goes back to the seminal paper by Noam Chomsky [Chomsky, 2000]. In this paper, the notion of agreement has been extended, so that agreement is conceived of as a generalized operation ensuring legibility of linguistic expressions at the interface levels. This view of agreement is based on the system of formal features that lexical items bear: the feature can be interpretable on the lexical item X (or its phrase XP), and then valued on X in the lexicon, or uninterpretable on the lexical item X (and its phrase XP), and then unvalued on X in the lexicon. Since uninterpretable features are not legible at the interface levels, they have to be “defused” in the course of syntactic derivation. Chomsky proposes that this can be done by valuing uninterpretable features; feature valuation, in its turn, is the result of agreement. Agreement is a process in which an unvalued uninterpretable feature on the probe matches the valued interpretable feature of the goal, copies this value and then can be erased, to the effect that no uninterpretable feature reaches the interface. Movement appears as a by-product of agreement, when the probe attracts the goal. In this way, agreement constitutes the core operation in the feature-driven syntax.

Importantly, the system outlined above presupposes a strong correlation between interpretability and valuation: interpretable features enter the derivation valued, whereas uninterpretable features enter the derivation unvalued, and have to acquire values via agreement. Consequently, interpretable features cannot be valued in syntax, and uninterpretable features cannot be a source of features' values. Pesetsky and Torrego (2007) criticize this conjecture as too restrictive and propose that interpretability and valuation are independent second order features. Consequently, agreement is conceived of as feature sharing: an unvalued occurrence of the feature on the probe can match valued or *unvalued* and interpretable or *uninterpretable* occurrence of the same feature on the goal. Feature sharing forms a link between multiple occurrences of the same feature; in this chain, only one valued and one interpretable occurrence suffice to produce a grammatical configuration.

In this paper we address theoretical challenges posed by agreement with inflected quantifiers in Tatar, one of the Turkic languages spoken in Russia. We show that the standard minimalist view of agreement cannot capture the peculiar agreement pattern exhibited by these constructions. By contrast,

a modified theoretical system along the lines of [Pesetsky, Torrego, 2007] allows us to provide a principled account of the phenomenon.

The paper is organized as follows. In section 2, we present the puzzle and outline possible ways of solving it. Then, in sections 3 and 4, we consider the two options proposed in the literature in accounting for similar phenomena, and show why these analyses are not suitable for Tatar. In section 5, we propose our own account for the peculiar agreement pattern attested in Tatar. Section 6 concludes.

2. The puzzle

Tatar has an elaborated system of person-number agreement which involves various structural configurations. Predicate agreement in Tatar is controlled by the nominative subject exclusively, as examples (1)–(2) demonstrate. So, no “trigger-happy” agreement [Comrie, 2003] or “omnivorous” agreement [Nevins, 2011] takes place.

(1) Min a-nı kür-de-*(m).
 I.NOM s(he)-ACC see-PST-1SG
 ‘I saw her.’

(2) Ul mine kür-de-*(m).
 s(he).NOM I.ACC see-PST-1SG
 ‘She saw me.’

Agreement with a subject possessing the marked person feature is obligatory; thus, examples (3a-b) are ungrammatical without the agreement affix on the verb. Number agreement with a 3rd person subject, exemplified in (4), is optional, probably governed by the collective/distributive distinction, see [Lyutikova, 2017] for details.

(3) a. Min kil-de-*(m).
 I.NOM come-PST-1SG
 ‘I came.’

b. Sin kil-de-*(ŋ).
 you.NOM come-PST-2SG
 ‘You came.’

(4) Bala-lar kil-de-(lär).
 child-PL come-PST-PL
 ‘(The) children came.’

Surprisingly, inflected quantifiers, intensifiers and anaphors exhibit two patterns of predicate agreement. The non-agreeing pattern is what we would expect from these nominals, which normally bear the 3rd person

feature; it is exemplified in (5). However, there is another option, that is, the agreeing pattern shown in (6), where the predicate exhibits ϕ -features of the quantifier's restrictor.

(5) Jal-dan kajt-kač, tagın **berär-egez kür-de-me** a-nı?
 vacation-ABL return-CNV again any-2PL see-PST-Q (s)he-ACC
 'Did anyone of you see him again after returning from vacation?' [TNC]¹

(6) Ä xäzer, äfände-lär, di-de Laplas, **berär-egez** şuşı
 and now sir-PL say-PST Laplace any-2PL this
 kijem-ne kij-ep irkenlek-kä çıg-ıp kit-ärgä
 clothing-ACC put_on-CNV space-DAT exit-CNV go-INF
telä-mi-sez-me?
 want-NEG.IPF-2PL-Q
 'And now, gentlemen, would anyone of you put on this clothing and go outside? – said Laplace.' [TNC]

Lexical items involved in the variation include universal quantifiers (e.g. *här* 'every', *barı da* 'all'), existential quantifiers (e.g. *berär* 'any', *hiçber* 'no one'), adjectival interrogative pronouns (*kajstı* 'which') and anaphors – reflexives and reciprocals (*üz* 'self', *ber-berse* 'each other'). The inflected reflexive pronoun *üz* 'self' in Tatar functions as both a bound anaphor, as in (7a), and an intensifier, as in (7b); in both cases, the agreeing pattern is readily available.

(7) a. Marat üz-e-n kür-de.
 Marat.NOM self-3-ACC see-PST
 'Marat saw himself.'

b. (Marat) üz-e a-nı kür-de.
 Marat.NOM self-3 (s)he-ACC see-PST
 'Marat himself / He himself saw her.'

Importantly, only inflected pronouns exhibit the agreeing pattern. Example (8) contains a nominal interrogative pronoun *kem* 'who' which does not take inflection characterizing the restrictor. In this case, predicate agreement with the restrictor is ungrammatical.

(8) (Sez-dän) bez-ne kem jakl-tj-(*sız), kem kil-er-(*sez)
 you-ABL we-ACC who defend-PRS-2PL who come-FUT-2PL
 bez-gä jardäm-gä?
 we-DAT help-DAT
 'Who (of you) defends us, who will come to help us?'

¹ Examples tagged as [TNC] come from the Tatar national corpus "Tugan tel" (<http://www.tugantel.tatar/>). Non-tagged examples are elicited.

This data immediately reminds us of several cross-linguistic parallels. First, inflected quantifiers and anaphors in Tatar are structurally equivalent to the possessive construction (the so called “3rd ezafe construction” in the descriptive grammars of Tatar). In this construction, the overt restrictor appears in genitive, and the head agrees with the genitive possessor. Therefore, agreement with inflected quantifiers can be regarded as agreement with internal possessors attested in a number of languages [Bárány et al., 2019]. Secondly, predicate agreement with inflected quantifiers in the partitive construction is reported for Turkish [Ince, 2007; Aydin, 2008]. The authors claim that the predicate agrees with the silent *pro* in the subject position, the floating quantifier being stranded. Finally, agreeing inflected quantifiers are also found in Quechua [Muysken, 1989, 2013; Faller, Hastings, 2008] and several Bantu languages [Baker, 2008] including Kinyarwanda [Jerro, 2013; Jerro, Wechsler, 2015]. In particular, Jerro and Wechsler claim for Kinyarwanda that at some stage of the diachronic development, the person/number inflection on the quantifier is a cliticized referential pronoun, and this is why the predicate agreement reveals its features.

The approaches outlined above exploit three different ideas of how to make agreement with inflected quantifiers and anaphors possible. The first idea is that the predicate agrees with the possessor of its subject. The second idea presupposes that the inflected quantifier is non-argumental and that the actual controller of the predicate agreement is the empty pronoun *pro* that bears the ϕ -features of the restrictor. The third and at first glance less plausible scenario is that inflected quantifiers and anaphors somehow acquire the ϕ -features of their restrictors. We will argue for the latter option, but first we are going to examine the alternatives.

3. Alternative 1: Agreement with possessor

Inflected quantifiers, intensifiers and anaphors in Tatar are built as a partitive construction exemplified in (9), and allow for the restrictor pronoun to surface as a genitive DP or be represented by *pro*, as shown in (10).

(9) bärän-när-neŋ kara-lar-ı
 ram-PL-GEN black-PL-3
 ‘the black rams’ (lit. the black ones of rams)

(10) bez-neŋ / *pro*_{1PL} kajst-lar-ıbız
 we-GEN which-PL-1PL
 ‘which (pl) of us’

Crucially, the partitive construction in Tatar is structurally and distributionally identical to the possessive construction with the referential

possessor, compare (10) to (11). The possessor receives the genitive encoding and controls person/number agreement on the possessee.

- (11) bez-nej / *pro*_{1PL} bärän-när-ebez
 we-GEN ram-PL-1PL
 ‘our rams’

This fact allows us to consider the agreeing pattern with inflected quantifiers, intensifiers and anaphors as an instantiation of agreement with the prominent internal possessor.

Agreement with the prominent possessor is attested in various linguistic families and areas. In the recent paper collection [Bárány et al., 2019] examining the phenomenon multiple examples similar to Tatar are attested. Thus, in Maithili, an Indic language spoken in India and Nepal, the predicate agreement distinguishes between the standard agreement with the nominative subject (12a) and the special series of non-nominative agreement markers, which can be controlled by the possessor (12b).

- (12) Maithili / Indo-European (Indic) [Yadava et al., 2019, p. 51]

- a. [tohər nokər] æe-l-əi
 you.L.GEN servant.NOM come-PST-3
 ‘Your (low respect) servant came.’
- b. [tohər nokər] æe-l-əu
 you.L.GEN servant.NOM come-PST-2L.NON_NOM
 ‘Your (low respect) servant came.’

An interesting example is provided by Tanty Dargwa. In this language, a number of lexical items like ‘a waist’ or ‘a half’ lack their own nominal class specification, and copy it from the possessor, which is obligatory with such nominals. The predicate agreement thus reflects the nominal class of the overt or covert possessor.

- (13) Tanty Dargwa / North-Caucasian [Lander, 2015]

- a. hit-a-la č’a’rt-se r-ag te-r.
 this-OBL-GEN thin-ATR F-waist be-F
 ‘She’s got a thin waist.’
- b. hit-a-la č’a’rt-se w-ag te-w.
 this-OBL-GEN thin-ATR M-waist be-M
 ‘He’s got a thin waist.’
- c. zimizal-la č’a’rt-se b-ag te-b.
 ant-GEN thin-ATR N-waist be-N
 ‘The ant has got a thin waist.’

Moreover, examples of possessor's prominence are found within the Turkic family. It has been argued that in many Turkic languages (Bashkir, Shor, Turkish, Tuwan, Uyghur, Uzbek) the internal possessor of the subject acts as one of the pivots in the same-subject relation [Nikolaeva et al., 2019, 14ff]. This is illustrated with the Bashkir sentence (14).

(14) Bashkir [Say, 2019, p. 211]

Bolat	[[<i>pro</i> baş-ə]	awərt-əp]	kitap
Bulat	head-POSS.3	ache-SS.CONV	book
uqə-w-ə-n		tuqta-t-tə.	
read-NMLZ-POSS.3-ACC		stop-CAUS-PST	
‘Bulat’s _i head started to ache and he _i stopped reading the book’			

The *-p* converb is used for the same-subject clauses and generally cannot have an overt subject. However, this restriction is lifted if the converb's subject has a possessor coreferential with the matrix subject.

The linguistic evidence of this type suggests that possessors can be syntactically active at the clause level. In her encyclopedic paper Deal summarizes various mechanisms that make the possessor visible to the functional structure of the clause [Deal, 2017]. For the prominent internal possessor, several analytical options are available, including government or backward control or even long distance agreement. To sum up, indexing of the internal possessor on the verb is an empirically motivated and theoretically elaborated issue.

However, the prominent possessor analysis turns out to be a dead end for Tatar. Apart from the fact that possessor government, raising and long distance agreement are normally fed by internal arguments exclusively, which is not the case in Tatar, we observe that predicate agreement with true possessors is ungrammatical. Example (15) shows that when the standard possessive construction occupies the subject position, the predicate can only agree with the head noun.

(15) bez-neŋ / *pro*_{1PL} bärän-när-ebez kil-de / kil-de-lär / *kil-de-k.
 we-GEN ram-PL-1PL come-PST / come-PST-PL / come-PST-1PL
 ‘Our rams came.’

Example (15) shows convincingly that possessive inflection on the nominal head is an exponent of possessive agreement and cannot be a controller of the predicate agreement. Therefore, neither the genitive possessor itself nor its features copied onto the head can serve as a goal for the predicate's ϕ -probe.

4. Alternative 2: Agreement with *pro*

Tatar examples (1)–(6) align directly with the predicate agreement pattern found in Turkish as described in [Ince, 2007; Aydin, 2008]. The personal pronoun as a subject triggers the obligatory person/number agreement (16), possessive noun phrases only trigger the standard predicate agreement with the head (17), and inflected quantifiers are compatible with both construals (18).

(16) Biz	ev-e	git-ti-k.
we.NOM	home-DAT	go-PST-1PL
‘We went home’		
(17) Arkadaş-ımız	ev-e	git-ti-Ø.
friend-1PL.NOM	home-DAT	go-PST-3SG
‘Our friend went home’		
(18) Hep-imiz	ev-e	git-ti-k / git-ti-Ø.
all-1PL.NOM	home-DAT	go-PST-1PL / go-PST-3SG
‘All of us went home’		

The Turkish agreeing construction with inflected quantifiers has a number of characteristic properties that prompt the researchers towards the floating quantifier analysis. First, it is attested in finite clauses exclusively, that is, clauses with a nominative subject. Example (19) shows the agreeing inflected quantifier within the finite embedded clause. In (20), the nominalized embedded clause is exemplified. In this case, the predicate person agreement is ungrammatical. Since feeding of the quantifier float is often restricted to the (finite) subject, this pattern is expected.

(19) Ali	[hep-imiz	ev-e	git-sin-/elim]	isti-yor.
Ali	all-1PL.NOM	home-DAT	go-IMP.3SG/-OPT.1PL	want-PRS
‘Ali wants all of us to go home.’				
(20) Ali	[hep-miz-in	ev-e	git-tig-in/*-imiz]-i	bil-iyor.
Ali	all-1PL-GEN	home-DAT	go-NMLZ-3SG/-1PL-ACC	know-PRS
‘Ali knows that all of us went home.’				

Similarly, no agreement with inflected quantifiers in the possessive construction is attested, cf. (21). If the inflected quantifier itself occupies the possessor’s position in the embedding noun phrase, its head cannot bear the restrictor’s features.

(21) hep-imiz-in / ik-imiz-in	araba-sı/*mız
all-1PL-GEN / two-1PL-GEN	car-3/1PL
‘all of our/two of our’s car’	

embedded nominalized clause and postpositional construction. This is demonstrated below with the corpus hits. Example (25) shows the agreeing pattern in the possessive construction; example (26) demonstrates agreement with the inflected quantifier as a subject in the nominalized clause; in (27), the agreeing pattern within the postpositional construction is exemplified.

- (25) Uñışlı xezmättäşlek öçen **ber-ber-ebez-nej**
 beneficial cooperation for REC-REC-1PL-GEN
 mömkinlek-lär-**ebez-ne** häm ixtjaž-lar-**ıbız-nı**
 capacity-PL-1PL-ACC and interest-PL-1PL-ACC
 öjrän-ergä kiräk.
 study-INF need
 ‘For a mutually beneficial cooperation, we have to study capacities and interests of each other.’ [TNC]
- (26) **Kajsı-bız-nıj** satuçı-dan produkcija sostav-ı-nda GMO
 which-1PL-GEN seller-ABL production content-3-LOC GMO
 komponent-lar-ı bul-u-bul-ma-u turunda sora-gan-**ıbız**
 component-PL-3 be-NMN-be-NEG-NMN about ask-PART-1PL
 bar?
 be.EXIST
 ‘Which of us asks the seller about the presence of GMO components in the products?’ [TNC]
- (27) **Üz-ej-nej** jan-ıj-da bit, turtı, tijnak,
 self-2SG-GEN near-2SG-LOC here diligent modest
 küz-ej-ä genä kara-p ... tora.
 eye-2SG-DAT EMPH look-CONV AUX
 ‘Here is he near you, diligent and modest, keeps looking you in the eye.’ [TNC]

Importantly, in configurations other than the finite subject, the restrictor surfaces as a genitive, not nominative, pronoun. This is shown in (29)–(31), as opposed to (28). This means that if the quantifier in these constructions were stranded, both *pro* and the quantifier phrase would receive marked genitive case, and no caseless nominal could arise.

- (28) Sez / sez-nej berär-egez çıg-ıp kit-ärgä telä-mi-sez-me?
 you.NOM / you-GEN any-2PL exit-CNV go-INF want-NEG.IPF-2PL-Q
 ‘Would anyone of you go outside?’
- (29) *bez / bez-nej ber-ber-ebez-nej ixtjaž-lar-ıbız
 we.NOM / we-GEN REC-REC-1PL-GEN interest-PL-1PL
 ‘interests of each other of us’

- (30) *Bez / bez-neŋ kajısı-bız-nıŋ anıŋ turında sora-gan-ıbız
 we.NOM / we-GEN which-1PL-GEN it.GEN about ask-PART-1PL
 bar?
 be.EXIST
 ‘Which of us asks about it?’
- (31) *sin / sineŋ üz-eŋ-neŋ jan-ıŋ-da
 you.NOM / you.GEN self-2SG-GEN near-2SG-LOC
 ‘near you’

Therefore, the stranding analysis proposed for Turkish can only be extended to cover Tatar finite predicate agreement with inflected quantifiers. Crucially, it cannot explain agreement with inflected quantifiers and intensifiers within possessive, nominalized or postpositional configurations. The reason for it is that in possessive, nominalized and postpositional constructions, only one structural case is licensed, as evidenced by the ungrammaticality of (32) and (33).

- (32) *minem Marat-nıŋ surat-ı/-ım
 I.GEN Marat-GEN picture-3/-1SG
 intended: ‘my picture of Marat’
- (33) *minem Marat-nıŋ kür-gän-e/-em
 I.GEN Marat-GEN see-PART-3/-1SG
 intended: ‘my seeing of Marat’

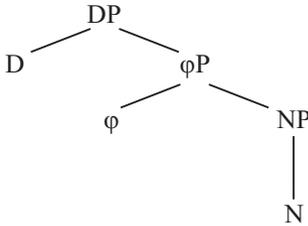
Moreover, no case copying or case agreement takes place in appositive constructions shown in (34)–(35).

- (34) kürşe-(*gä) äbi-gä
 neighbor-DAT grandma-DAT
 ‘to the neighbor old lady’
- (35) Marat-(*nıŋ) ukıtuçı-nıŋ surat-ı
 Marat-GEN teacher-GEN picture-3
 ‘the picture of Marat the teacher’

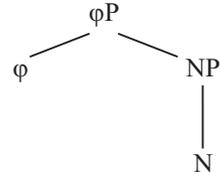
This means that with non-nominative DPs, stranding should be disallowed, since no additional source for the genitive encoding of the stranded quantifier or intensifier is available. As for the inflected anaphors, the stranding analysis is odd irrespective of the particular agreement configuration, since anaphors do not float.

Therefore, we conclude that the genitive restrictor noun phrase cannot be coargumental or adjoined to the inflected quantifier, intensifier or anaphor,

(38) a. DP-pronoun

b. φP-pronoun

The properties of various pronouns in Tatar have been studied extensively in the recent PhD thesis by Podobryaev [Podobryaev, 2014]. Podobryaev shows, in particular, that overt personal pronouns and covert *pro* differ systematically. Overt 1st / 2nd person pronouns cannot undergo indexical shift, whereas 1st or 2nd person *pro*_{<1/2>} can (but does not have to). Similarly, overt 1st / 2nd person pronouns are referential expressions, subject to condition C of the binding theory, whereas 1st or 2nd person *pro*_{<1/2>} is ambiguous between pronominal and anaphoric construals. The corresponding examples can be found in (39)–(40).

- (39) a. Alsu [min kaja kit-te-m diep] ajt-ti?
 Alsu.NOM I.NOM where go.out-PST-1SG that say-PST
 ‘Which place did Alsu say I went?’ <non-shifted>
 *‘Which place did Alsu say she went?’ <shifted>

- b. Alsu [*pro* kaja kit-te-m diep] ajt-ti?
 Alsu.NOM *pro*_{<1SG>} where go.out-PST-1SG that say-PST
 ‘Which place did Alsu say I went?’ <non-shifted>
 ‘Which place did Alsu say she went?’ <shifted>
 [Podobryaev, 2014, p. 84]

- (40) a. *Min mine kür-de-m.
 I.NOM I.ACC see-PST-1SG
 intended: ‘I saw myself.’

- b. Min *pro* ata-m kür-de-m.
 I.NOM *pro*_{<1SG>} father-1SG see-PST-1SG
 ‘I saw my father.’

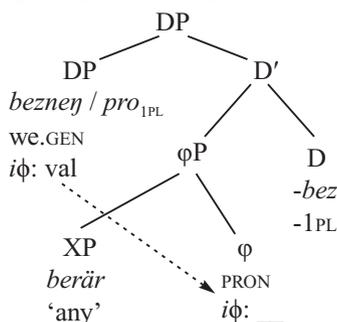
- c. Marat *pro* ata-m kür-de-m.
 Marat.NOM *pro*_{<1SG>} father-1SG see-PST-1SG
 ‘Marat saw my father.’

Based on these diagnostics we conclude that overt 1st / 2nd person pronouns in Tatar are DPs, whereas *pro* is ambiguous between DP and φP construals.

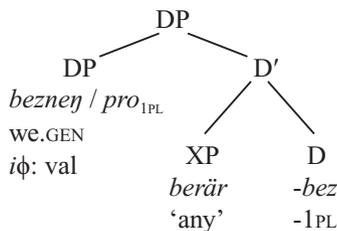
Let us further investigate the ϕ -feature set of ϕ P-pronouns. If the pronoun is free, its ϕ -feature set is valued. But if the pronoun is bound, it can enter the derivation with unvalued ϕ -features and acquire features' values via binding, as [Kratzer, 2009] suggests. Therefore, it is plausible that Tatar may possess a minimal pronoun ϕ with unvalued interpretable person and number features.

We believe that this minimal pronoun is the source of derived personal pronouns available in Tatar. We propose that agreeing inflected quantifiers, intensifiers and anaphors differ from the non-agreeing ones in that they contain an additional ϕ P layer between D and (substantivized) nominal structure, as shown in (41)–(42).

(41) agreeing inflected quantifier

(42) non-agreeing inflected quantifier

The trees in (41)–(42) represent the internal structure of agreeing and non-agreeing inflected quantifiers *berär-ebez* ‘any of us’. Non-agreeing inflected quantifier in (42) is a 3rd person DP, it is non-pronominal and behaves like a referential expression. The additional ϕ P-layer of the agreeing inflected quantifier in (41) converts it into a derived personal pronoun.

As a next step, the ϕ P in (41) gets bound by the c-commanding restrictor in Spec, DP. The ϕ -sets of ϕ and the restrictor match, and the unvalued features on ϕ are identified with the ϕ -set of the restrictor. Technically,

this operation may be conceived as a reverse agree [Wurmbrand, 2017] or as feature sharing [Pesetsky, Torrego, 2007]. Crucially, the restrictor is the nearest source of ϕ -features for the minimal pronoun, and this is why inflected quantifiers and intensifiers acquire the ϕ -set of their restrictor.

Finally, transmission of features from ϕ to D takes place. Valued features on ϕ P are further inherited by D in the standard manner, producing 1st / 2nd person inflected quantifiers and intensifiers, which are definite R-expressions, analogous to overt personal pronouns.

The derivation of bound inflected anaphors is slightly different. As a starting point, let's observe that bound 1st / 2nd person anaphors never contain an overt genitive possessor. Consider examples (43) and (44).

(43) Min genä üze-m makta-dt-m.
 I.NOM only self-1SG praise-PST-1SG
 'Only I praised myself.'

1. strict reading: nobody else praised me

2. sloppy reading: nobody else praised herself

(44) Min genä minem üze-m makta-dt-m.
 I.NOM only I.GEN self-1SG praise-PST-1SG
 'Only I praised myself.'

1. strict reading: nobody else praised me

2. *sloppy reading: nobody else praised herself

In (43), the pronoun *üzem* 'myself' lacks an overt possessor and can be interpreted as free, giving rise to the strict reading (43.1), or as bound, producing the sloppy reading (43.2). In (44), the pronoun contains an overt possessor, and the bound interpretation is excluded.

We conclude that agreeing bound anaphors are DPs hosting a ϕ P-*pro* in their specifier. The ϕ -set of *pro* is identified with the ϕ -set of the minimal pronoun ϕ via feature sharing [Pesetsky, Torrego, 2007], creating a chain of occurrences of the same features. The ϕ -set of *pro* is valued by its external syntactic binder, along the lines of [Kratzer, 2009]. In this way, the external binder, the bound *pro* in Spec, DP, and the minimal pronoun ϕ of the derived anaphor end up by bearing identical values of ϕ -features. These features are further reflected by the agreeing external probe. Importantly, agreement with the external probe can take place before binding and feature valuation. Suppose that the agreeing anaphor is embedded under a postposition. Then feature sharing would proceed as follows. First, the unvalued ϕ -sets of *pro* and minimal pronoun ϕ are identified as two occurrences of the same ϕ -set. Then, the ϕ -set on D is coindexed with them, giving rise to a three-link chain. Then, the ϕ -probe on P gets coindexed with the chain, producing

the fourth occurrence of the same ϕ -set. Finally, when the binder (presumably the subject) enters the derivation, its valued ϕ -set is identified as yet another occurrence of the same ϕ -set, and the values of the ϕ -features are being copied to all the occurrences of the coindexed ϕ -set.

Additional evidence supporting the analysis comes from case assignment in postpositional constructions. Denominal postpositions in Tatar involve differential argument marking: personal pronouns receive genitive encoding and combine with the agreeing form of the postposition, whereas other nominals appear in the nominative (unmarked) case and combine with the default 3rd person form of the postposition. This is illustrated in (45). We see that the 1st person personal pronoun *min* 'I' differs consistently from other nominals including possessive phrases, proper names and non-personal pronouns in case marking and agreement pattern.

(45) a. <i>minem</i> / * <i>min</i>
I.GEN / I.NOM
'instead of me'	<i>urun-um-da</i>
instead-1SG-LOC
b. <i>ata-m</i> / * <i>ata-m-nuŋ</i>
father-1SG / father-1SG-GEN
'instead of my father'	<i>urun-in-da</i>
instead-3-LOC
c. <i>Marat</i> / * <i>Marat-nuŋ</i>
Marat.NOM / Marat-GEN
'instead of Marat'	<i>urun-in-da</i>
instead-3-LOC
d. <i>kem</i> / * <i>kem-neŋ</i>
who.NOM / who-GEN
'instead of whom'	<i>urun-in-da</i>
instead-3-LOC

The crucial data comes from the experimental study of denominal postpositional constructions in Tatar [Lyutikova, Gerasimova, 2019]. The aim of the study was to estimate variation in differential argument marking in the postpositional construction. 119 native speakers of Tatar participated in the study; the respondent fulfilled production and rating tasks. Among the stimuli, there were 1st and 2nd person inflected quantifiers *kajsıbz* 'which of us', *kajsıgız* 'which of you' and 1st and 2nd person reflexive pronouns *üzem* 'myself' and *üzeneŋ* 'yourself'.

The study revealed strong correlation between agreement and case in both production (fill in the blank task) and perception (acceptability rating task): agreeing inflected quantifiers and anaphors are preferably genitive, and non-agreeing inflected quantifiers and anaphors are preferably nominative. The most popular patterns are presented in (46) for inflected quantifiers and (47) for inflected anaphors.

- (46) a. kajst-bız-nıj / ?*kajst-bız urun-ıbız-da
 which-1PL-GEN / which-1PL instead-1PL-LOC
 ‘instead of which of us’
- b. ?*kajst-bız-nıj / kajst-bız urun-un-da
 which-1PL-GEN / which-1PL instead-3-LOC
 ‘instead of which of us’
- (47) a. üz-em-nej / ?*üz-em urun-um-da
 self-1SG-GEN / self-1SG instead-1SG-LOC
 ‘instead of which of us’
- b. ?*üz-em-nej / üz-em urun-un-da
 self-1SG-GEN / self-1SG instead-3-LOC
 ‘instead of which of us’

Since genitive encoding occurs with personal pronouns exclusively, we consider this data as evidence that inflected quantifiers and anaphors convert into personal pronouns, and this is what our analysis essentially claims.

6. Conclusions

In this paper we have discussed agreement with inflected quantifiers, intensifiers and anaphors in Tatar, which allows for both non-agreeing and agreeing pattern. We have considered three options of accommodating the unexpected person/number agreement: agreement with the prominent possessor; agreement with *pro* (inflected quantifiers and intensifiers being stranded); standard agreement with the inflected quantifier, intensifier and anaphor, which have acquired ϕ -features of their restrictors or binders. We have opted for the last variant and provided an account of how exactly ϕ -features of the restrictor or binder could be transferred to the quantifier, intensifier or anaphor. We have based the account on the idea that agreeing inflected quantifiers, intensifiers and anaphors contain a minimal pronoun equipped with a set of unvalued interpretable features, and these features get valued by the restrictor (for quantifiers and intensifiers) or by the binder (for anaphors).

Importantly, the analysis proposed in this paper requires a less restrictive view of feature valuation and agreement. First, the interpretable ϕ -features of the minimal pronoun get valued in the course of derivation. Secondly, the c-command relation between the probe and the goal are reversed: the constituent with the valued ϕ -set c-commands the constituent with the unvalued ϕ -set. Finally, the derivation of constructions involving agreeing inflected anaphors requires that unvalued feature sharing take place before valuation. Putting it all together, we conclude that the theoretical

system based on feature sharing is superior to the standard minimalist view of agreement in accounting for yet another intricate agreement pattern exhibited by inflected quantifiers, intensifiers and anaphors in Tatar.

References

- Aydin, 2008 – Aydin Ö. Agreement with partitive quantifier in Turkish. *14th International Conference on Turkish Linguistics, 6–8 August, 2008, Ankara University, Manavgat, Turkey*.
- Baker, 2008 – Baker M. The syntax of agreement and concord. Cambridge, 2008.
- Bárány et al., 2019 – Prominent internal possessors. Bárány A., O. Bond, I. Nikolaeva (eds.). Oxford, 2019.
- Corbett, 2006 – Corbett, G. Agreement. Cambridge, 2006.
- Comrie, 2003 – Comrie B. ‘When agreement gets trigger-happy’. *Transactions of the Philological Society*. 2003. No. 101. Pp. 313–337.
- Deal, 2017 – Deal A. External possession and possessor raising. *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. 2017.
- Déchaine, Wiltschko, 2002 – Déchaine R.M., Wiltschko M. Decomposing pronouns. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. No. 3. Pp. 409–442.
- Déchaine, Wiltschko, 2010 – Déchaine R.M., Wiltschko M. When and why can 1st and 2nd person pronouns be bound variables? Ms. 2010. URL: <https://ling.auf.net/lingbuzz/001079>
- Faller, Hastings, 2008 – Faller M., Hastings R. Cuzco Quechua quantifiers. *Quantification: A Cross-Linguistic Perspective*. L. Matthewson (ed.). North Holland Linguistic Series: Linguistic Variations. Vol. 64. Emerald Group Publishing, 2008.
- Haig, Forker, 2018 – Haig G., Forker D. Agreement in grammar and discourse: A research overview. *Linguistics*. 2018. Vol. 56. No. 4. Pp. 715–734.
- Ince, 2007 – Ince A. On default agreement in Turkish. *WAFLL*. Harvard University, Boston, MA, 2007.
- Jerro, 2013 – Jerro K. When quantifiers agree in person: Anomalous agreement in Bantu. *Studies in Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. 2013. Pp. 21–36.
- Jerro, Wechsler, 2015 – Jerro K., Wechsler S. Person-marked quantifiers in Kinyarwanda. *Agreement from a Diachronic Perspective*. J. Fleischer, E. Rieken, P. Widmer (eds.). Trends in Linguistics. Studies and Monographs [TiLSM], 287. Mouton De Gruyter, 2015. Pp. 147–164.
- Kratzer, 2009 – Kratzer A. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40. No. 2. Pp. 187–237.
- Lander, 2015 – Lander Yu. Dargwa contribution to the typology of agreement. Ms. IL RAS, 2015.
- Lyutikova, 2017 – Lyutikova E. Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. *Ural-Altai studies*. 2017. Vol. 25. No. 2. Pp. 25–45.
- Lyutikova, Gerasimova, 2019 – Lyutikova E., Gerasimova A. Postpositional constructions in Tatar: Methodologies for measuring intralingual variation. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2019). 2019. Vol. 18. Pp. 412–435.
- Matasović, 2018 – Matasović R. An areal typology of agreement systems. Cambridge, 2018.

Muysken, 1989 – Muysken P. Predication chains: Case and argument status in Quechua and Turkish. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 4. Pp. 627–645.

Muysken 2013 – Muysken, P. A note on inflected quantifiers in Quechua. *Anuario del Seminario de Filología Vasca 'Julio de Urquijo'*. 2013. Pp. 265–272.

Nevins, 2011 – Nevins A. Multiple agree with clitics: Person complementarity vs. omnivorous number. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. Vol. 29. Pp. 939–971.

Nichols, 2018 – Nichols J. Agreement with overt and null arguments in Ingush. *Linguistics*. 2018. Vol. 56. No. 4. Pp. 845–863.

Nikolaeva et al., 2019 – Nikolaeva, I., Bárány A., Bond O. Towards a typology of prominent internal possessors. *Prominent internal possessors*. Bárány A., O. Bond, I. Nikolaeva (eds.). Oxford, 2019. Pp. 1–38.

Pesetsky, Torrego, 2007 – Pesetsky D., Torrego E. The Syntax of valuation and the interpretability of features. *Phrasal and Clausal Architecture. Syntactic Derivation and interpretation*. Amsterdam, 2007. Pp. 262–294.

Podobryaev, 2014 – Podobryaev A. Persons, imposters, and monsters. MIT diss., 2014.

Preminger, 2014 – Preminger O. Agreement and its failures. Cambridge, MA, 2014.

Say, 2019 – Say S. Prominent internal possessors in Bashkir. *Prominent internal possessors*. Bárány A., O. Bond, I. Nikolaeva (eds.). Oxford, 2019. Pp. 196–227.

Wurmbrand, 2017 – Wurmbrand S. Feature sharing or how I value my son. *The Pesky Set: Papers for David Pesetsky*. MIT WPL, 2017. Pp. 173–182.

Yadava et al., 2019 – Yadava Y., Bond O., Nikolaeva I., Ritchie S. The syntax of possessor prominence in Maithili. *Prominent internal possessors*. Bárány A., O. Bond, I. Nikolaeva (eds.). Oxford, 2019. Pp. 39–79.

Статья поступила в редакцию 09.08.2019

The article was received on 09.08.2019

Об авторах / About the authors

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Lyutikova Ekaterina A. – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4439-0613>

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Гращенко Павел Валерьевич – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник отдела языков Азии и Африки, Институт востоковедения РАН

Grashchenkov Pavel V. – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; senior researcher at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of RAS

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9754-2452>

E-mail: pavel.gra@gmail.com

Кс.П. Семёнова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Семантика форм плюсквамперфекта в древнеармянских Евангелиях

Работа посвящена описанию семантики древнеармянского плюсквамперфекта, т.е. аналитических глагольных форм, состоящих из причастной формы на *-eal* и вспомогательного глагола-связки *et* 'быть' в форме прошедшего времени. Исследование проведено на материале текстов четырех Евангелий. Чуть более половины употреблений плюсквамперфекта представляют собой «перфект в прошлом» – это результирующие, стативные и экспериенциальные контексты. Однако также надежно выделяются значения ирреальной зоны (гипотетического/контрафактического условия и гипотетического/контрафактического следствия) и антирезультативной зоны (отсутствие события/состояния, отмененный результат). Отдельно рассмотрены контексты, где плюсквамперфект маркирует событие, являющееся концом некоторого обозначенного отрезка времени в прошлом, – так называемые контексты «верхней границы». Наконец, плюсквамперфект может выражать таксисное предшествование. Дискурсивная функция плюсквамперфекта в грабаре заключается в оформлении авторского отступления от основной линии повествования (в статье подобные случаи называются дигрессией). Таким образом, плюсквамперфект в древнеармянском языке вполне вписывается в типологически усредненную картину данной глагольной граммы: сложная полисемичная форма, семантически непараллельная перфекту, с определенными дискурсивными функциями.

Ключевые слова: аналитическая глагольная конструкция, антирезультативная зона, древнеармянский язык, ирреальные значения, плюсквамперфект, таксис

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Семёнова Кс.П. Семантика форм плюсквамперфекта в древнеармянских Евангелиях // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 74–100. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-74-100

X. Semionova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The semantics of pluperfect forms in Classical Armenian Gospels

The paper focuses on the semantic properties of Classical Armenian periphrastic verbal forms consisting of a participle in *-eal* and an auxiliary verb *em* 'to be' in past tense; the data are from Armenian translation of four Gospels. The pluperfect in Classical Armenian may function as past perfect representing resultative, stative, and experiential uses. Likewise, irreal (both hypothetical and counterfactual) and antiresultative meanings (non-achieved or cancelled result) are well attested. Finally, standard relative-tense uses are also frequent. The most important discourse function of pluperfect forms is related to marking «out-of-sequence» events. Cross-linguistically, this inventory of functions is more or less standard, but some details require further analysis.

Key words: antiresultative, irrealis, relative tense, Classical Armenian, pluperfect, verbal periphrases

FOR CITATION: Semionova X. The semantics of pluperfect forms in Classical Armenian Gospels. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 74–100. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-74-100

1. Вводные замечания

Настоящая работа посвящена описанию семантики форм плюсквамперфекта в древнеармянских Евангелиях.

Проблематика не является новой для арменистики: семантика данной глагольной формы затрагивается в монографии [Lyonnet, 1933], а также в статьях [Ouzounian, 2002, 2007] (все три источника, впрочем, больше внимания уделяют перфекту). Разумеется, нельзя не упомянуть работы Н.А. Козинцевой, в первую очередь, пожалуй, статью, полностью посвященную функционированию плюсквамперфекта в древнеармянском (на материале книги Егише «О Вардане и войне армянской», V в. н.э.) и современном восточноармянском языках [Козинцева, 1998].

Н.А. Козинцева справедливо отмечает, что «в зависимости от контекста он (плюсквамперфект. – *K.C.*) имеет аспектуальное значение перфекта, таксисное значение предшествования, временное значение давнопрошедшего и модальное значение гипотетичности» [Козинцева, 1998, с. 213]. В рамках настоящего исследования мы надеемся предоставить более нюансированную трактовку данных. Стоит также отметить, что в указанной работе Н.А. Козинцева существенно опирается на противопоставление абсолютно-относительного и абсолютного времен, предложенное Б. Комри [Comrie, 1985], которое, на наш взгляд, задает слишком жесткие рамки для описания плюсквамперфекта и, таким образом, не кажется слишком удачным, поэтому мы к указанному противопоставлению апеллировать не будем; см. критическое обсуждение таксисной концепции Б. Комри, например, в [Сичинава, 2013, с. 23–24], а также указанные там источники.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты четырех Евангелий, представленные на сайте проекта PROIEL¹, выполняемого в Университете Осло; наш корпус насчитывает 134 вхождения.

Плюсквамперфект в грабаре представляет собой аналитическую глагольную форму, состоящую из причастия на *-eal* (причастие образуется путем добавления указанного окончания к основе аориста) и вспомогательного глагола-связки *em* ‘быть’ в форме прошедшего времени. Схематически модель образования форм плюсквамперфекта можно представить следующим образом²:

	SG	PL	
$V_{\text{AOR.STEM}} + \text{-eal}$	<i>ēi</i>	<i>ēak'</i>	1
	<i>ēir</i>	<i>ēik'</i>	2
	<i>ēr</i>	<i>ēin</i>	3

Линейный порядок элементов внутри аналитической формы строго не регламентирован (в отличие от того, что мы можем наблюдать

¹ Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages. URL: <http://foni.uio.no:3000/>

² Условные обозначения: 1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; AOR – аорист; AUX – вспомогательный глагол *em* ‘быть’; COMP – комплементаризер; CON1 – презенс конъюнктива; CON2 – аорист конъюнктива; DAT – датив; DEF – определенный артикль; GEN – генитив; IMP – императив; INF – инфинитив; IPF – имперфект; LOC – локатив; NEG – отрицание; NOM – номинатив; PAST – прошедшее время вспомогательного глагола; PL – множественное число; PREP – предлог; PRES – настоящее время; PTCP – причастие на *-eal*; PTCP_{FUT} – причастие на *-loc'*; REL – относительное местоимение; SG – единственное число; V_{AOR.STEM} – основа аориста.

в современном восточноармянском), но можно все же говорить о ряде закономерностей. Так, в утвердительных высказываниях связка скорее тяготеет к постпозициональному употреблению (ср. (1) ниже), при этом не обязательно образуя клитический комплекс с причастием в качестве опорного слова (вспомогательный глагол может отделяться, например, группой подлежащего, ср. (2), или наречием). Для контекстов с отрицанием действуют дополнительные правила. Отрицание в древнеармянском может выражаться как морфологически при помощи показателя *č'-*, являющегося проклитикой при вспомогательном глаголе (т.е. фактически мы имеем дело с отрицательной формой вспомогательного глагола, и в этом случае она всегда линейно предшествует причастию, как в (3)), так и лексически – элементами *č'ew* ‘еще не’, *oč'* ‘не’ и некоторыми другими, и здесь возможны оба варианта взаимного расположения компонентов аналитической формы (ср. характерные в этом отношении примеры (4) и (5)), однако компонент, выражающий отрицание, обязательно находится в препозиции к причастию. Для наглядности приведем примеры:

(1) Мк. 1:16

etes	z=Simovn	ew	z=Andrēas	elbayr
видеть.AOR.3SG	PREP=СИМОН	и	PREP=Андрей	брат
Simovn-i				
СИМОН-GEN.SG				
zi	ark-eal ³	ēr	noc'a	urkan-s
что	поместить-PTCP	AUX.PAST.3SG	ОН.GEN.PL	сеть-ACC.PL
i	sov			
PREP	море			
‘увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море’ ⁴				

(2) Мк. 1:33

ew	ēr	amenayn	k'alak'=n	žolov-eal
и	AUX.PAST.3SG	весь	город=DEF	собираться-PTCP
ař	drun-s=n			
к	дверь-LOC.PL=DEF			
‘И весь город собрался к дверям’.				

³ Здесь и далее аналитические формы с причастием на *-eal* и их соответствия в переводе выделены полужирным. В данной статье мы приводим упрощенное глоссирование армянских языковых примеров, не соответствующее традиционному морфологическому анализу, принятому, например, в [Jungmann, Weitenberg, 1993]. Нулевой показатель номинатива-аккузатива единственного числа в глоссах не обозначается.

⁴ Русский текст Евангелий цитируется по Синаодальному переводу.

(3) Ин. 11:21

Тēr	et'ē	ast	li-eal	ēr
Господь	COMP	здесь	становиться-PTCP	AUX.PAST.2SG
eřbaur=n	im	č'=ēr	mef-eal	
брат=DEF	мой	NEG=AUX.PAST.3SG	умереть-PTCP	

‘Господи! если **бы** Ты **был** здесь, **не умер бы** брат мой’.

(4) Ин. 7:30

č'ew	ēr	has-eal	žam	nora
еще не	AUX.PAST.3SG	прийти-PTCP	час	его

‘еще не **пришел** час Его’

(5) Ин. 8:20

č'ew	ews	has-eal	ēr	žam	nora
еще не	опять	прийти-PTCP	AUX.PAST.3SG	час	его

‘еще **не пришел** час Его’

Изложенные закономерности расположения связки относительно причастной формы в целом соответствуют тому, что мы наблюдаем в современном восточноармянском языке, где нейтральным в утвердительных контекстах является порядок PTCP + AUX, а в отрицательных – NEG-AUX + PTCP. Существенная разница заключается в том, что на современном этапе отклонения от такого нейтрального порядка связаны с фокусным маркированием (связка переносится в позицию непосредственно после фокусируемого элемента), в то время как для габара это, по всей видимости, не так⁵.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию семантики форм плюсквамперфекта, кратко упомянем одну их особенность, связанную с диатезным типом. Строго говоря, этот аспект актуален не только для форм плюсквамперфекта, но и для аналитических конструкций из причастия на *-eal* и вспомогательного глагола в форме настоящего времени (т.е. для форм перфекта) и уже неоднократно был описан в литературе: начиная с классических работ [Benveniste, 1952; Meillet, 1962] и заканчивая, например, недавней статьёй [Kölligan, 2013]. Коротко говоря, речь идет о статусе форм переходных глаголов (в случае с непереходными глаголами подлежащее аналитической конструкции оформляется номинативом, конструкция имеет активную диатезу). В контекстах же с переходными глаголами возможны два типа конструкций: обычная пассивная (с продвижением исходного дополнения в позицию подлежащего, оформляемого номинативом) и формально схожая с так называемым «ленивым пассивом» (с понижением исходного подлежащего,

⁵ Подробнее об этом см., например, [Семёнова, 2014].

принимаящего показатель генитива, и сохранением исходного аккумулятивного маркирования прямого дополнения). Выбор того или иного диатезного типа в значительной степени лексически обусловлен; однако для ряда лексем возможно как активное, так и пассивное употребление – и проявляется это противопоставление как раз в контекстах с плюсквамперфектом⁶, ср.:

(6) Лк. 1:36

Elisabet' <...> or amul=n koč'ec'-eal ēr
 Елисавета REL бесплодный=DEF называть-PTCP AUX.PAST.3SG
 'Елисавета, <...> **называемая** неплодною'
 (пассивная конструкция)

(7) Ин. 1:48

minč'č'ew ēr P'ilippos-i koč'ec'-eal
 пока не AUX.PAST.3SG Филипп-GEN.SG называть-PTCP
 z=k'ez <...> tes-i z=k'ez
 PREP=ТЫ.ACC видеть-AOR.1SG PREP=ТЫ.ACC
 'прежде нежели **позвал** тебя Филипп, <...> Я видел тебя'
 (активная конструкция с понижением подлежащего;
 букв. ≈ ' <...> **было** у Филиппа **позвавши** тебя')

2. Семантика форм плюсквамперфекта

Формы плюсквамперфекта, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать не изолированно, а в более широком контексте – как часть системы аналитических глагольных конструкций древнеармянского языка, образуемых сочетанием причастия на *-eal* со вспомогательным глаголом (всего таких употреблений в текстах Евангелий нам встретилось 312)⁷. Подробно семантика форм перфекта (причастие на *-eal* со связкой в презенсе) рассматривается в статье [Семёнова, 2016], здесь же мы лишь кратко суммируем основные выводы, релевантные для настоящего исследования.

Результативные употребления в Евангельских текстах являются для древнеармянского перфекта доминирующими, однако надежно выделяется и класс стативных и экспериенциальных контекстов (т.е. мы наблюдаем начальные этапы семантической эволюции данной категории

⁶ О невозможности противопоставления активной и пассивной конструкции в контекстах со связкой в форме настоящего времени для глаголов *grel* 'писать', *asel* 'говорить', *tal* 'давать' ср. также [Ouzounian, 2002 p. 17].

⁷ Глагольные формы в грабаре, напомним, в основном синтетические. Кроме рассматриваемых форм с причастием на *-eal* аналитическим также является один из способов выражения будущего времени – в этом случае вспомогательный глагол сочетается с причастием на *-loc* ' (65 вхождений в Евангелиях).

из результативного типа). С некоторыми оговорками также можно говорить о наличии у форм перфекта имедиатного значения. Примечателен и тот факт, что данная аналитическая форма свободно употребляется в контекстах с отрицанием, что также указывает на некоторое удаление от результативного прототипа, поскольку сочетаемость «чистого» результата с отрицанием вообще довольно ограничена по семантическим причинам, ср. [Недялков, Яхонтов, 1983, с. 26].

Плюсквамперфект в грабаре является еще более полисемичной формой, чем перфект, однако его, так сказать, результативное происхождение дает о себе знать – практически половина примеров из нашей выборки имеет **результативную** семантику. Иначе говоря, в рамках этого класса контекстов плюсквамперфект ведет себя как результатив прошедшего времени, обозначая результат, относящийся к некоторому моменту в прошлом (предшествующему времени наблюдения). Ср.:

(8) Мк. 15:46

ed i gerezman-i z=or ēr
 класть.AOR.3SG PREP могила-LOC.SG PREP=REL AUX.PAST.3SG
p'or-eal i vim-ē
 высечь-PTCP PREP камень-ABL.SG
 'положил Его во гробе, который **был высечен** в скале'

(9) Мк. 16:4

tes-in zi t'awalec'uc'-eal ēr
 видеть.AOR.3PL что отвалить-PTCP AUX.PAST.3SG
 z=vēm=n i gerezman-ē=n
 PREP=камень=DEF PREP могила-ABL.SG=DEF
 'видят, что камень **отвален**'
 (букв. ≈ 'увидели, что **отвален был** камень от гробницы')

(10) Лк. 18:34

ayl ēr ban=n sack-eal i nos'anē
 но AUX.PAST.3SG слово=DEF закрыть-PTCP PREP он.ABL.PL
 'слова сии были для них **сокровенны**' (букв. ≈ 'но **было** это слово **закрыто от** них')

(11) Мф. 14:24

Ev naw=n mekn-eal ēr
 и корабль=DEF отойти-PTCP AUX.PAST.3SG
 i s'amak'-ē=n bazum asparis-aw-k'
 PREP берег-ABL.SG=DEF много стадий-INSTR-PL
 'А лодка **была** уже на середине моря' (букв. ≈ 'Корабль уже **отошел** от берега на много стадий').

Чуть менее частотны, но также сравнительно широко представлены (около 16% всех примеров) параллельные перфекту **стативные** употребления плюсквамперфекта (см. (12)–(15) ниже). О стативной интерпретации можно говорить в том случае, когда глагольная форма обозначает текущее состояние, релевантное само по себе, безотносительно предшествующего действия, процесса или события, которые в ряде случаев могут и вовсе отсутствовать (ср. близкое понятие «квазирезультатива» [Недялков, Яхонтов, 1983, с. 11]). Характерно также, что в подобных контекстах форма плюсквамперфекта часто оказывается в ряду синтаксически однородной цепочки сочиненных предикатов, другие элементы которой оформлены имперфектом (т.е. специализированной формой для выражения текущего состояния в прошедшем времени), ср. (14)–(15)⁸:

(12) Лк. 10:40

Mart'a	zba1-eal	ēr	i	bazum
Марфа	заниматься-PTCP	AUX.PAST.3SG	PREP	много
spas-u				
угощение-LOC.SG				
'Марфа же заботилась о большом угощении'.				

(13) Лк. 13:19

nman	ē	hat-oy	mananx-oy	
похожий	быть.PRES.3SG	зерно-GEN.SG	горчица-GEN.SG	
z=or	ai-eal	mard-oy	ark	i
PREP=REL	братъ-PTCP	человек-GEN.SG	поместить.AOR.3SG	PREP
partēz	iwr	ač-eac'	ew	e1-ew
сад	свой	расти-AOR.3SG	и	становиться-AOR.3SG
ca1	ew	t'řč'un-k'	erkn-ic'	bnak-eal
дерево	и	птица-NOM.PL	небо-GEN.PL	находиться-PTCP
ēin	y=ost-s		nora	
AUX.PAST.3PL	PREP=ветвь-LOC.PL		ОН.GEN.SG	
'<Чему подобно Царствие Божие?> Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его' (букв. ≈ '<...> находились/жили в ветвях его').				

⁸ О подобных сочетаниях имперфекта и плюсквамперфекта подробнее см. [Дундуа, 2015].

(14) Мк. 6:51

Ew ařawel ews **yimar-eal** **ēin**
 и больше опять изумляться-PTCP AUX.PAST.3PL
 i mit-s iwr-eanc' ew zarman-ayin youž
 PREP душа-LOC.PL свой-GEN.PL и дивиться-IPF.3PL много
 'И они чрезвычайно **изумлялись** в себе и дивились'.

(15) Ин. 5:35

Na ēr crag=n or **luc'-eal** **ēr**
 он быть-IPF.3SG светильник=DEF REL светить-PTCP AUX.PAST.3SG
 ew sag-ēr
 и освещать-IPF.3SG
 'Он был светильник, **горящий** и светящий'.

Упомянем также случай **экспериенциального** употребления плю-скамперфекта – это история про Иисуса и самаритянку в Евангелии от Иоанна. Напомним, Иисус встречается самаритянку у колодца, они беседуют, после чего женщина уходит в город рассказать о случившемся. Здесь в ее реплике используется форма перфекта (с экспериенциальным значением):

(16) Ин. 4:29

ek-ayk' tes-ēk' z=ayr mi or
 идти-IMP.2PL видеть-IMP.2PL PREP=мужчина один REL
 as-ac' inj z=amenayn or inč' im
 говорить-AOR.3SG я.dat PREP=всё REL что я.GEN
gorc-eal **ē**
 делать-PTCP AUX.PRES.3SG
 'пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все,
 что я **сделала**'

Далее мы видим дословно ту же фразу ('сказал мне все, что я сделала'), но вспомогательный глагол уже употребляется в форме прошедшего времени:

(17) Ин. 4:39

vasn ban-i kn-oj=n vkay-el-oy
 из-за слово-GEN.SG женщина-GEN.SG=DEF заявлять-INF-GEN.SG
 et'ē as-ac' inj z=amenayn or inč'
 COMP говорить-AOR.3SG я.DAT PREP=всё REL что
 im **gorc-eal** **ēr**
 я.GEN делать-PTCP AUX.PAST.3SG
 '<И многие Самаряне из города того уверовали в Него>
 по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все,
 что она **сделала**'.

В этом случае появление плюсквамперфекта с экспериенциальным значением может объясняться тем, что весь соответствующий фрагмент в (17) является трансляцией фрагмента (16) в план прошедшего: если в (16) в качестве точки отсчета выступает момент речи (ср. открывающие его формы императива), то в (17) – уже ряд других событий, относящихся к прошлому. В дискурсивном плане (17) является ретроспективным пересказом произошедших ранее событий, что представляет собой наиболее естественный контекст для появления плюсквамперфектных форм.

Выше мы рассмотрели контексты, в которых формы плюсквамперфекта выражают значения результата, состояния, а также допускают экспериенциальную трактовку. В этих случаях, пожалуй, допустимо говорить о «перфекте в прошлом». Далее же речь пойдет о других семантических классах употреблений аналитической конструкции с причастием на *-eal* и связкой в прошедшем времени, а также о ее функционировании в определенных дискурсивных условиях, что, собственно, и позволяет говорить об указанной глагольной форме как о прототипическом плюсквамперфекте, семантически неодноплановом с перфектом.

Начнем со случаев, когда форма плюсквамперфекта используется для оформления **предшествования в прошлом**. Эта, чисто таксисная, функция долгое время считалась для плюсквамперфекта определяющей и центральной (по всей видимости, здесь сказалось влияние английской и скандинавской модели – для этих языков утверждение о ведущей роли таксиса в семантике плюсквамперфекта следует, как кажется, признать верным). Однако же, как убедительно показано в типологической литературе последних лет (см., в первую очередь, [Сичинава, 2013], а также, например, еще более раннюю статью [Плунгян, 2001]), в большинстве языков мира значение предшествования у форм плюсквамперфекта далеко не основное, и древнеармянский также следует этой тенденции.

Примером таксисного употребления можно считать следующий:

(18) Ин. 19:17

Ew	barj-eal	ēr	ink'nin	z=xač'ap'ayt=n	ew
и	брать-PTCP	AUX.IPF.3SG	Сам	PREP=крест=DEF	и
elan-ēr	i	tehi=n		or	anuan-ēr
идти-IPF.3SG	PREP	место.LOC.SG=DEF	REL	называть-IPF.3SG	
Gagat'an					
Лобное					
'И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное'.					

Синодальный перевод не совпадает с древнеармянским текстом, где буквально сказано: 'И [сначала] **поднял** Он Сам крест и [потом] пошел на место, которое называли Лобным', т.е. мы имеем дело с двумя

однородными сказуемыми независимой клаузы, описывающими последовательные действия и оформленными предикатами в формах плюсквамперфекта и имперфекта, соответственно.

Ряд примеров, когда плюсквамперфект употребляется в зависимой клаузе, также можно отнести к таксисным (хотя в целом в случае с зависимыми употреблениями границы могут быть более зыбкими), ср., например:

(19) Лк. 19:15

Ew	eł-ew		dařn-al		nma
и	становиться.AOR.3SG		вернуться-INF		он.DAT
ař-eal		z=t'agaworut'ıwn=n		ew	koč'-el
брать-PTCP	PREP=королевство.ACC.SG=DEF		и		звать-INF
z=cařay-s=n		or-oc'		tu-eal	ēr
PREP=слуга-ACC.PL=DEF		REL-DAT.PL	дать-PTCP		AUX.PAST.3SG
z=arcat'=n	zi	gıtas-c'ē	t'ē		o(v)
PREP=серебро=DEF	что	знать-CON2.3SG	COMP		кто
z=inč'		šahec'-aw			
PREP=что		выиграть-AOR.3SG			

‘И когда возвратился, получив царство, велел призвать к себе рабов тех, которым дал серебро, чтобы узнать, кто что приобрел’.

Мы видим, что на оси времени предшествующее событие (‘дать слугам серебро’) оформляется плюсквамперфектом, последующие же – аористом. Аналогичным образом устроен и пример (20): повествование ведется в аористе (‘освобождение Вараввы’ и ‘предание Иисуса народу’), имперфект выражает «фондовый» дуратив прошедшего времени (‘просили’), предикат в плюсквамперфекте маркирует самое раннее из перечисленных событий (‘заклучение Вараввы в темницу’):

(20) Лк. 23:25

Arjak-eac'		noc'a		z=Varabbay=n	
освободить-AOR.3SG		он.DAT.PL		PREP=Варавва=DEF	
z=or	vasn	xřovut'ean		ew	spanut'ean
PREP=REL	из-за	беспорядок.GEN.SG		и	убийство.GEN.SG
ark-eal		ēr		i	bant
поместить-PTCP		AUX.PAST.3SG		PREP	тюрьма
z=or	ew	xndr-ēin=n		isk;	ew
PREP=REL	и	просить-IPF.3PL=DEF		как	и
z=Yısus	matn-eac'	kam-ac'=n			noc'a
PREP=Иисус	предать-AOR.3SG	желание-DAT.PL=DEF			он.DAT.PL

‘И отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю’.

Остановимся еще на одном примере таксисного употребления плюсквамперфекта:

(21) Ин. 13:2

Ew i lin-el ant'r-eac'=n satanay-i isk
и PREP становиться-INF ужин-GEN.PL=DEF сатана-GEN.SG но
ark-eal ēr i sirt
поместить-PTCP AUX.PAST.3SG PREP сердце
zi matn-esc'ē z=na Yuda
что предать-CON2.3SG PREP=он Иуда
'И во время вечера, когда диавол уже **вложил** в сердце Иуде
предать Его'

В первом стихе главы основное действие выражено аористом (*gitac* 'знал'), дальнейший нарратив оформляется также аористом и формами презенса, для экономии места мы не приводим здесь расширенный контекст. Для нас существенно, что переводчиком в данном случае выбрана именно форма плюсквамперфекта – подчеркивающая, что мысль о предательстве пришла к Иуде не во время ужина, а ранее.

Перейдем к **ирреальным** контекстам с формами плюсквамперфекта (это порядка 13% случаев в нашем корпусе), ср., например:

(22) Мк. 13:20

Ew et'ē oč' ēr karč'-eal Astuac-oy
и COMP не AUX.PAST.3SG сократить-PTCP Бог-GEN.SG
z=awur-s=n z=aynosik vasn antre-loc'
PREP=день-ACC.PL=DEF PREP=ЭТОТ.ACC.PL из-за выбрать-PTCP_{FUT}
iwr-oc' oč' apr-ēr amenaun marmin
свой-GEN.PL не жить-IPF.3SG весь тело
'И если бы Господь не **сократил** тех дней [ради избранных],
то не спаслась бы никакая плоть?.'

Среди ситуаций, маркированных интересующей нас формой, можно различать **контрфактическое** и **гипотетическое условие** и **контрфактическое** и **гипотетическое следствие**. Приведем для сравнения два примера:

(23) = (3) Ин. 11:21

Tēr et'ē ast li-eal ēir
Господь COMP здесь становиться-PTCP AUX.PAST.2SG
eḅauγ=n im č'=ēr meč'-eal
брат=DEF мой NEG=AUX.PAST.3SG умереть-PTCP
'Господи! если **бы** Ты **был** здесь, **не умер бы** брат мой'.

(24) Лк. 10:13

zi	et'ē	i	Tiwros	ew	i	Sidovn
ведь	COMP	PREP	Тир.LOC.SG	и	PREP	Сидон.LOC.SG
el-eal			ēin			zorut'iwn-k'=n
становиться-PTCP			AUX.PAST.3PL			сила-NOM.PL=DEF
or	el-en		i		jez	
REL	становиться-AOR.3PL		PREP		ты.DAT.PL	
vałuc'	ews	ardewk'	i	xorg	ew	i
ранее	опять	возможно	PREP	вретище.LOC.SG	и	PREP
moxir	nst-eal	ew	apařxar-eal	ēr		
пепел.LOC.SG	сидеть-PTCP	и	раскаться-PTCP	AUX.PAST.3SG		

‘Если **бы** в Тире и Сидоне **явлены были** силы, явленные в вас, то давно **бы** они, сидя во вретище и пепле, **покаялись**’.

Пример (23) демонстрирует контрфактические условие и следствие: про оба события, выраженные предикатами в плюсквамперфекте, точно известно, что они в реальном мире не имели места – Лазарь умер, и Иисуса не было с Марфой и Марией в тот момент. Пример же (24) оставляет некоторую свободу интерпретаций: верно, что силы не были явлены в Тире и Сидоне, но это не отменяет возможности их явления в дальнейшем, что, в свою очередь, может повлечь за собой раскаяние жителей. Таким образом, здесь мы имеем дело с гипотетическими условием и следствием.

Для полноты картины стоит отметить, что в обеих этих ирреальных функциях предикат может быть оформлен не плюсквамперфектом, а имперфектом (выше мы уже сталкивались с другим случаем взаимодействия этих двух форм – см. (14) и (15), где они маркируют однородные сказуемые). Ср. (25), структурно и по смыслу крайне близкий (24), но с формой имперфекта, обозначающей контрфактическое следствие, а также (26), где имперфект выражает и условие, и следствие (оба гипотетические)⁹:

(25) Мф. 11:23

zi	et'ē	i	Sidom	el-eal		ēin
что	COMP	PREP	Содом	становиться-PTCP	AUX.PAST.3PL	
zorut'iwn-k'=n			or	el-en	i	k'ez
сила-NOM.PL=DEF			REL	становиться-AOR.3PL	PREP	ты.DAT.SG
arak'ēn	kay-in		ews	minč'ew	c'aysor	
однако	оставаться-IPF.3PL	опять	до	сегодня		

‘Если **бы** в Содоме **явлены были** силы, явленные в тебе, то он **оставался бы** до сего дня’.

⁹ Конкуренция форм имперфекта и плюсквамперфекта, безусловно, представляет крайне интересной исследовательской задачей, однако в рамках данной статьи мы не имеем возможности на ней останавливаться.

(26) Мф. 24:43

Et'ē **git-ēr** tanutēr y=or-um pah-u
 COMP знать-IPF.3SG хозяин PREP=REL-LOC.SG стража-GEN.SG
 goł ga-y **sk-ēr** ew oč' **ta-yr**
 вор идти-PRES.3SG бдеть-IPF.3SG и не давать-IPF.3SG
 akan hatan-el z=tan=n iwr-oy
 подкоп резать-INF PREP=ДОМ=DEF свой-GEN.SG
 'Если **бы** ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор,
 то **бодрствовал бы** и не **дал бы** подкопать дома своего'.

Перейдем к классам значений плюсквамперфекта, принадлежащих к так называемой **антирезультативной зоне** (об этом понятии подробнее см. [Плунгян, 2001]), включающей значение отсутствия ситуации и значение отмененного, или аннулированного, результата.

Для примеров класса **отсутствия ситуации** (события или состояния – в зависимости от акциональной принадлежности предиката) равно существенны два момента: факт отсутствия события или состояния в определенном интервале (предшествующем моменту речи) и факт наличия у говорящего или участников ситуации некоторых ожиданий относительно наступления ситуации (здесь, таким образом, мы уже соприкасаемся с зоной модальности). Примерами могут служить (4) и (5) выше, а также (27) и (28).

(27) Ин. 3:23–24

Mkrt-ēr ew Yovhannēs i y=Aenovn
 крестить-IPF.3SG и Иоанн PREP PREP=Енон
 merj ař Salim zi ĵur-k' bazum-k'
 возле к Салим что вода-NOM.PL много-NOM.PL
 ein and ew gay-in ew mkrt-ēin
 быть-IPF.3PL там и прийти-IPF.3PL и крестить-IPF.3PL
 Zi č'ew ews ēr **ark-eal**
 ведь еще не опять AUX.PAST.3SG поместить-PTCP
 z=Yovhannēs i bant
 PREP=Иоанн PREP тюрьма

'23: А Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды; и приходили *туда* и крестились,

24: ибо Иоанн **еще не был заключен** в темницу'.

Как можно видеть, в примере (27) плюсквамперфектом оформлен предикат, обозначающий состояние, о котором говорящему достоверно известно, что оно должно наступить (на это же указывает наличие лексемы *οὐπω* 'еще не' в греческом оригинале и сочетания «еще не» в Синодальном переводе).

(28) Ин. 6:16–17

Ew ibrew erekoу et-ew
 и когда вечер становится-AOR.3SG
 ij-in ašakert-k'='n nora i
 спуститься-IPF.3PL ученик-NOM.PL=DEF он.GEN.SG PREP
 sovezi='n ew mt-eal i naw
 берег моря=DEF и войти-PTCP PREP корабль
 gay-in yaunkoys cov-u='n i
 прийти-IPF.3PL другая сторона море-GEN.SG=DEF PREP
 Kap'ainaum ew ibrew nsemac'-aw ew č'ew ews
 Капернаум и когда вечереть-AOR.3SG и еще не опять
ek-eal ēr aī nosa Yisus
 идти-PTCP AUX.PAST.3SG к он.ACC.PL Иисус
 '16: Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю
 17: и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря,
 в Капернаум. Становилось темно, а Иисус **не приходил** к ним'.

В (28) наступления события (прихода Иисуса в лодку к ученикам) ожидают участники ситуации (обратим внимание на соответствующую плюсквамперфекту форму несовершенного вида в русском переводе; в греческом мы, как и в предыдущем случае, встречаем *ὄπιω*). Интересно также отметить, что в контекстах с отсутствием ожидаемого события плюсквамперфект в грабаре соответствует плюсквамперфекту в греческом оригинале, что в целом в нашей выборке является скорее исключением, чем правилом.

Плюсквамперфект в значении **отмененного результата** представлен в примере (29), где нас интересует вторая форма плюсквамперфекта – *ekēal ēin* 'ходили'. Результат присутствия галилеян в Иерусалиме на празднике иудейской Пасхи ('они были пришедшими') был актуален в прошлом, на момент их присутствия в городе, а для текущего повествования он нерелевантен, поскольку те же галилеяне уже находятся в Галилее.

Первая аналитическая конструкция в (29) является, по сути, перфектом с результативным значением, транслированным в план прошедшего. На это указывает и синтаксис: мы видим кратко упоминающуюся в начале статьи конструкцию, схожую с «ленивым пассивом», когда исходное подлежащее понижается (*Galileac 'ik* 'галилеяне' – в данном случае оно в клаузе вообще опущено), а прямое дополнение сохраняет форму аккумулятива (*nšans* 'знаки'); употребление связки в форме единственного числа – еще одна яркая особенность данного диатезного типа в грабаре. Таким образом, буквальный перевод этого фрагмента на русский мог бы быть примерно следующим: 'видевши было все знаки'.

(29) Ин. 4:45

Аул	yoržam	ekn	na	i	Galilea
но	когда	прийти.AOR.3SG	он	PREP	Галилея
ənkāl-an		z=na	Galileac	'i-k'=n	
принять-AOR.3PL	PREP=он	галилеянии-NOM.PL=DEF			
zi	tes-eal	ews	ēr		z=amenayn
что	видеть-PTCP	опять	AUX.PAST.3SG	PREP=каждый	
nšan-s=n		z=or	arar		y=Erusalēm
знак-ACC.PL=DEF	PREP=REL	делать.AOR.3SG	PREP=Иерусалим		
i	tawn-i=n		k'anzi	ew	nok'a
PREP	праздник-GEN.SG=DEF	потому что	и	он.NOM.PL	
ek-eal	ēin	i	tawn-i=n		
идти-PTCP	AUX.IPF.3PL	PREP	праздник-GEN.SG=DEF		

‘Когда пришел Он в Галилею, то Галилеяне приняли Его, **видев** все, что Он сделал в Иерусалиме в праздник, – ибо и они **ходили** на праздник’.

Теперь мы можем перейти к основному **дискурсивному** употреблению плюсквамперфекта в древнеармянском языке. Речь идет о случаях, когда появление данной глагольной формы маркирует отступление от основной линии повествования («out-of-sequence» в терминологии [Givón, 1982], «дигрессия» – в [Плунгян, 2004], «отступление» – в [Сичинава, 2013]; ниже мы будем использовать термин «**дигрессия**»).

Обратимся еще раз к примеру (29). Предикаты, входящие в нарративную цепочку, употреблены в форме аориста (*ekn* ‘Он пришел’, *ənkalan* ‘они приняли’). В начале следующего стиха, Ин. 4:46 (*Ekn darjeal i Kana Galileac ‘woc’*), мы также находим аорист – *ekn* ‘пришел’. А между началом 45 стиха и началом 46 стиха вклинивается, так сказать, авторское отступление, рассказ о прошедших событиях, темпорально с линейным изложением не связанных (*zi teseal ews ēr zamenayn nšansn zor arar yErusalēm i tawnin k'anzi ew nok'a ekeal ēin i tawnin ‘видев* все, что Он сделал в Иерусалиме в праздник, – ибо и они ходили на праздник’). Подобные употребления мы будем называть дигрессией. В рассматриваемом случае крайне характерен еще и тот факт, что стих 46 начинается ровно той же глагольной лексемой, на которой повествование было прервано, рассказчик как бы напоминает нам, на чем он остановился. В Синодальном переводе маркером возвращения к основной линии повествования служит слово *итак*, начало стиха 46 выглядит следующим образом: *Итак, Иисус опять пришел в Кану Галилейскую*. Греческий оригинал в данном случае не столь показателен, поскольку какие-либо специальные дискурсивные маркеры, аналогичные русскому *итак*, в стихе Ин. 4:46 отсутствуют (впрочем, и рассматриваемому здесь

древнеармянскому плюсквамперфекту *teseal ēr* в стихе Ин. 4:45 соответствует просто перфектная причастная форма *ἑωρακότης*.

Рассмотрим еще один пример – суд у Пилата (для экономии места глоссы не приводятся, глагольная форма помечается нижним индексом, предикаты, входящие в нарративную цепочку, подчеркнуты):

(30) Мк. 15:1–8

- 1: Ew vaṽvaṽaki ənd arawotsn; xorhurd arareal_{PTCP} k'ahanayapetic'n handerj cerovk'n ew dprawk'. ew amenayn ateann: Капец'in_{AOR} zYisus . ew taran_{AOR} matnec'in_{AOR} Piṽatosi:
 - 2: Ew harc'_{AOR} zna Piṽatos ew asē_{PRES}; du es t'agaworn hrēic':
Na patasxani et_{AOR} nma ew asē_{PRES}; du ases:
 - 3: Ew č'araxawsēin_{IPF} znmanē yoyž k'ahanayapetk'n; ew na oč' inč' tayr patasxani_{IPF}:
 - 4: Isk Piṽatos darjeal harc'anēr_{IPF} zna; oč' inč' tas patasxani. tes k'ani ambastanen zk'ēn:
 - 5: Ew Yisus aynuhetew oč' inč' et patasxani_{AOR} minč'ew zarmanal_{INF} yoyž Piṽatosi:
 - 6: Bayc' əst toni arjakēr_{IPF} noc'a zmi ok' zkapeal zor ənk'eank' xndrēin_{IPF}:
 - 7: Ew ēr_{IPF} orum anun ēr_{IPF} Barabbas kapeal ənd xrovič'sn oroc' i xroveln ayr mi spaneal_{PTCP} ēr_{PAST}:
 - 8: I jayn barjr sksaw_{AOR} aṽaṽakel_{INF} amboxn ew xndrel_{INF} orpēs sovor ēr_{IPF} zi arjakesc'ē_{CON2} noc'a zBarabbayn:
- ‘1: Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату.
- 2: Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он же сказал ему в ответ: ты говоришь.
- 3: И первосвященники обвиняли Его во многом [и Он ничего не отвечал].
- 4: Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений.
- 5: Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился.
- 6: На всякий же праздник отпускал он им одного узника, о котором просили.
- 7: Тогда был в узак *некто*, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство.
- 8: И народ начал кричать и просить *Пилата* о том, что он всегда делал для них’.

Как и в предыдущем примере, основная линия повествования представлена, главным образом, предикатами в аористе, хотя в стихе 3 мы имеем дело со сравнительно редким лимитативным употреблением

имперфекта (который обозначает длительный процесс, вписанный в основную линию повествования). В стихе 6 имперфект выступает в своей также не очень частотной, но надежно фиксируемой для грабара функции, передавая значение хабигуалиса в прошедшем. Остается стих 7, в котором, собственно, мы и видим интересующую нас форму (бытийный глагол в имперфекте (*ēr*) в начале стиха вполне объясним дуративным значением). Дословный перевод фрагмента с плюсквамперфектом на русский здесь таков: ‘которыми (сообщниками Вараввы) во время беспорядков один человек **БЫЛ УБИТ**’, т.е. семантика формы здесь вновь результативная, а с дискурсивной точки зрения плюсквамперфект маркирует дигрессию.

Следующий пример является, пожалуй, самой яркой иллюстрацией плюсквамперфекта, оформляющего дигрессию:

(31) Мк. 5:22–28

22: Ew aha mi i žoľovrdapetačⁿ gayr_{IPF} orum anun ēr_{IPF} Yayros; ibrew etes_{AOR} zna. ankaw_{AOR} ar ots nora;

23: aľac^č ēr_{IPF} zna yoyž ew asēr_{IPF}; t^čē dustr nora merj i mah ē. zi ekeal_{PTCP} dnic^č ē_{CON1} nma jeřn orpēs zi apresčⁱ_{CON2} ew kec^č ē_{CON2}:

24: Ew gnac^č_{AOR} and nma; crt^č ayr_{IPF} ew žoľovurd bazum zhet nora. ew neľčēn_{IPF} zna:

25: Ew kin mi ēr_{IPF} i teřatesut^č ean arean zerkotasān am;

26: ew yoyž vřtač^č ēal_{PTCP} i bazum bžřkac^č. ew caxēal_{PTCP} zinč^č s iwr zamenayn ew č^č ēr_{PAST} inč^č awgteal_{PTCP} ayľ ew s ařawel zayrac^č ēal_{PTCP}:

27: Ibrew luaw_{AOR} zYisusē, ekn_{AOR} i mēj amboxin yetoy ew buřn ehar_{AOR} zhanderjē nora,

28: k^č anzi xorhēr_{IPF} i mti t^čē miayn merjec^č ayč^č_{CON2} i handerjs nora p^č rkeč^č ayč^č_{CON2}:

‘22: И вот, приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, падает к ногам Его

23: и усиленно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива.

24: Иисус пошел с ним. За Ним следовало множество народа, и теснили Его.

25: Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет,

26: много потерпела от многих врачей, истощила всё, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние,

27: услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его,

28: ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею’.

Как видно, плюсквамперфект оформляет весь фрагмент, описывающий попытки женщины вылечиться и являющийся отступлением от основной линии, – и только его; остальное повествование ведется в аористе и имперфекте.

Обращаем внимание читателя на тот факт, что в примерах (29)–(31) были рассмотрены **дискурсивные** функции плюсквамперфекта в грабаре; если говорить о собственно семантике форм, то мы имеем дело с результативным употреблением в (29), таксисным – в (30) и эксперициальным – в (31).

Наконец, для полноты, так сказать, дискурсивной картины отметим, что в текстах древнеармянских Евангелий нам не встретилось ни одного примера употребления плюсквамперфекта в интродуктивной функции, когда данная глагольная форма маркирует самое начало нарратива; в современном восточноармянском подобное употребление, напротив, имеет место (см. [Сичинава, 2013, с. 118]).

Под конец нашего обзора остановимся еще на одном классе употреблений плюсквамперфекта. В случаях, когда предложение описывает некоторую неэлементарную ситуацию, внутри которой наиболее позднее на оси времени событие маркируется плюсквамперфектом, мы будем говорить об употреблении этой формы для обозначения **верхней границы** ситуации¹⁰. Аналогичные случаи засвидетельствованы для немецкого языка (см., например, [Egroms, 1983; Weinrich, 1993]). Особенно стоит подчеркнуть наличие в данных контекстах союза со значением «еще не / пока не» и в древнеармянском (*minč'č'ew*), и в немецком (*bis*).

Таким образом устроен пример (7) выше: в контексте 'Прежде нежели позвал тебя Филипп, <...> Я видел тебя' первый на оси времени предикат оформлен аористом (*tesī* 'я видел'), а следующий за ним – плюсквамперфектом (*ēr koč'ec'eal* 'он позвал'):

(32) = (7) Ин. 1:48

<i>minč'č'ew</i>	<i>ēr</i>	<i>P'ilippos-i</i>	<i>koč'ec'eal</i>
пока не	AUX.PAST.3SG	Филипп-GEN.SG	называть-PTCP
<i>z=k'ez</i>	<i>zi ēir</i>	<i>i nerk'oy</i>	<i>t'zenw-oy=n</i>
PREP=ТЫ.ACC	что	быть.IPF.2SG	под
<i>tes-i</i>	<i>z=k'ez</i>		смоковница-GEN.SG=DEF
видеть-AOR.1SG	PREP=ТЫ.ACC		
'Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя'.			

¹⁰ Как видно, подобного рода употребления бросают серьезный вызов идее о главенствующей роли таксиса для категории плюсквамперфекта.

Ср. также:

(33) Ин. 4:31

Еw	minč'č'ew	ek-eal	ēin	nok'a
и	пока не	идти-PTCP	AUX.PAST.3PL	они
ałač'-ēin		z=na	ašakert-k'=n	ew
просить-IPF.3PL	PREP=ОН.ACC	ученик-PL=DEF	и	
as-ēin		řabbi, hac'	ker	
говорить-IPF.3PL	равви	хлеб	есть.IMP.2SG	
'Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь'.				

В греческом оригинале (как, впрочем, и в Синодальном переводе) клауза, соответствующая оформленной плюсквамперфектом в грабаре, отсутствует. Буквальным переводом (33) является: 'И пока они [самаряне, которых позвала женщина] не **пришли**, ученики просили Его и говорили: Равви! ешь'.

Н.А. Козинцева кратко рассматривает подобного рода контексты; собственно, им посвящен ровно один абзац, приведем его здесь целиком: «Плюсквамперфект употребляется во временном придаточном, вводимом союзом *minč' č'ew* 'прежде чем'. В этом случае плюсквамперфект употребляется для выражения действия, которое происходит после действия в главном. Одно из объяснений употребления плюсквамперфекта может состоять в том, что в придаточном предложении выбирается форма, связанная с передачей фоновых действий. С другой стороны, обратим внимание на то, что действие, передаваемое в придаточном, еще не состоялось, оно является гипотетическим с точки зрения субъекта действия. Возможно, что плюсквамперфект выступает здесь в специальной модальной функции, аналогичной той, когда он употребляется в придаточном условном для передачи нереального действия. Временные отношения между действиями в данном случае передаются предлогом (надо думать, имелось в виду "передаются союзом". – К.С.)» [Козинцева, 1998, с. 211]. В качестве иллюстрации Н.А. Козинцева приводит следующий пример: *Minč' č'ew yandlman eal* ^{PTCP} *ēin* ^{AUX.3PL} *mimeanc'*, *zgišer mi ognakan gteal* ^{PTCP} *nora, p'axstēay ankanēr* ^{IPF.3PL} *yamurs iwroy ašxarhin* «Прежде чем они **встретились бы**, Васак призвал себе в помощь ночь и сбежал из крепости в свою страну». Объяснение, апеллирующее к «фоновости» события, выражаемого предикатом в форме плюсквамперфекта, не представляется полностью убедительным: как минимум, наш пример (32) его опровергает; рассуждения о модальной функции плюсквамперфекта интуитивно кажутся более близкими к сути явления.

Ссылаясь на процитированное выше место в статье Н.А. Козинцевой, Д.В. Сичинава пишет: «К данной семантической зоне (аннулированного результата. – К.С.) примыкает значение действия, намеченного, но ‘еще не’ (not-yet) осуществленного в момент точки отсчета (в перспективе оно достигнуто или должно быть достигнуто). Семантика неначавшегося действия <...> выражается плюсквамперфектом в <...> древнеармянском (грабаре)» [Сичинава, 2013, с. 30]. Однако данное утверждение также представляется нам спорным. Конечно, можно было бы считать, что в примере (32) по отношению к точке отсчета (‘Иисус увидел Нафанаила’) ситуация, оформленная плюсквамперфектом (‘Филипп позвал Нафанаила’), еще не наступила, однако ее характеристика как «намеченной, но еще не осуществленной» не соответствует реальной семантике (32). Действительно, в момент ‘увидел’ ситуация ‘позвал’, во-первых, никем не планировалась, а во-вторых, о том, что она произошла позже, достоверно известно: ведь вся реплика в (32) является прямой речью Иисуса, обращенной к Нафанаилу (который был позван и пришел). Аналогичный разбор можно провести и для примера (33). Таким образом, сближение контекстов с выражением «верхней границы» и контекстов намеченного (но еще не осуществленного) действия представляется нам некоторой натяжкой.

Можно было бы предложить иное обоснование, показывающее, что использование плюсквамперфекта для указания «верхней границы» вполне вписывается в более широкий контекст условий, вызывающих употребление именно этой глагольной формы. При этом так же, как это сделано в [Сичинава, 2013], можно опираться на сходство со значениями из антирезультативной зоны – но не со значениями аннулированного результата, а со значениями отсутствия ожидаемой ситуации (ср. (27)–(28) выше). Нетрудно заметить, что контексты этих двух классов могут быть получены один из другого путем несложной перестановки. Так, если перефразировать (27) как *Minč'č'ew arkeal ēr zYovhannēs i bant, mkrtēr na i yAenovn* ‘Пока Иоанн не **был заключен** в темницу, он крестил в Еноне’, то мы получаем ситуацию, структурно аналогичную представленной в (33). Переход в обратном направлении можно проиллюстрировать так: *Nat'anayēl ēir i nerk'oy t'zenwoyn, zi č'ew ewš ēr P'ilipposi koč'ec'eal zna* ‘Нафанаил находился под смоковницей, ибо Филипп **еще не позвал** его’.

Другое допустимое объяснение можно получить, если ввести в описание рассматриваемых контекстов позицию наблюдателя – на оси времени предшествующую моменту речи, но следующую за событием, оформленным плюсквамперфектом. Схематично это изображено на рисунке 1.

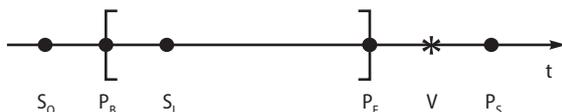

Рис. 1

Здесь P_S обозначает момент речи (point of speech), P_B и P_E – это, соответственно, точки начала (beginning point) и конца (ending point) отрезка, который завершается при наступлении события, выраженного плюсквамперфектом; точкой S_0 обозначена ситуация, предшествующая отрезку $[P_B-P_E]$ и находящаяся за его пределами (situation out), точкой S_1 – ситуация, попадающая внутрь отрезка $[P_B-P_E]$ (situation in); подобных точек может не быть вовсе, а может быть и несколько; наконец, точка V (viewer) – это позиция вводимого наблюдателя. Для наглядности приведем соответствия на примере контекста (32):

P_B – ‘Нафанаил сел под смоковницу’ (что служит началом ситуации ‘Нафанаил сидит под смоковницей’)

S_1 – ‘Иисус увидел Нафанаила’

P_E – ‘Филипп позвал Нафанаила’ (подразумевается, что после этого Нафанаил ушел из-под смоковницы, и таким образом ситуация ‘Нафанаил сидит под смоковницей’ завершилась)

P_S – ‘Иисус рассказывает все произошедшее Нафанаилу’ (контекст (32), напомним, является прямой речью).

При таком подходе употребление плюсквамперфекта ближе всего к – как это ни парадоксально – «простому» таксисному предшествованию: имеется момент речи, которому предшествует точка, в которой находится наблюдатель, которой, в свою очередь, предшествует событие, оформляемое плюсквамперфектом; все то, что на оси времени расположено левее точки P_E , оказывается нерелевантным. Разумеется, существенным минусом подобного анализа является необходимость постулирования дополнительной позиции наблюдателя, средствами языка никак не выраженной.

Ни одно из приведенных выше рассуждений, по нашему мнению, не дает удовлетворительного объяснения причинам, по которым в (32)–(33) используется именно форма плюсквамперфекта. Но некоторые отмеченные пересечения класса контекстов с «верхней границей» с остальными семантическими классами, типологически надежно засвидетельствованными для данной глагольной категории (параллели с модально обусловленными употреблениями; структурная близость с контекстами со значением отсутствия ожидаемой ситуации) в совокупности делают появление форм плюсквамперфекта в (32)–(33),

пожалуй, чуть менее неожиданным. Очевидно только одно – устройство контекстов с *minč'č'ew* ‘еще не / пока не’ требует дальнейшего исследования. Здесь, в качестве финального штриха, важно отметить, что если взять все вхождения данного союза в Библии¹¹, то видно, что в 100 случаях из 101 он функционирует в контекстах с причастием на *-eal*, что указывает на то, что, возможно, результитивная семантика играет важную роль в толковании рассматриваемых ситуаций с «верхней границей».

3. Выводы

Заметная часть употреблений форм плюсквамперфекта в древнеармянском языке представляет собой «перфект в прошлом» – это результитивные, стативные и экспериенциальные контексты. Помимо этого, плюсквамперфект может выражать таксисное предшествование, ирреальные значения (гипотетического/контрфактического условия и гипотетического/контрфактического следствия), кластер значений, которые можно отнести к антирезультативной зоне (отсутствие события/состояния, отмененный результат) и подробно обсужденное в самом конце обзора значение «верхней границы». Если же говорить о функционировании плюсквамперфекта в габаре с позиции дискурса, то данная глагольная форма оформляет авторское отступление от основной линии повествования – подобные случаи мы называем дигрессией.

Основная информация о классах употреблений форм плюсквамперфекта отражена в табл. 1. Контексты с дигрессией (10,5% от общего числа вхождений) выделены в отдельный столбец.

¹¹ Тексты Ветхого и Нового Заветов доступны на сайте проекта “Classical Armenian – English Concordance” под руководством Т. Самуэляна (http://212.34.228.170/bible_28E/index.htm).

**Семантика употреблений форм плюсквамперфекта
в древнеармянском языке
[Semantics of Pluperfect uses in Classical Armenian]**

Семантический класс [Semantic class]	Доля [Rate], %	Место в Евангелии [Verse]	Контексты с дигрессией [Contexts with digression]
Результатив [Resultative]	47,9	Мф. 7:25, 12:10, 14:24 (11)*, 22:11, 27:44; Мк. 1:6 (1), 1:33 (2), 3:1, 3:3, 6:52, 8:1, 9:6, 14:40, 14:44, 15:26, 15:32, 15:41, 15:46 (8), 16:4 (9), 16:8; Лк. 1:7, 2:21, 2:26, 4:29, 5:17, 6:6, 6:8, 6:48, 8:2, 8:27, 8:30, 9:45, 9:53, 13:11, 15:24, 15:32, 18:34 (10), 23:38, 23:53, 24:16; Ин. 13:5, 19:32	Мк. 16:9; Лк. 22:47; Ин. 4:8, 4:45 (29), 11:19, 11:45, 11:57, 12:12, 12:37, 18:2
Статив [Stative]	16,1	Мф. 4:24, 9:10, 26:57; Мк. 1:13, 1:16, 2:15, 6:19, 6:51 (14), 7:25, 10:24, 10:32, 11:18, 16:10, 16:14; Лк. 1:36 (6), 2:33, 5:29, 8:27, 8:43, 10:40 (12), 11:22, 13:19 (13), 23:49, 23:51, 24:41; Ин. 5:35 (15), 18:20, 20:19	Лк. 8:29
Предшествование [Precedence in the past]	13	Мф. 9:10, 25:22, 25:24; Мк. 3:22, 7:1; Лк. 1:3, 2:21, 8:2, 8:35, 8:38, 19:15 (19), 23:25 (20), 23:48, 23:55; Ин. 13:2 (21), 19:17 (18), 19:33	Мк. 15:7 (30)
Гипотетическое/контрфактическое условие [Hypothetical/Counterfactual condition]	10	Мф. 11:21, 11:23 (25), 26:24; Мк. 9:42, 13:20 (22), 14:21; Лк. 10:13 (24); Ин. 11:21 (3, 23), 15:22, 15:24, 19:11	

Окончание табл. 1

Семантический класс [Semantic class]	Доля [Rate], %	Место в Евангелии [Verse]	Контексты с дигрессией [Contexts with digression]
Отсутствие события/ состояния [‘Not-yet’ contexts]	5,6	Ин. 3:24 (27), 6:17 (28), 7:5, 7:30 (4), 8:20 (5), 11:30	Ин. 6:22
Гипотетическое/ контрфактическое следствие [Hypothetical/ Counterfactual consequence]	3,7	Мф. 11:21; Лк. 10:13 (24); Ин. 11:21 (23), 14:2, 14:28	
Верхняя граница [Upper limit]	1,5	Ин. 1:48 (7, 32), 4:31 (33)	
Экспериментив [Experientive]	1,5	Ин. 4:39 (17)	Мк. 5:26 (31)
Отмененный результат [Cancelled result]	0,7	Ин. 4:45 (29)	

* В скобках после места в Евангелии указывается и выделен полужирным номер примера в данной статье, если соответствующий стих нами цитировался [In parentheses after a place in the Gospel, the number of the example in this article is indicated and bold, if we quoted the corresponding verse].

Библиографический список / References

Дундуа, 2015 – Дундуа Д.Д. Имперфект и причастие в древнеармянском языке: Дипломная работа бакалавра. Кафедра теоретической и прикладной лингвистики, МГУ, 2015. [Dundua D.D. Imperfekt i prichastie v drevnearmyanskom yazyke [Imperfect and participle in Classical Armenian]. BA Thesis, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 2015. (In Russ.)]

Козинцева, 1998 – Козинцева Н.А. Плюсквамперфект в армянском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Под ред. М.Ю. Чертковой. М., 1998. С. 207–219. [Kozintseva N.A. Plyuskvamperfekt v armyanskom yazyke [Pluperfect in Classical Armenian]. *Typology of grammatical aspect: Problems and solutions*. M.Yu. Chertkova (ed.). Moscow, 1998. Pp. 207–219. (In Russ.)]

Недялков, Яхонтов, 1983 – Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект) / Под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983. С. 5–40. [Nedyalkov V.P., Yakhontov S.E. Typology of Resultative Constructions. *Typology*

of Resultative Constructions (Resultative, Stative, Passive, Perfect). V.P. Nedyalkov (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 5–40. (In Russ.)]

Плунгян, 2001 – Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики / Под ред. В.А. Плунгяна. Вып. 1. М., 2001. С. 50–88. [Plungian V.A. Anti-resultative: Before and after Result. *Studies in the Theory of Grammar*. V.A. Plungian (ed.). Issue 1. Verbal Categories. Moscow, 2001. Pp. 50–88. (In Russ.)]

Плунгян, 2004 – Плунгян В.А. О контрфактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики / Под ред. Ю.А. Ландера, В.А. Плунгяна, А.Ю. Урманчиевой. Вып. 3. М., 2004. С. 273–291. [Plungian V.A. Counterfactual Uses of Pluperfect. *Studies in the Theory of Grammar*. Yu.A. Lander, V.A. Plungian, A.Yu. Urmanchieva (eds.). Issue 3. Irrealis nad Irreality. Moscow, 2004. Pp. 273–291. (In Russ.)]

Семёнова, 2014 – Семёнова Кс.П. Механизмы фокусного маркирования в современном восточноармянском языке // *Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л.Г. Герценберга*. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 1). СПб., 2014. С. 838–853. [Semionova X. Focus Marking Strategies in Modern Eastern Armenian. *Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Studies in memoriam Leonhard G. Herzenberg*. N.N. Kazanskii (ed.). (Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. X. Part 1). St. Petersburg, 2014. Pp. 838–853. (In Russ.)]

Семёнова, 2016 – Семёнова Кс.П. Семантика форм перфекта в древнеармянских Евангелиях // Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта / Под ред. Т.А. Майсака, В.А. Плунгяна, Кс.П. Семёновой. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 12. Ч. 2. СПб., 2016. С. 289–314. [Semionova X. The Semantics of Perfect Forms in Classical Armenian Gospels. *Studies in the Theory of Grammar*. T.A. Maisak, V.A. Plungian, X.P. Semionova (eds.). Issue 7. Perfect Cross-linguistically. (Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. XII. Part 2). St. Petersburg, 2016. Pp. 289–314. (In Russ.)]

Сичинава, 2013 – Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. [Sichinava D.V. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt [Typology of Perfetc. Slavic Perfect]. Moscow, 2013. (In Russ.)]

Benveniste, 1952 – Benveniste É. La construction passive du parfait transitif. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1952. No. 48 (1). Pp. 52–62.

Comrie, 1985 – Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.

Eroms, 1983 – Eroms H.-W. Relativer und absoluter Gebrauch des Plusquamperfekts im Deutschen. *Festschrift für Laurits Saltveit zum 70. Geburtstag*. J. Ole Askedal et al. (eds.). Oslo, 1983. S. 58–71.

Givón, 1982 – Givón T. Tense-Aspect-Modality: The Creole prototype and beyond. Tense-Aspect: Between semantics and pragmatics. Hopper J. (ed.). Amsterdam, 1982. Pp. 115–163.

Jungmann, Weitenberg, 1993 – Jungmann P., Weitenberg J.J.S. A reverse analytical dictionary of Classical Armenian. Berlin, New York, 1993.

Kölligan, 2013 – Kölligan D. Genitive subjects in Classical Armenian. *The Diachronic typology of non-canonical subjects*. I.A. Serzant, L. Kulikov (eds.). Amsterdam, 2013. Pp. 73–89.

Lyonnet, 1933 – Lyonnet S. Le parfait en arménien classique, principalement dans la traduction des Evangiles et chez Eznik. Paris, 1933.

Meillet, 1962 – Meillet A. Études de linguistique et de philologie arméniennes. I. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien, suivies de la composition en arménien. Lisboa, 1962.

Ouzounian, 2002 – Ouzounian A. Le parfait en arménien classique. *Revue des études arméniennes*, 28. Paris, 2002. Pp. 13–27.

Ouzounian, 2007 – Ouzounian A. Le parfait en arménien classique: Notes à propos de *lsem* 'entendre'. *Revue des études arméniennes*, 30. Paris, 2007. Pp. 15–30.

Weinrich, 1993 – Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1993.

Статья поступила в редакцию 10.08.2019

The article was received on 10.08.2019

Об авторе / About the author

Семёнова Ксения Павловна – инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Xenia Semionova – data engineer assistant at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: k.semion@philol.msu.ru

И.В. Тресорукова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира

В статье на материале новогреческого языка рассматриваются фразеологические единицы с компонентом-библионимом, которые ведут свое происхождение из эллинистической эпохи и представляют собой особую категорию, будучи продуктом прямого цитирования текстов Священного Писания или используясь в переосмысленном значении. Значительное количество фразеологических единиц содержат имена собственные, которые представляют собой или прямое цитирование, или метафорическое использование имен собственных из библейских текстов и апокрифов. Анализ и предлагаемая семантическая классификация фразеологических единиц с компонентом-библионимом позволяет прийти к выводам о том, что фразеологические единицы с библионимом – именем собственным, являясь прямым заимствованием или переосмыслением Священного Писания, содержат в себе элементы нарративности и дидактики, выражая в той или иной степени эмоциональную оценку окружающей действительности, событий и широкого круга явлений и предметов.

Ключевые слова: греческая фразеология, библионимы, Священное Писание, семантика фразеологизмов, фразеологическая картина мира

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Тресорукова И.В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 101–114.
DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-101-114

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-101-114

I. Tresorukova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Biblionyms in the Greek phraseological picture of the world

The article deals with Modern Greek phraseological units (PUs) containing biblionyms, which originate in the Hellenistic era and represent a special category, being the product of direct quoting of the texts of the Holy Scripture or being used with a reinterpreted meaning. The article presents the philological analysis and semantic classification of PUs with biblionyms, which leads to the conclusion that PUs with biblionyms contain elements of narrativeness and didactics, expressing the positive or negative emotional evaluation of reality, including people, events and a wide range of objects.

Key words: Greek language, Phraseology, Bible, phraseological world's picture

FOR CITATION: Tresorukova I. Biblionyms in the Greek phraseological picture of the world. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 101–114. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-101-114

Введение

В современном греческом языке сохранилось большое количество фразеологических единиц (ФЕ), которые ведут свое происхождение из эллинистической эпохи и составляют особую категорию, т.к. не являются продуктом устной традиции [Ανδριώτης, 1957, σ. 4]. Главным образом, это ФЕ из Ветхого и Нового Завета, которые практически в «застывшем» виде сохранились и, будучи прямым цитированием или используя в переосмысленном значении, продолжают функционировать в современном языке. Значительное количество ФЕ содержат имена собственные (ИС), которые представляют собой или прямое цитирование имен, или метафорическое использование ИС из библейских текстов и апокрифов, анализ которых является предметом исследования в данной статье.

Как известно, в ономастических ФЕ «находят свое отражение этнопсихологические особенности носителя языка, чем и обусловлен отбор имен собственных в процессе образования ФЕ» [Колодочкина, 2004, с. 168]. Основными источниками при этом являются как интернациональный культурный фонд (куда включаются такие источники, как античная история, мифология, библейские сюжеты), так и национальный культурный фон (источниками являются национальная история, литература, искусство и фольклор).

Различные исследователи библеизмов во фразеологии [Гак, 1997, с. 55–59; Реунова, 2011, с. 40–44] предлагают следующую классификацию ФЕ, выделяя типы библеистических фразеологизмов (БФ): цитатные и ситуативные; первичные и вторичные; непосредственные и опосредованные; прямые и переосмысленные.

Одним из компонентов БФ являются библионимы, иначе говоря, ИС различных персонажей и топонимы Ветхого и Нового Завета, которые, будучи как цитируемыми, так и переосмысленными, заняли свое прочное место в греческой языковой картине мира.

В связи с малой изученностью библеизмов на материале новогреческого языка в данной работе рассмотрены ФЕ с ИС-библионимами и предложен опыт классификации на основе их происхождения, а также проанализированы структура и семантические группы, которые они образуют.

Фразеологические единицы с компонентом-библионимом в греческом языке

На основе проведенного анализа корпусов текстов новогреческого языка [ΕΘΕΓ; eTenTen] и сборников фразеологизмов [Παπαζαφείρη, 1995; Λουλάσης, 2003; Μιχαλόπουλος, Κιούρτση-Μιχαλοπούλου, 2004] нами было вычленено 18 ИС-библионимов и 43 ФЕ, содержащих ИС-библионимы и представляющих собой различные пласты цитирования или переосмысления библейских текстов. В результате проведенного анализа и на основе вышеприведенной классификации БФ выявленные ИС и ФЕ были распределены по следующим типам: собственно библионимы, цитатные БФ, опосредованные БФ, переосмысленные БФ. Рассмотрим их последовательно.

Первый тип включает **собственно библионимы**, которые представляют собой антропонимы и топонимы, заимствованные из текстов Библии и переосмысленные в новогреческом языке. В результате анализа нами были выявлены 12 ИС, представляющих собой имена различных библейских персонажей и использующихся в переосмысленном варианте: ср., напр., *Ιούδας* ‘Иуда’ т.е. ‘предатель’, *Σολομών* ‘Соломон’

т.е. ‘мудрец’, *Μαγδαλινή* ‘Магдалина’ т.е. ‘женщина, которая, отличаясь нескромным поведением, на публике или в старости притворяется невинной’, *Νόε* ‘Ной’, *Πόντιος Πιλάτος* ‘Понтий Пилат’ и пр.). Примечательно, что имена таких отрицательных персонажей, как, например, *Ηρώδης* ‘Ирод’, могут употребляться в разговорном языке иронично, с очевидным модусным смыслом, приобретая таким образом положительные черты: ср., напр., когда дети не слушаются родителей или сильно шумят, взрослые зачастую говорят *Άγιε μου Ηρώδη, πού είσαι*, ‘святой Ирод, где же ты?’, тем самым обращаясь к Ироду как к мнимому святому, который якобы может помочь в сложившейся ситуации.

Следует отметить, что ИС могут приобретать черты апеллятивности, о чем свидетельствуют их всевозможные парадигматические свойства [Бушуй, 2005, с. 17], такие, как наличие или отсутствие определенного артикля, наличие неопределенного артикля, который выступает в классифицирующем значении, что придает ИС обобщенный характер, а также возможность их употребления в форме множественного числа: ср., напр., заголовок статьи «*Πόντιοι Πιλάτοι*» *ΝΑ και Ποτάμι για την προστασία των μνημείων του πολιτισμού* ‘«Понтии Пилаты» Новая Демократия и Потоми (греческие политические партии – И.Т.) о защите памятников культуры’, где библейский Понтий Пилат предстает в форме множественного числа. ИС в этой категории являются узуальными и в метафорическом значении используются в свободных словосочетаниях, ср., напр., *Ποιος είναι ο Ιούδας Πολιτικός Αρχηγός που θέλει να τουμπάρει το ΓεΣΥ*; ‘Кто же тот политический лидер Иуда, который хочет перевернуть всю Национальную систему здравоохранения?’. Исключение в этом случае представляют 4 окказиональные ФЕ, в которых библионимы связаны между собой в свете того или иного библейского сюжета и представляют собой двучленную структуру: ср., напр., *από τον Άννα στον Καϊάφα* ‘от Анны к Каиафе’, т.е. ‘затяжные, мучительные поиски ответственного в попытке разрешить некую проблему’, *Βρήκε ο Φίλιππος τον Ναθαναήλ* ‘нашел Филипп Нафанаила’, ср. рус. ‘Рыбак рыбака видит издалека’, *Δαβίδ και Γολιάθ* ‘Давид и Голиаф’, т.е. ‘слабый и незначительный человек побеждает сильного и известного врага’.

К этой категории относятся также различные топонимы библейского происхождения: это 9 ИС-библионимов, представляющих собой различные топонимы, встречающиеся в библейских текстах, такие, как *Ιερουσαλήμ* ‘Иерусалим’, *Γολγοθάς* ‘Голгофа’, *Ιουδαία* ‘Иудея’, *γης Μεδιάμ* ‘Земля Мадиян’, *Εδέμ* ‘Эдем’, *Θαβόρ* ‘Фавор’, *Σόδομα και Γόμορρα* ‘Содома и Гоморра’, *Κρανίου τόπος* ‘Лобное место’ и пр. Практически все эти топонимы являются окказионализмами, по большей части употребляющимися в составе ФЕ, и закрепились в языке в строго

определенном значении: так, *Εδέμ* употребляется только в устойчивом выражении *κήπος της Εδέμ* ‘Эдемский сад’, обозначая райское место, полное всяческих благ (*Οι διακοπές είναι κήπος της Εδέμ χωρίς ρολόγια* ‘Каникулы – это райский сад без часов’), *γης Μαδιάμ* и *Κρανίου τόπος* метафорически обозначают подвергшееся сильным разрушениям место, где не осталось ничего живого, а топоним *Σόδομα και Γόμορρα* ‘Содом и Гоморра’ полностью утратил свое географическое значение и употребляется в значении ‘неразбериха, сумятица, суматоха’: ср., напр., *Επίπεδο ε; Ξέρετε τι είδους είναι αυτό το επίπεδο. Είναι σαν εκείνους που στα παράθυρα μιλάνε για σχολεία που γίνονται σόδομα και γόμορα, που οι μαθητές πηδούνται στις τουαλέτες και στα διαλλείματα σιφάρουν και λίγη κόκα* ‘Уровень? Тебе прекрасно известно, какого уровня все это. Это все напоминает болтунов в телевизоре, которые рассказывают про школы, где творится **Бог знает что** (досл. Содом и Гоморра), ученики сношаются в туалетах, а на переменах и кокаин нюхают’.

Интересным представляется топоним *Βαβυλωνία* ‘Вавилония’, который встречается как во ФЕ *γίνεται Βαβυλωνία* ‘здесь происходит Вавилония’, т.е. шум, сумятица, неразбериха, ср. рус. *Вавилонское столпотворение*, так и в свободных словосочетаниях. История, связанная с Вавилонской башней, изложена в Библии (Быт. 11: 4), когда после потопа люди попытались построить Вавилон и соорудить башню до небес. Как отмечается в словаре «Русская фразеология», «при единстве источника и исходного образа фразеологизмы о Вавилонском столпотворении заметно различаются в европейских языках семантически» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, с. 669]. В греческом языке этот топоним появляется в XIX в. в комедии Д. Византиоса «Вавилония» (*Βαβυλωνία*), где высмеиваются диалектные особенности носителей греческого языка из разных регионов Греции, что приводит к недопониманию и неразберихе, и это значение сохранилось и по сей день, ср., напр., *Γίναμε Βαβυλωνία, άλλα λες εσύ με μένα Όλα είναι μπερδεμένα, γίνεται χαμός. Γίναμε Βαβυλωνία, σε ποια γλώσσα να μιλήσω Να μπορέσω να εξηγήσω πως δε θέλω να σ’ αφήσω; ‘Мы превратились в Вавилонское столпотворение, ты мне говоришь совсем другое, все перепуталось, неразбериха. Мы превратились в Вавилонское столпотворение, на каком языке мне говорить, чтобы я смог тебе объяснить, что я не желаю тебя покинуть?’*

Реже употребляется более близкое к тексту Библии устойчивое выражение *πύργος Βαβέλ* ‘Вавилонская башня’, при этом не встречающееся в таком виде в библейских текстах.

Второй тип ФЕ включает в себя **цитатные БФ**, которые связаны с соотношением ФЕ и текста Библии. К этому типу относятся 9 ФЕ, такие, как *τα Καίσαρος Καίσαρι* (в первоначальном варианте Ματθ, ΚΒ’21

и пр.) ‘Кесарево Кесарю’ (ср. рус. *Κεσαριου κεσαρεво*), т.е. каждому свое, *βρήκε ο Φίλιππος τον Ναθαναήλ* (в первоначальном варианте *Ιωαν. Α'46*) ‘Нашел Филипп Нафанаила’, ср. рус. *Рыбак рыбака видит издалека, και Σαούλ εν προφήταις*; ‘И Саул среди пророков?’, ср. рус. *Не суйся в волки, коли хвост телки, Αβραάμ ευέννησε τον Ισαάκ* (Ματθ. Α'2) ‘Авраам родил Исаака’, т.е. ‘это долгая история’ и пр.

Сюда относится также ФЕ *Ησαΐα χόρευε* ‘Исайя, ликуй’ из Последования венчания, которая употребляется для обозначения брачной церемонии, а также стала обозначать в современном языке праздник с песнями, танцами и обильным угощением, войдя в ряд поговорок типа *Ησαΐα χόρευε και όσο θέλεις πήδα* ‘Исайя, ликуй, и сколько хочешь прыгай’ или *Ησαΐα χόρευε και παρθένοι χαίρετε* ‘Исайя, ликуй, и, девы, радуйтесь’.

Третий тип ФЕ включает в себя **опосредованные БФ**, которые представляют собой заимствования из другого языка или творчества отдельных авторов или являются интерпретацией различных библейских сюжетов. Сюда относятся 12 ФЕ с ИС-библионимами, которые обязаны своим происхождением тексту Библии, но не являются прямым цитированием текста, ср., напр. *από τον καιρό του Νώε* ‘с времени Ноя’ т.е. ‘с незапамятных времен’, *κατακλυσμός του Νώε* ‘потоп Ноя’ т.е. ‘сильный проливной дождь, гроза’, *κιβωτός του Νώε* ‘Ноев ковчег’ т.е. ‘место, где сохраняется духовная традиция’, *στην εξορία του Αδάμ* ‘в изгнание Адама’, т.е. ‘очень далеко, откуда нет возвращения’, ср. рус. *Куда Макар телят не гонял* или рус. *к черту на кулички, Ιώβεια υπομονή* ‘терпение Иова’, т.е. ‘достойное удивления терпение’, *Σολομώντειος δικαιοσύνη* ‘соломоново правосудие’, *Σολομώντειος λύση* ‘соломоново решение’, *άπιστος Θωμάς* ‘неверующий Фома’, *αδαμαία περιβολή* ‘Адамово облачение’ ср. рус. *в костюме Адама, αβραμιαία φιλοξενία* ‘авраамово гостеприимство’, т.е. ‘щедрое гостеприимство’ и пр.

К этому типу относится и 2 речевые формулы (РФ) *Ιησούς Χριστός νικά και όλα τα κακά σκορπά* ‘Иисус Христос побеждает и все беды рассеивает’, которая обычно используется в народном заговоре для снятия сглаза или (только первая ее часть) при выражении сильного удивления от какого-либо события, явления или предмета, и *είδα τον Χριστό φαντάρο* ‘я видел Христа новобранцем’, которая означает ‘я видел нечто небывалое, неслыханное’.

К четвертому типу относятся **переосмысленные БФ**. К данной категории мы относим 18 переосмысленных БФ, содержащих имена святых и подвижников Церкви, которые не упоминаются напрямую в Библии, но связаны с православной христианской традицией: ср., напр., *κάνω την Όσια Μαρία* ‘делать Святую Марию’ т.е. ‘притворяться невинным’, *σαν τον Αι Σπυρίδωνα* <*Άγιο Ονούφριο*> ‘подобно Святому Спиридону

<святому Онуфрию>, т.е. '<быть> святым, невинным, непорочным'. Имена святых, как правило, употребляются в метафорическом значении в составе речевых формул (РФ) или паремий, тем самым формируя пласт переосмысленных БФ: ср., напр., речевые формулы (РФ), содержащие ИС: *Πού αράζουν οι κουτσοί*; – *Στην Αγία Παρασκευή* 'Куда стекаются косоглазые? – К святой Параскеве' или *κουτσοί στραβοί στον Άγιο Παντελέημονα* 'хромые косоглазые к святому Пантелеймону', происхождение которых связано со случаями исцеления у чудотворных икон этих святых, в связи с чем в сознании народа закрепилось осознание того, что эти святые могут оказать помощь. В результате в языке появились РФ, используемые для ироничного обозначения всех тех, кто настойчиво, навязчиво и беспрестанно ищет помощи у тех, кто помог им хотя бы один раз.

К этому типу также относятся ФЕ из маргинальных подъязыков, таких, как армейский, молодежный жаргон и жаргонизмы из среды госслужащих. Так, например, в языке учащейся молодежи встречается ФЕ *Άγιος Πατάκιος* 'святой Патакий', являющаяся контаминацией имени св. Патания и издательского дома «Патакис», который выпускает пособия для подготовки греческих школьников к выпускным экзаменам. В армейском жаргоне встречаются *Άγιος Εγέρθητος / Αγία Τανάκα* 'святой Эгерфий / святая Танака', первый из которых обозначает напряженный период службы с большим количеством тренировок и учений, а вторая, наоборот, спокойное время, в которое можно расслабиться.

В среде госслужащих рабочий день между двумя праздниками обычно называется днем *του Αγίου Ευδιάμεσα* 'святого Промежутка', когда большинство из государственных работников не приходит на работу, превращая этот день в самовольный выходной. Для обозначения срока или дня, который никогда не наступает, есть также просторечное выражение *του Αγίου Ποτέ* '<в день> святого Никогда' (ср. рус. *после дождичка в четверг, когда гуси полетят, когда рак на горе свистнет*).

Структура и семантика библеистических фразеологизмов

Анализируя ФЕ с компонентом-библионимом в составе греческого языка, за основу классификации мы принимаем теорию, предложенную российскими учеными А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, где ФЕ делятся на следующие типы: идиомы, куда включаются и речевые формулы (РФ); коллокации, устойчивые словосочетания; грамматические фразеологизмы (ГФ); синтаксические фразеологизмы (СФ); паремии [Баранов, Добровольский, 2013, с. 64–79].

Среди ФЕ с компонентом-библионимом наибольшее количество встречается в категории устойчивых выражений (25 ФЕ), практически

равное количество приходится на РФ и паремии (6 и 7 соответственно), затем следуют ГФ (4) и СФ (2). Нами выявлено также 12 ИС-библионимов, встречающихся в виде метафор в свободных выражениях, как уже было показано выше.

Устойчивые выражения по большей части представляют собой именные словосочетания с согласованным или несогласованным определением (ср., напр., *ἀπίστος Θωμάς, δίκη του Ποντίου Πιλάτου, κήπος του Εδέμ, εξορία του Αδάμ* и пр.). РФ в основном являются полноценными вопросительными предложениями (ср., напр., *Εκ Ναζαρέτ δύναται τι αγαθόν εἶναι;* ‘Из Назарета может ли быть что-то доброе?’, т.е. может ли этот человек быть полезным в силу своего положения или происхождения) или вопросо-ответными конструкциями (ср., напр., – *Πού αράζουν οι κουτσοί;* – *Στην Αγία Παρασκευή* ‘Куда стекаются хромые? – К святой Параскеве’), где отмечается рифмованная конструкция первой и второй части РФ.

По частоте употребления в разных корпусах текстов больше всего встречаются РФ, содержащие библионимы: ср., напр., РФ *κουτσοί στραβοί στον Άγιο Παντελέμημονα* ‘хромые косоглазые к святому Пантелеймону’ встречается 42 раза в корпусе e1TenTen и 3 раза в корпусе ΕΘΕΓ. При этом самая меньшая доля приходится на библионимы из Ветхого Завета, например, такие ИС, как *Σάρρα* ‘Сарра’ или *Μελχισεδέκ* ‘Мельхиседек’ практически не встречаются в качестве компонентов-библионимов ФЕ в текстах корпусов греческого языка как метафорический компонент, упоминаясь при этом в толковых и фразеологических словарях.

При анализе семантического поля мы пользуемся классификацией Е.А. Юриной, где для описания образной лексики согласно антропоцентрическому подходу выделяются такие параметры, как характеристики внешности человека (облик, движения и пр.); черты характера и нравственные качества человека; социальное поведение человека и отношения в обществе; явления, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности человека: межличностные отношения, социальная деятельность и т.п.; качеств широкого круга явлений [Юрина, 2008].

В новогреческом языке к первому типу относятся 10 ФЕ и ИС, которые обозначают:

– одежду человека: *αδαμιαία περιβολή* ‘в костюме Адама’, *του Αγίου Ιωάννη Τρέντη* ‘святого Иоанна Трендиса’, т.е. ‘чересчур следящий за модой и внешним видом человек’. Это устойчивое выражение представляет собой переосмысление образа святого Иоанна Рендиса и контаминацию со словом *trend* (*τρέντυ*), которое обозначает людей, следящих за модой;

- внешний вид: *Λάζαρος <αγέλαστος Λάζαρος>* ‘Лазарь <несмеющийся Лазарь>’, *σαν τον Άγιο Σπυρίδωνα* ‘как святой Спиридон’, *σαν τον Άγιο <Όσιο> Ονούφριο* ‘как святой <преподобный> Онуфрий’, т.е. ‘человек, изможденный болезнью, худой, измученный’;
- возраст (*Βενιαμίν* ‘Вениамин’ т.е. ‘самый младший ребенок в семье’, *Σάρρα* ‘Сарра’ т.е. ‘женщина, которая рождает в очень зрелом возрасте’, *Μαθουσάλας* ‘Мафусаил’);
- рост: *Ζακχαίος <Ζακχεί>* т.е. ‘человек очень маленького роста’, *σαν την Μητρόπολη με τον Άγιο Λεφτέρη* ‘как Митрополичий собор с храмом св. Элефтериоса’. В последнем случае речь идет про супружескую пару, где жена высокая, а муж низкий по росту: образное сравнение происходит от двух храмов, высокого Афинского митрополичьего Собора Благовещения и храма Св. Элефтерия, находящегося рядом, но невысокого и практически незаметного на фоне митрополичьего собора.

Во вторую категорию включаются 17 ИС и ФЕ, которые обозначают человека по характеру:

- сурового и жестокого: *Βελζεβούλ* ‘Вельзевул’, *Ηρώδης* ‘Ирод’;
- предателя: *Ιούδας* ‘Иуда’;
- недоверчивого: *άπιστος Θωμάς* ‘Фома неверующий’;
- обладающего невероятным терпением и спокойствием: *έχει Ιώβεια υπομονή* ‘у него терпение Иова’;
- неисправимого грешника, притворяющегося невинным: *μετανοούσα Μαγδαληνή* ‘кающаяся Магдалина’;
- виноватого человека, притворяющегося невинным: *κάνω την Όσια Μαρία* ‘притворяться преподобной Марией’.

Сюда же относятся и устойчивые выражения типа *είναι για τον Άι-Γιάννη* ‘Ему нужно к святому Иоанну’ и *είναι για τον Άγιο Αντόνιο* ‘ему нужно к святому Антонию’ (оказиональный вариант этого устойчивого выражения, использующийся только в регионе Ионических островов: *είναι για τον Άγιο Γεράσιμο* ‘Ему нужно к святому Герасиму’), которые характеризуют людей с психическим расстройством: считается, что эти святые могут излечить таких людей, поэтому к местам поклонения мощам всегда стекаются психически нездоровые люди.

К этой категории мы причисляем и две РФ, которые произносятся с иронической интонацией в ситуации, когда человек не держит данного им обещания: *γέλα γέλα το Νικόλα ως να τα φάμε όλα* ‘смейся, смейся, святой Николай, пока мы все не съедем’ и *παραγέλα το Νικόλα, όσο να μπεις στο λιμνιώνα* ‘Проси Николая, пока не войдешь в порт’. Последняя РФ ведет свое происхождение из обычая моряков обращаться к святому Николаю Угоднику в сложные моменты на море: некоторые из них,

добравшись до суши, не выполняли данных Николаю Угоднику обетов, что и привело к возникновению этой РФ.

К третьей категории мы относим пять ФЕ, которые описывают:

- человека, не желающего идти наперекор сложившемуся порядку: *Πόντιος Πιλάτος <δίκη του Ποντίου Πιλάτου>* ‘Понтий Пилат <суд Понтия Пилата>’;
- решение человека, который находит правильный и разумный выход из сложной и неразрешаемой проблемы: *Σολομώντεια λύση <δίκη> <δικαιοσύνη>* ‘Соломоново решение <суд> <правосудие>’.

Сюда же относится РФ, которая иронически характеризует тех, кто в силу своего происхождения или положения не может продвинуться и достигнуть большего: *Εκ Ναζαρέτ δύναται τι αγαθόν είναι*, ‘Из Назарета может ли быть что-то доброе?’, – и устойчивое выражение *Γνωστός εν τη Ιουδαία ο Θεός* ‘Известен в Иудее Бог’, которое метафорически характеризует известного всем человека, чье имя не стоит упоминать всеу.

Четвертая категория является самой многочисленной и включает семнадцать ФЕ и ИС, обозначающих различные сферы деятельности человека, межличностные отношения, социальную деятельность и т.п. Проведенный анализ позволил выделить среди них следующие группы с различной выраженной семантикой:

- сумятица и неразбериха в делах: *Πύργος Βαβέλ* ‘Вавилонская башня’, *γίνεται Βαβυλωνία* ‘происходит Вавилонское столпотворение’, *Σόδομα και Γόμορρα* ‘Содом и Гоморра’;
- щедрое и радушное гостеприимство, праздник с большим количеством угощения: *αβραμιαία φιλοξενία* ‘аврамово гостеприимство’, *Ησαΐα χόρευε* ‘Исаия, ликуй’;
- мучения на жизненном пути, препятствия при достижении цели, связанные в том числе с бюрократическими проволочками: *Γολγοθάς* ‘Голгофа’, *από τον Άννα στον Καϊάφα* ‘от Анны к Каиафе’;
- ситуация, при которой все люди обращаются к одному и тому же благодетелю с надеждой на помощь, или же собираются в одном и том же месте, к которому они не имеют отношения: *κουτσοί στραβοί στην Αγία Παρασκευή <όλοι στον Άγιο Παντελέημονα>* ‘Хромые косые у святой Параскевы <все у святого Пантелеймона>’, и пр.;
- ситуация, при которой схожие по характеру люди легко находят общий язык: *βρήκε ο Φίλιππος τον Ναθαναήλ* ‘Филипп нашел Натаниэля’;
- предательство по отношению к другу или благодетелю: *το φίλημα του Ιούδα* ‘поцелуй Иуды’;
- ситуация, при которой человеку указывают на подобающее ему место: *τα του Καίσαρος Καίσαρι* ‘Кесарю кесарево’, *και Σαούλ εν προφήταις*; ‘И Саул среди пророков?’;

– ситуация, при которой слабый и неизвестный человек одерживает победу над сильным и известным: *Δαβίδ και Γολιάθ* ‘Давид и Голиаф’.

К этой категории мы относим и устойчивое выражение *παροικούντες την Ιερουσαλήμ* ‘живущие в Иерусалиме’, которое обозначает, что местные жители всегда в курсе того, что происходит в их районе, а также два ИС, представляющие собой окказионализмы из маргинальных подязыков: *Άγιος Πατάκιος* ‘святой Патакий’, *Άγιος Εγέρθιος/Άγία Τανάκα* ‘святой Эгерфий / святая Танака’.

В пятую категорию, куда относится образная лексика [Юрина, 2008], обозначающая широкий ряд явлений, мы включаем 17 ФЕ и ИС, которые описывают различные временные или пространственные явления: так, например, сюда относятся уже рассмотренная выше пословица *Όταν ακούς Μαρία <Παναγία> και Γιάννη, βάλε ψάρι στο τηγάνι* ‘Когда слышишь Марию <Богородицу> и Яниса, клади рыбу на сковородку’ и поговорка *Δεν είναι κάθε μέρα του Άι-Γιαννιού* ‘Не каждый день празднует св. Иоанн’, ср. рус. *не все коту масленица*. Среди устойчивых выражений мы относим к этой категории конструкции, обозначающие временные промежутки, ср., напр., *Από τον καιρό του Νώε* ‘со времен Ноя’, т.е. ‘с незапамятных времен’, ИС-окказионализмы, представляющие собой опосредованные БФ и обозначающие момент во времени, ср., напр., *του Αγίου Ενδιάμεσα* ‘<день> святого Промежутка’, *του Αγίου Ποτέ* ‘<день> святого Никогда’.

Кроме того, в эту категорию мы включаем ИС и ФЕ с библионимами, которые выражают следующие значения:

- полную катастрофу, разрушение: *Κρανίου τόπος* ‘Лобное место’, *γης Μαδιάμ* ‘земля Мадриан’, *κατακλυσμός του Νώε* ‘катастрофа Ноя’;
- место, где сохраняются духовные традиции: *κιβωτός του Νώε* ‘Ноев ковчег’;
- место, где можно излечиться, райские кущи: *κολυμβήθρα του Σιλωάμ* ‘купель Силоама’, *κήπος του Εδέμ* ‘Эдемский сад’;
- самый яркий момент, конечная точка в путешествии: *Θαβόρ* ‘Фавор’;
- очень далекое и недоступное место: *εξορία του Αδάμ* ‘ссылка Адама’;
- длинный и запутанный рассказ: *Αβραάμ εγέννησε τον Ισαάκ* ‘Авраам родил Исаака’;
- большая связка ключей: *τα κλειδιά του Αγίου Πέτρου* ‘ключи святого Петра’.

Сюда относятся также две РФ, первая из которых используется для снятия сглаза: *Ιησούς Χριστός νικά και όλα τα κακά σκορπά* ‘Иисус Христос побеждает и все беды рассеивает’; вторая РФ представляет собой риторический вопрос *τα παιδιά του Ζεβεδάιου ποιον είχαν πατέρα;* ‘У детей Зеведея кто был отцом?’ и используется для обозначения ситуации, при которой результаты события налицо и не требуется дополнительного разъяснения или обсуждения.

Заключение

Таким образом, проведенный лингвистический и лингвокультурологический анализ позволяет сделать несколько выводов. В результате семантической классификации ФЕ с компонентом-библионимом самыми крупными по численности ФЕ являются четвертая и пятая (по 17 единиц в каждой), т.е. обозначающие межличностные отношения и широкий круг явлений. На втором месте находится категория, описывающая разные черты человеческого характера (11), на третьем – внешний вид человека (10) и на последнем – социальные отношения между людьми. Такая градация, несомненно, связана, прежде всего, с тем, что тексты Священного Писания отличаются ярко выраженной нарративной и дидактической направленностью.

Рассмотренные языковые единицы по большей части являются опосредованными БФ (выделено 12 опосредованных ФЕ). Среди ИС-библионимов преобладают собственно библионимы (12 ИС), встречающиеся непосредственно в текстах Священного Писания, что свидетельствует о традиции заимствования ИС как такового, с одной стороны, и о традиции приспособления к языковым нормам и видоизменения словосочетаний и полноценных предложений – с другой. По структуре среди ФЕ с ИС-библионимом преобладают устойчивые словосочетания (большая часть которых представляет собой прямое цитирование Священного Писания), что напоминает об афористичности и дидактическом характере библейских текстов.

ФЕ с ИС-библионимами являются неотъемлемой частью фразеологической картины мира носителей новогреческого языка, изучение которой помогает понять специфику их национального самосознания, глубоко пропитанного духом православной веры. Исследование дает основания говорить об активной включенности ИС-библионимов во фразеологическую картину мира современного грека, которая в свою очередь демонстрирует одну из своеобразных граней греческой языковой картины мира в целом. ФЕ с ИС-библионимом содержат в себе элементы нарративности и дидактики, выражая в той или иной степени эмоциональную оценку окружающей действительности, событий и широкого круга явлений и предметов.

Библиографический список / References

Баранов, Добровольский, 2013 – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М., 2013. [Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. Osnovy phraseologii [Bases of Phraseology]. Moscow, 2013. (In Russ.)]

Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова А.И. Русская Фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.

[Birikh A.K., Mokiyeenko V.M., Stepanova A.I. Russkaya Frazеologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar' [Russian Phraseology. Historical-Etymological Dictionary]. Moscow, 2005. (In Russ.)]

Бушуй, 2005 – Бушуй Т.А. Перевод фразеологии английского языка на русский язык. Самарканд, 2005. [Bushuy T.A. Perevod frazeologii angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Translation of phraseology of English language to Russian language]. Samarkand, 2005. (In Russ.)]

Гак, 1997 – Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими фразеологизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 27. С. 55–59. [Gak V.G. Characteristics of biblical phraseological units in Russian language (in comparison with the French phraseological units). *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997. Vol. 27. Pp. 55–59. (In Russ.)]

Колодочкина, 2004 – Колодочкина Е.В. Ономастические фразеологизмы во французском и русском языках // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Под ред. В.Н. Телия. М., 2004. С. 168–174. [Kolodochkina E.V. Onomastic phraseological units in French and Russian languages. *Kul'turnyye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh*. Telija V.N. (ed.). Moscow, 2004. Pp. 168–173. (In Russ.)]

Реунова, 2011 – Реунова Е.В. Сопоставительный анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском и английском языках // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 3. С. 40–44. [Reunova E.V. Comparative analysis of biblical phraseological units in Russian, Spanish, Italian and English languages. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*, 2011. Vol. 3. Pp. 40–44. (In Russ.)]

Юрина, 2008 – Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. № 3. С. 83–94. [Yurina E.A. Lexical and phraseological field of food's images in Russian and Italian language. *Yazyk i kul'tura*, 2005. Vol. 3. Pp. 83–94. (In Russ.)]

Ανδριώτης, 1957 – Ανδριώτης Ν. Αντίστοιχα εκφραστικά μέσα της αρχαίας και της νέας ελληνικής. *Ελληνικά*. 1957. № 15. Σ. 1–25 [Andriotis N. Antistikha ekfrastika mesa tis arkehas ke tis neas ellinikis [Certain instruments of expression in Ancient and Modern Greek language]. *Ellinika*. 1957. Vol. 15. Pp. 1–25. (In Greek)]

eITenTen – Greek Web Corpus. URL: <https://www.sketchengine.eu/eltentengreek-corpus/>

ΕΘΕΓ – Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας [Hellenic National Corpus]. URL: <http://hnc.ilsp.gr>.

Λουπάσης, 2003 – Λουπάσης Γ. Επιδράσεις της εκκλησιαστικής φρασεολογίας στην νεοελληνική γλώσσα. Αθήνα, 2003. [Loupasis G. Epidrasis tis ekklisiastikis phraseologias stin neoelliniki glossa [Influences of church's phraseology to Modern Greek Language]. Athens, 2003. (In Greek)]

Μιχαλόπουλος, Κιούρτη-Μιχαλοπούλου, 2004 – Μιχαλόπουλος Ν.Α., Κιούρτη-Μιχαλοπούλου Α.Χ. Εράνισμα. Βιβλικές και εκκλησιαστικές εκφράσεις και λέξεις στην νεοελληνική γλώσσα. Καβάλα, 2004. [Mikalhopoulos N.A., Kourtsi-Mikalhopoulou A.X. Eranisma. Vivlikes ke ekklisiastikes ekfrasis ke leksis stin neoelliniki glossa [Eranisma. Biblic and church's expressions and words in Modern Greek language]. Kavala, 2004. (In Greek)]

Παπαζαφειρή, 1995 – Παπαζαφειρή Ι. Ρήσεις, γνομικά, φράσεις από τις Γραφές. Αθήνα, 1995. [Papazafeiri I. Risis, gnomika, frasis apo tis Grafes [Aphorisms, maximas, frazes from the Bible]. Athens, 1995. (In Greek)]

Статья поступила в редакцию 08.09.2019
The article was received on 08.09.2019

Об авторе / About the author

Тресорукова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Irina V. Tresorukova – PhD in Philology; Associate professor at the Department of Byzantine and Modern Greek Philology of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8899-5716>

E-mail: itresir@mail.ru

М. Ухлик¹, А. Желе^{1, 2}

¹ Люблянский университет,
1000 г. Любляна, Словения

² Институт словенского языка им. Франа Рамовша,
Научно-исследовательский центр
Словенской академии наук и искусств,
1000 г. Любляна, Словения

Словенские комитативные конструкции с местоимениями в двойственном числе

Данная статья представляет собой попытку анализа формальных и семантических характеристик словенских комитативных конструкций, которые используются при обозначении двух участников, включенных в одно событие, причем оба участника выполняют в нем одинаковые семантические роли. Особое внимание уделяется функции форм двойственного числа в комитативных конструкциях, а также другим параметрам (употребление местоимений, предикативных форм и линейного порядка), которые оказывают влияние на интерпретацию числа референтов.

Ключевые слова: словенский язык, комитативные конструкции, двойственное число, личные местоимения

Благодарности: Статья является частью более широкого исследования «Словенские комитативные конструкции», представленного на XIV ежегодной конференции Общества славянского языкознания в Потсдаме. Мы хотели бы поблагодарить М. Бенича, О. Цуррие, Д. Эршлера, М.В. Ослона, М. Трояра и Р. Жауцера за замечания и предложения по улучшению статьи. Ответственность за ошибки в интерпретациях и анализе лежит только на авторах.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ухлик М., Желе А. Словенские комитативные конструкции с местоимениями в двойственном числе // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 115–132. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-115-132

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-115-132

M. Uhlik¹, A. Žele^{1,2}¹ University of Ljubljana,
Ljubljana, 1000, Slovenia;² Fran Ramovš Institute of Slovenian Language,
Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts,
Ljubljana, 1000, Slovenia

Slovenian comitative constructions with dual personal pronouns

The paper deals with the Slovenian comitative constructions that encode two human participants who fulfil the same semantic role and are involved in the same event. It analyses their formal and semantic characteristics. A special focus of our analysis is put on the role of the dual in these constructions. We examine the impact of the different parameters (pronouns, predicate form, gender and linear order) on the interpretation of the referents' number in the comitative constructions.

Key words: Slovenian, comitative constructions, dual, personal pronoun

Acknowledgments: This paper is part of a broader research "Slovenian Comitative constructions", which was presented at the 14th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society (Potsdam, 2019). The authors would like to thank Mislav Beniĉ, Oliver Currie, David Erschler, Mikhail V. Oslon, Mitja Trojar and Rok Žaucer for their comments and suggestions that helped us to improve the article. All faults and shortcomings in the analysis are ours.

FOR CITATION: Uhlik M., Žele A. Slovenian comitative constructions with dual personal pronouns. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 115–132. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-115-132

1. Introduction: Comitative constructions with dual personal pronouns

The paper deals with the Slovenian comitative constructions (called SCC below) which encode two human participants who fulfil the same role and are involved in the same event. On a formal level, the construction

is composed of a dual personal pronoun (*midva*_(m.), *midve/medve*_(f.)¹ ‘the two of us’; *vidva*_(m.), *vidve/vedve*_(f.) ‘the two of you’; *onadva*_(m.), *onidve/onedve*_(f.) ‘the two of them’) followed by a prepositional instrumental (*z Andrejem/Špelo* ‘with Andrej/Špela’) and the dual form of the predicate (*sva*_(1Du), *sta*_(2Du&3Du) *šla*_(m.) / *šli*_(f.) ‘the two of us went to the cinema’).

(1) Slvn.

Midva	z	Andrejem /	s	Špelo
we.NOM.M.DU	with	Andrej.INS.SG	with	Špela.INS.SG
sva	šla	v	kino.	
be.IND.PRS.1DU	go.LPTCP.M.DU	in	cinema.ACC.SG	
‘Andrej/Špela and I went to the cinema.’				

(2) Slvn.

Vidva	z	Andrejem /	s	Špelo
you.NOM.M.DU	with	Andrej.INS.SG	with	Špela.INS.SG
sta	šla	v	kino.	
be.IND.PRS.2DU	go.LPTCP.M.DU	in	cinema.ACC.SG	
‘You and Andrej/Špela went to the cinema.’				

(3) Slvn.

Onadva	z	Andrejem /	s	Špelo
they.NOM.M.DU	with	Andrej.INS.SG	with	Špela.INS.SG
sta	šla	v	kino.	
be.IND.PRS.3DU	go.LPTCP.M.DU	in	cinema.ACC.SG	
‘He and Andrej/Špela went to the cinema.’				

(4) Slvn.

Midve /	medve	s	Špelo
we.NOM.F.DU	we.NOM.F.DU	with	Špela.INS.SG
sva	šli	v	kino.
be.IND.PRS.1DU	go.LPTCP.F.DU	in	cinema.ACC.SG
‘Špela and I went to the cinema.’			

A common feature of all the examples above (1), (2), (3), (4) is a combination of a dual personal pronoun and a comitative phrase. The dual personal pronoun has an inclusory reading, that is, the accompanier expressed by the comitative phrase is one of the referents of the pronoun.

While the inclusory reading is dominant in comitative constructions with dual pronouns in contiguous position with an accompanier, this interpretation

¹ It should be emphasized that feminine dual pronouns *midve/medve* ‘the two of us’; *vidve/vedve* ‘the two of you’; *onidve/onedve* ‘the two of them’ are mere variants, there are no semantic differences between the two elements in each pair.

is less common in constructions with plural pronouns. Thus, *Mi z Antonom* 'We and Anton' is less frequent than *Midva z Antonom* 'Anton and I' and it has no obligatory inclusory reading.

Examination of corpora (cf. below) shows that comitative constructions with inclusory readings are most frequently used with the first-person dual pronouns (*midva; midve/medve*), SCC with the second-person dual are, in turn, more frequent than the ones with the third-person dual pronouns.

**Frequency of the usage of dual pronouns
in the Slovenian comitative constructions
(according to Gigafida 2.0)**

Construction	The usage in Corpus Gigafida 2.0, %
1Du + with NP + V _{Du}	83.06
2Du + with NP + V _{Du}	11.97
3Du + with NP + V _{Du}	4.79

The frequency of the usage of the first person can be explained in the light of the fact that it has a special status in the hierarchy: only the first-person dual pronoun can imply the accompanier expressed in the second (5) or third person (6):

(5) Slvn.

Midva	s	teboj.
we.NOM.M.DU	with	you.INS.SG
'You and I.'		

(6) Slvn.

Midva	z	Antonom.
we.NOM.M.DU	with	Anton.INS.SG
'Anton and I.'		

Second-person and third-person dual pronouns only act as inclusory in relation to the third-person accompanier (7), (8):

(7) Slvn.

Vidva	z	Antonom.
you.NOM.M.DU	with	Anton.INS.SG
'You and Anton.'		

(8) Slvn.

Onadva	z	Antonom.
they.NOM.M.DU	with	Anton.INS.SG
‘He/she and Anton.’		

In (7) and (8) the inclusory reading implies two persons, while this interpretation is excluded in (9):

(9) Slvn.

Vidva	z	menoj.
you.NOM.M.DU	with	I.INS
‘Two of you and I.’		

In Slovenian, inclusion of two participants in the same role may also be expressed by means of a regular coordinate noun phrase:

(10) Slvn.

Peter	in	Andrej
Peter.NOM.SG	and	Andrej.NOM.SG
gresta	v	kino.
go.PRS.3DU	in	cinema.ACC.SG
‘Peter and Andrej are going to the cinema.’		

However, if the coordinate NP contains a dual pronoun (*midva*, *vidva*, *onadva*), it cannot refer to the second conjunct. This means that in this case the pronoun does not have an inclusory interpretation. Accordingly, the predicate used with such a coordination will take a plural verb, as shown in (11).

(11) Slvn.

Midva	in	Andrej /	Špela
we.NOM.M.DU	and	Andrej.NOM.SG	Špela.NOM.SG
smo	šli	v	kino.
be.PRS.1PL	go.LPTCP.M.PL	in	cinema.ACC.SG
‘We went to the cinema with Andrej/Špela.’			

A coordinate NP with a dual pronoun (*midva*, *vidva* and *onadva*) excludes the possibility of using a dual predicate:

(12) *Midva	in	Špela
we.NOM.M.DU	and	Špela.NOM.SG
greva	v	kino.
go.PRS.1DU	in	cinema.ACC.SG

2. The role of the dual in comitative constructions

One of the key factors for understanding the analysed construction is the role of the dual.² For that reason, we will switch to the role of dual in Slovenian comitative constructions before continuing the analysis of the construction.

In the SCC, the dual plays a significant role, since this grammatical value allows the speaker to express the number of participants in a more precise manner, enabling for instance a distinction between two types of non-singular participants.

The SCC with a dual pronoun and a dual form of the predicate expresses duality: two participants, who otherwise exist independently, are thus united into a single syntactic unit.

3. Some particularities of Slovenian non-singular pronouns

As mentioned above, one of the key elements of the SCC is the personal pronoun. Let us take a closer look at some of peculiarities of Slovenian personal pronouns. Slovenian, unlike other Slavic languages, maintains a gender distinction between masculine and feminine in all nominative case non-singular personal pronoun forms. In the other cases, there is no gender distinction:

(13) The paradigm of the first-person dual personal pronoun

Case	Dual	Plural
NOM	<i>midva</i> (m.) vs. <i>midve</i> (f.)	<i>mi</i> (m.) vs. <i>me</i> (f.)
GEN	<i>naju</i> (m. & f.)	<i>nas</i> (m. & f.)
DAT	<i>nama</i> (m. & f.)	<i>nam</i> (m. & f.)
ACC	<i>naju</i> (m. & f.)	<i>nas</i> (m. & f.)
LOC	<i>nama</i> (m. & f.)	<i>nas</i> (m. & f.)
INS	<i>nama</i> (m. & f.)	<i>nami</i> (m. & f.)

Another peculiarity of Slovenian is the distinction between dual and plural pronouns. In the nominative, dual pronouns are formed by concatenating a plural pronoun (for instance, *mi*, *me* 'we') with the numerals *dva*

² It is precisely in sentences with nominative dual subjects (*Midva s Špelo greva v kino* 'Špela and I are going to the cinema', *Sin in oče gresta v kino* 'Son and father are going to the cinema') that the use of dual has remained most stable and has not been replaced by plural through the history of the Slovenian language [Belić, 1932; Jakopin, 1966]. A. Belić (1932, p. 58–90) notes that Slovenian has preserved all Proto-Slavic categories of the old dual except for the most important one, i.e. the dual in pair nouns (e.g. *oči* 'eyes', *noge* 'legs', *roke* 'arms').

or *dve* ‘two’, which yields the dual forms *midva*, *midve/medve* ‘the two of us’.³ The agglutination of the pronoun and the numeral into a single morphologized unit only appears in the dual (*midva* ‘the two of us’), usually in the nominative. In other cases in dual the pronoun acts as an independent word and the use of numeral is optional (e.g. GEN *naju dveh* = *naju* ‘of the two of us’; INS *z nama dvema* = *z nama* ‘with the two of us’).

In contrast, in combinations of plural pronouns with numerals (*mi trije* ‘the three of us’, *mi štirje* ‘the four of us’) the latter act as a separate word. Unlike *mi trije*, the cluster *midva* functions as a single indivisible accentual unit (**mi pa dva* vs. *mi pa trije*).

Below the summary table with non-singular pronouns in the nominative:

(14) Non-singular pronouns in the nominative

Masculine dual	Feminine dual
<i>midva</i> ‘the two of us’	<i>midve/medve</i> ‘the two of us’
<i>vidva</i> ‘the two of you’	<i>vidve/vedve</i> ‘the two of you’
<i>onadva</i> ‘the two of them’	<i>onidve/onedve</i> ‘the two of them’
Masculine plural	Feminine plural
<i>mi</i> ‘we’	<i>me</i> ‘we’
<i>vi</i> ‘you’	<i>ve</i> ‘you’
<i>oni</i> ‘they’	<i>one</i> ‘they’

4. Some syntactic features of comitative constructions

In the SCC (*midva z Andrejem* ‘Andrej and I’), the two participants who are presented as acting as a single unit, most frequently play the role of Agent (the nominative subject) or of the Experiencer in predicative *be*-sentences (15), (16):

³ A similar system of dual pronouns figures in Lithuanian (*mudu* (m.) / *mudvi* (f.) ‘the two of us’; *judu* (m.) / *judvi* (f.) ‘the two of you’; *juodu* (m.) / *jiedvi* (f.) ‘the two of them’). The difference in gender is present in the nominative and the accusative in all three persons, whereas in the third person it is also expressed in all oblique cases (DAT, INS, LOC), except for the GEN. In Lithuanian, unlike Slovenian, the agglutination of the pronoun and numeral is found also in non-nominative cases (e.g. GEN *mudvieju, judvieju, juodieju*; DAT *mudviem, judviem, jiedviem/jodviem*, etc.).

(15) Slvn.

Naju	z	Andrejem	je
we.ACC.DU	with	Andrej.INS.SG	be.IND.PRS.3SG
strah,	da	ne	bova
fear.NOM.SG	COMP	NEG	be.IND.FUT.1DU
to be late.LPTCP.M.DU			
‘Andrej and I are afraid to be late.’			

(16) Slvn.

Nama	z	Andrejem	ni	po	vssem
we.DAT.DU	with	Andrej.INS.SG	be.NEG.IND.3SG	completely	
jasno,	ali	bo	jutri	dezevalo.	
clear	whether	be.IND.FUT.3SG	tomorrow	rain.LPTCP.N.SG	
‘It isn’t completely clear to Andrej and me whether it will rain tomorrow.’					

In cases where the nominative is reserved for some other NP rather than for the dual pronoun, the SCC is at least ambiguous or loses its inclusory reading. For instance, in (17) the phrase *nama / nama dvema s Pavlom* is not a comitative construction under discussion, since the participant expressed by the instrumental is not part of the addressee expressed by the dual dative (*nama dvema* ‘to the two of us’).

(17) Slvn.

Peter	piše	nama /
Peter.NOM.SG	write.IND.PRS.3SG	we.DAT.DU
nama	dvema	s
we.DAT.DU	two.DAT	with
		Pavel.INS.SG
‘Peter is writing with Pavel to the two of us.’		

5. The predicate role in comitative constructions with omitted pronouns

The relevance of the predicate form becomes evident in cases when the anaphoric pronoun is dropped and the predicate form, as evident in (18), (19), (20), is central to the interpretation of referential subject.

(18) Slvn.

pro	Z	Andrejem /	S	Špelo
	with	Andrej.INS.SG	with	Špelo.INS.SG
sva		bila	v	gledališču.
be.IND.PRS.1DU		be.LPTCP.M.DU	in	cinema.LOC.SG
‘Andrej/Špela and I went to the theatre.’				

(19) Slvn.

pro	Z	Andrejem /	S	Špelo
	with	Andrej.INS.SG	with	Špelo.INS.SG
sta		bila	v	gledališču.
be.IND.PRS.2DU		be.LPTCP.M.DU	in	cinema.LOC.SG

‘You and Andrej/Špela went to the theatre.’

(20) Slvn.

pro	Z	Andrejem /	S	Špelo
	with	Andrej.INS.SG	with	Špelo.INS.SG
sta		bila	v	gledališču.
be.IND.PRS. 3DU		be.LPTCP.M.DU	in	cinema.LOC.SG

‘He and Andrej/Špela went to the theatre.’

It is precisely in examples with omitted pronouns that the dual form of the predicate in Slovenian proves to be decisive in determining the number of participants. Especially when directly addressing someone, the dual predicate form (21) suggests that the non-expressed pronoun includes the accompanier, since the predicate makes it sufficiently clear that the accompanier (*Andrej*) acts as a participant and is part of the comitative construction.

(21) Slvn.

Lepo	se	imejta
nicely.ADV	REFL	have.IMP.2DU

pro z Andrejem!
with Andrej.INS.SG

‘You and Andrej have a nice time.’ (As the dual form of the predicate impacts the interpretation, Andrej has the status of a participant of the comitative construction)

A plural predicate in Slovenian (22), on the contrary, indicates that one is not dealing with a comitative construction: Andrej lacks the status of a participant and is therefore part of the adjunct of the same action:

(22) Slvn.

Lepo	se	imejte
nicely.ADV	REFL	have.IMP.2PL

pro z Andrejem!
with Andrej.INS.SG

‘Have a nice time with Andrej.’= the addressee does not include Andrej (Andrej does not have the main participant status)

6. How many participants are included in the comitative constructions?

Having considered the predicate role in the analysed construction, the question now arises how changes in the linear order affect the interpretation of comitative constructions. The NP-with-NP cluster may appear before the predicate, which was the case in the examples discussed so far. This cluster can be preceded by an auxiliary which does not change the interpretation of the number of participants (in examples (23) and (24) the dual pronoun has an inclusory reading):

(23) Slvn.

Mislím,	da	sta	vidva
think.IND.PRS.1SG	COMP	be.IND.PRS.2DU	you.M.DU
z Markom	šla	iz mesta.	
with Marko.INS.SG	go.LPTCP.M.DU	from city.GEN.SG	

‘I think that you and Marko have left town.’

(24) Slvn.

Na žalost	sta	vidva
On sadness.ACC.SG	be.IND.PRS.2DU	you.M.DU
z Markom	bila	zadnja.
with Marco.INS.SG	be.LPTCP.M.DU	last.NOM.M.DU

‘Unfortunately, you and Marko were last.’

The construction can appear in both simple or a complex sentences (23).

The position of the dual pronoun with respect to the position of the accompanier, however, plays an important role in the interpretation of the number of participants.

When a dual personal pronoun (for instance, *midva*; *midve/medve* ‘the two of us’) is followed by a prepositional instrumental expressing the accompanier – both elements being contiguous (25), (26), they form a single syntactic unit most frequently in the role of subject (*midva/medve z Mojca* ‘Mojca and I’) which imposes dual agreement of the verbal predicate (*sva šla/šli* ‘we went’).

(25) Slvn.

Peter	pravi:	Midva	z
Peter.NOM.SG	say.IND.PRS.3SG	we.NOM.M.DU	with
Mojca	sva	šla	v kino.
Mojca.INS.SG	be.IND.PRS.1DU	go.LPTCP.M.DU	in cinema.ACC.SG

‘Peter says: Mojca and I went to the cinema.’

(26) Slvn.

Špela	pravi:	Midve	z
Špela.NOM.SG	say.IND.PRS.3SG	we.NOM.F.DU	with
Mojco	sva	šli	v kino.
Mojca.INS.SG	be.IND.PRS.1DU	go.LPTCP.F.DU	in cinema.ACC.SG

‘Špela says: Mojca and I went to the cinema.’

An exception to this rule is related to gender resolution: when a masculine dual pronoun (*midva*, *vidva*, *onadva*) acts as the central participant, it may include a feminine accompanier (*s Špelo* ‘with Špela’). However, a feminine dual pronoun (*midve/medve*) acting as the host NP cannot include a masculine accompanier.

(27) Slvn.

Midve	z	Andrejem
we.NOM.F.DU	with	Andrej.INS.SG
sva	šli	v kino.
be.IND.PRS.1DU	go.LPTCP.F.DU	in cinema.ACC.SG

‘We (fem.) went to the cinema with Andrej.’

The example in (27) only allows a non-dual interpretation (more than two participants went to the cinema).

The order of the pronoun and the prepositional phrase cannot be reversed (28) without changing the inclusory reading.⁴ For that reason in (28) the accompanier is not implied in the dual pronoun nor does it have the status of a component of the SCC.

(28) S	Špelo	midva
with	Špela.INS.SG	we.NOM.M.DU
greva	v	kino.
go.IND.PRS.1DU	in	cinema.ACC.SG

‘We went to the cinema with Špela.’

If other constituents are introduced between the pronoun and the prepositional phrase (*z Mašo* ‘with Maša’ in (29)), the inclusory reading disappears:

⁴ In contrast to Slovenian, an extracted accompanier in Russian may retain the inclusive reading in the case of a contrastive interpretation: *С Ваней мы пошли в кино, а не с Ирой* ‘It’s with Vania that we went to the cinema, not with Ira’ (Alexander Letuchij, p.c.). In Slovenian, the inclusive interpretation is conveyed if the dual pronoun is omitted: *S Špelo midva greva v kino* ‘Špela and I go to the cinema’.

(29) Slvn.

Midva sva šla
 we.NOM.M.DU be.IND.PRS.1DU go.LPTCP.M.DU
 z Mašo v kino.
 with Maša.INS.SG in cinema.ACC.SG
 'We went to the cinema with Maša.'

In these constructions, possessive pronouns (moj 'my', tvoj 'your', njegov 'his') are not commonly used with the accompanier expressed by the comitative phrase. This is related to the fact that relational nouns (*prijatelj* 'friend', *žena* 'wife', *soseđ* 'neighbour'), in which the possessive relation is implied, are the ones that most frequently play the role of the accompanier.

Adding a possessive pronoun can make the construction ambiguous between the inclusory and non-inclusory reading:

(30) Slvn.

Midva s prijateljem
 we.NOM.M.DU with friend.INS.SG
 greva na morje. = *inclusory reading*.
 go.IND.PRS.1DU on sea.ACC.SG
 'My friend and I are going to the seaside.'

(31) Slvn.

Midva z **mojim** prijateljem
 we.NOM.M.DU with my.INS.SG friend.INS.SG
 greva na morje. = *ambiguous reading (2 or 3 people)*
 go.IND.PRS.1DU on sea.ACC.SG
 'The two of us are going to the seaside with my friend.' or 'My friend and I are going to the seaside.'

(32) Slvn.

Midva z njegovim prijateljem
 we.NOM.M.DU with his.INS.SG friend.INS.SG
 greva na morje. = *more likely non-inclusory reading*.
 go.IND.PRS.1DU on sea.ACC.SG
 'We're going to the seaside with his friend.'

If the dual pronoun has an inclusory reading, the reflexive possessive svoj as the modifier of the accompanier is outright ungrammatical:

(33) Slvn.

*Midva s svojim prijateljem
 we.NOM.M.DU with one's own.INS.SG friend.INS.SG
 hodiva na morje.
 go.IND.PRS.1DU on sea.ACC.SG

However, the complete construction (dual pronoun + accompanier) can control a reflexive possessive:

(34) Slvn.

Midva _i	s	Petrom _j	sva	se
we.NOM.M.DU	with	Peter.INS.SG	be.IND.PRS.1DU	REFL
veliko naučila		iz svojih _{i+j}		napak.
a lot learn.LPTCP.M.DU		from one's own.GEN.PL		mistakes.GEN.PL

‘Peter and I have learned a lot from our mistakes.’

7. Comitative construction with the singular form of the predicate

The construction with the dual pronoun which includes the accompanier (*Midva s Špelo*) should be distinguished from comitative constructions in which two participants are expressed by means of two separate phrases. In that case, the central participant imposes the agreement with a singular form of the predicate, while the accompanier is demoted to a circumstantial adjunct.

(35) Slvn.

Janez	je	šel
Janez.NOM.SG	be.IND.PRS.3SG	go.LPTCP.M.SG
s Špelo	v kino.	
with Špela.INS.SG	in cinema.ACC.SG	

‘Janez went to the cinema with Špela.’

(36) Slvn.

Janez	je	s	Špelo
Janez.NOM.SG	be.IND.PRS.3SG	with	Špela.INS.SG
šel	v	kino.	
go.LPTCP.M.SG	in	cinema.ACC.SG	

‘Janez went to the cinema with Špela.’

In the Slovenian comitative construction with an associated subject in a contiguous position fulfilling the same role, the central participant cannot be expressed by a proper or common name (37)–(38):

(37) *Janez s Špelo
 Janez.NOM.SG with Špela.INS.SG
 gresta v kino.
 go.IND.PRS.3DU in cinema.ACC.SG

- (38) *Francozi z Nemci v EU
 French.NOM.PL with Germans.INS.PL in the EU.LOC.SG
 dosegajo politične uspehe.
 achieve.IND.PRS.3PL political.ACC.PL success.ACC.PL

As can be seen from examples (39), (40), such examples of comitative constructions are perfectly normal in Russian:

- (39) Ru.
 Иван с Машей
 Ivan.NOM.SG with Maša.INS.SG
 идут в кино.
 go.IND.PRS.3PL in cinema.ACC.SG
 'Ivan and Maša are going to the cinema.'

- (40) Ru.
 Французы с немцами
 French.NOM.PL with Germans.INS.PL
 в Европейском союзе достигли
 in European.LOC.SG union.LOC.SG achieve.PST.PL
 политических успехов.
 political.GEN.PL success.GEN.PL
 'The French and Germans have achieved political successes
 in the EU.'

In Slovene the construction containing two proper or common names, fulfilling the same nominative role, can be conveyed with the coordinate phrase (*Janez in Špela* 'Janez and Špela', *Francozi in Nemci* 'Frenchmen and Germans'):

- (41) Slvn.
 Janez in Špela
 Janez.NOM.SG and Špela.NOM.SG
 sta šla v gledališče.
 be.IND.PRS.3DU go.LPTCP.M.DU in cinema.ACC.SG
 'Janez and Špela went to the theatre.'

- (42) Slvn.
 Francozi in Nemci v EU
 French.NOM.PL and Germans.NOM.PL in the EU.LOC.SG
 dosegajo politične uspehe.
 achieve.IND.PRS.3PL political.ACC.PL success.ACC.PL
 'The French and Germans are achieving political successes
 in the EU.'

This means that Slovenian comitative constructions with non-singular predicates are limited to cases with dual personal pronouns acting as the host NP. As we have shown, Slovenian comitative constructions structurally and semantically differ from coordinated NPs.

8. Some interesting features of comitative constructions in colloquial Slovenian

Whereas in standard Slovenian the predicate form of the 1st person dual is the same for the masculine and feminine (*greva* '[we] are going' in (43)–(44)), a distinct feminine dual form ending in *-e* is found for the first person in colloquial Slovenian and some Slovenian dialects [Jakop, 2004; Derganc, 2006, p. 426]:

(43) Slvn. stand.

Midva	s	Petrom
we.NOM.M.DU	with	Peter.INS.SG
greva	v	gledališče.
go.IND.PRS.1DU	in	theatre.ACC.SG
'Peter and I are going to the theatre.'		

(44) Slvn. stand.

Midve	s	Špelo
we.NOM.F.DU	with	Špela.INS.SG
greva	v	gledališče.
go.IND.PRS.1DU	in	theatre.ACC.SG
'Špela and I are going to the theatre.'		

(45) Slvn. coll.

Midve	s	Špelo
we.NOM.F.DU	with	Špela.INS.SG
greve	v	gledališče.
go.IND.PRS.F.1DU	in	theatre.ACC.SG
'Špela and I are going to the theatre.'		

The form of the feminine predicate ending in *-e* (45) may be explained through the influence of the feminine pronoun form (*greve* ← *midv-e*)⁵ and the tendency to formally distinguish between the feminine (*greve*) and masculine (*greva*) genders in predicate agreement.

A special colloquial form of the dual predicate in the feminine gender changes the inclusory relation in those cases in which the pronoun is dropped

⁵ The adoption of the plural ending *-e* corroborates the finding [Jakop, 2009, p. 165] that dual forms of nouns in Slovenian dialects are more frequent and thus more consistently used than dual forms of verbs.

and the accompanier is masculine. In Standard Slovenian, the verbal form of the predicate announces the inclusory relation of the dropped pronoun towards the accompanier as the verbal form *greva* ‘we are going’ is the same for masculine and feminine genders. On the other hand, a special feminine dual form *greve* ‘we are going’ blocks the inclusory relation of the dropped pronoun *midve* ‘the two of us’ with respect to the masculine accompanier (47).

(46) Slvn. stand.

pro S Petrom
 with Peter.INS.SG

greva na morje.
go.IND.PRS.1DU on sea.ACC.SG
‘Peter and I are going to the seaside.’

(47) Slvn. coll.

pro S Petrom
 with Peter.INS.SG

greve na morje.
go.IND.PRS.F.1DU on sea.ACC.SG
‘We are going to the seaside with Peter.’

9. Conclusion

Our paper focuses on Slovenian comitative constructions with two human participants who are involved in the same situation: the first participant, most frequently expressed by a nominative noun phrase, acts as a nucleus of the comitative construction, whereas the other accompanying participant is expressed by means of a prepositional phrase. Slovenian possesses two comitative constructions.

The first one includes two participants, which are often detached, and a singular predicate (Slovenian *Anton je gledal film z Ano* ‘Anton watched a film with Ana’).

The second one, which is in the focus of our study, consists of two participants (the dual personal pronoun and the accompanier expressed by the instrumental case) and the dual form of predicate (*Midva z Ano sva gledala film* ‘Anna and I watched the film’). In that case, as it was shown, the dual personal pronoun can be omitted (*Z Ano sva gledala film* ‘Anna and I watched the film’).

One of the key features of the Slovenian comitative construction is that it allows the inclusory reading when the accompanier expressed by the comitative phrase is one of the referents of the pronoun. The interpretation of the number of referents of the SCC is contingent especially on their linear

position (the accompanier may be either detached from or contiguous with the dual pronoun (host NP)) and the form of the predicate.

The Slovenian dual, expressed usually by means of dual pronouns and the form of the predicate, plays a significant role in comitative constructions – it allows the speaker to express the number of participants in a more precise manner.

References

Arkhipov, 2005 – Архипов А.В. К типологии комитативных конструкций: часть I. Определение и формальная типология // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 76–100. [Arkhipov A.V. On the typology of comitative constructions: part I. Definition and formal typology. *Voprosy yazykoznanija*. 2005. No. 4. Pp. 76–100. (In Russ.)]

Arkhipov, 2008 – Архипов А.В. К типологии комитативных конструкций: часть II. Полисемия комитативных конструкций // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 22–50. [Arkhipov A.V. On the typology of comitative constructions: part II. Polysemy of comitative constructions. *Voprosy yazykoznanija*. 2008. No. 3. Pp. 22–50. (In Russ.)]

Belić, 1932 – Belić A. O dvojini u slovenskim jezicima. Beograd, 1932.

Derganc, 2006 – Derganc A. Some characteristics of the dual in Slovenian. *Slavistična revija*. 2006. No. 54. Pp. [415]–434.

Dyła, Feldman, 2008 – Dyła S., Feldman A. On comitative constructions in Polish and Russian. *Formal description of Slavic languages: the fifth conference (Leipzig 2003)*. G. Zybatow et al. (eds.). Frankfurt am Main, 2003. Pp. 288–299.

GigaFida 2.0 – GigaFida, korpusna besedilna zbirka. URL: <https://viri.cjvt.si/gigafida/>

Jakop, 2008 – Jakop T. Dvojina v slovenskih narečjih. Ljubljana, 2008.

Jakop, 2009 – Jakop T. Kategorija števila v knjižni slovenščini in narečjih. *Simpozij Obdobja*. 2009. No. 26. S. 159–171.

Jakopin, 1966 – Jakopin F. Slovenska dvojina in jezikovne plasti. *Jezik in slovstvo*. 1966. No. 11/4. S. 98–104.

Stolz et al., 2008 – Stolz T., Stroh C., Urdze A. On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 33). Berlin, New York, 2008.

The article was received on 23.08.2019

Статья поступила в редакцию 23.08.2019

Сведения об авторах / About the authors

Ухлик Младен – доктор филологических наук; доцент, заведующий кафедрой русского языка отделения славянских языков философского факультета, Университет Любляны, Словения

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab.; Assistant professor, Head at the Russian Language Chair at the Department of Slavistics of the Faculty of Arts, University of Ljubljana, Slovenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4635-9273>

E-mail: mladen.uhlik@gmail.com

Желе Андрея – доктор филологических наук; профессор отделения словенского языка философского факультета, Университет Любляны, Словения; ведущий научный сотрудник, Институт словенского языка им. Франа Рамовша, Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств, Любляна, Словения

Andreja Žele – Dr. Phil. Hab.; full professor at the Department of Slovenian language of the Faculty of Arts, University of Ljubljana, Slovenia; leading researcher at Fran Ramovš Institute of Slovenian Language, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, Ljubljana, Slovenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6477-2590>

E-mail: Andreja.Zele@ff.uni-lj.si

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147

Е.Я. Григорьева, Е.И. ЧеркашинаМосковский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры

В статье представлен инновационный опыт профессиональной подготовки преподавателей романских языков (французского и итальянского) на основе лингвокультурологического подхода. Рассмотрены этапы становления лингвокультурологии. Предлагается новый подход к обучению романским языкам, который реализуется в модулях лингвокультурологической направленности и позволяет сформировать у обучающихся профессиональные и специальные компетенции сквозь призму национальной культуры романских стран.

Ключевые слова: лингвострановедение, лингвокультурология, лингвокультурологический подход, методика преподавания романских языков (французского и итальянского)

Для цитирования: Григорьева Е.Я., Черкашина Е.И. Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 133–147. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147

E. Grigoryeva, E. CherkashinaMoscow City University,
129226, Moscow, Russian Federation

Implementation of the linguistic and cultural approach to teaching Romanic languages in the system of master degree preparation

The article presents the innovative experience of professional training of teachers of Romanic languages (French and Italian) based on linguo-cultural approach. The stages of the development of linguoculturology are considered. A new approach to teaching foreign languages is proposed, which is implemented in modules of a linguo-culturological orientation and allows students to create professional and special competences through the prism of the national culture of Roman countries.

Key words: linguistic and cultural studies, cultural linguistics, linguistic and cultural approach, methods of teaching Romanic languages (French and Italian)

FOR CITATION: Grigoryeva E., Cherkashina E. Implementation of the linguistic and cultural approach to teaching Romanic languages in the system of master degree preparation. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 133–147. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147

Междисциплинарное направление научной мысли конца XX – начала XXI в. позволило по-новому осмыслить вопросы социологии, культурологии, педагогики, лингвистики и лингводидактики. Идеи взаимосвязи языка и культуры, зарождение и развитие новой антропоцентрической научной парадигмы в этот период вызвали развитие отраслей науки, ориентированных на человека, его существование в культуре. В лингвистике сформировалось понятие языковой личности, языковой картины мира, активно развивается когнитивное и лингвокультурологическое направление. Вступление современной науки в «век культурологии и культуроведения», по определению О.А. Митрофановой, позволило расценить новые отрасли лингвистики как фактор «обновления

методической науки и лингводидактического поиска» [Митрофанова, 1999]. Опора на теоретические основы лингвокультурологии, внедрение в учебный процесс данных этой науки привело к формированию лингвокультурологического подхода, который на данный момент определяется как один из наиболее эффективных [Прохоров, 1998], универсальным для методики русского языка как иностранного, родного и неродного, в которых он различается своей направленностью [Дейкина, Левушкина, 2012]. Реализация лингвокультурологического подхода нашла свое отражение в современных требованиях Федерального стандарта к обучению/изучению иностранных языков: умение выделять общее и различное в культуре родной страны и страны/стран изучаемого языка, стремления к осознанию культуры своего народа и готовность содействовать ознакомлению с ней представителей других стран, формирование умения представлять свою страну, ее культуру в условиях межкультурного общения. Лингвокультурологический подход нашел свое отражение в современных учебниках по французскому языку для средней общеобразовательной школы издательства «Просвещение» (УМК по французскому языку «Объектив» (базовый уровень) для 10–11 классов; УМК по французскому языку как второму иностранному языку «Синяя птица» для 8–9 и 10–11 классов и др.). На уровне магистратуры данный подход реализуется в рамках образовательной программы 050100.68 Педагогическое образование «Обучение романским языкам на основе лингвокультурологического подхода» в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ).

Становление лингвокультурологии как нового подхода к преподаванию языков и культур

Одним из путей совершенствования содержания обучения иностранным языкам на разных этапах является культуроведческая направленность, основанная на социокультурном, или лингвострановедческом, подходе. Язык рассматривается не только как предмет обучения и как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для него действительностью, культурным богатством, социальными отношениями, устройством быта народа-носителя языка. Учитывается кумулятивная функция языка, благодаря которой в содержании языковых единиц «отражается, выражается, хранится и передается от поколения к поколению как традиционная, так и актуальная языковая культура, вся внеязыковая действительность» [Верещагин, Тамм, 1979, с. 21]. «Язык фиксирует в себе всю культуру предшествующих

поколений, определяет поведение сейчас живущих людей и в значительной (даже полной) мере обуславливает их будущее» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 276]. Именно поэтому лингвострановедческий подход в преподавании иностранного языка преследует две цели: «Научить языку как форме выражения, как средству коммуникации и одновременно ознакомить обучающегося с культурой ... в том ее виде, как она опосредствована языком» [Верещагин, Костомаров, 1976, с. 64].

В отечественной педагогической науке культурная ценность языка как учебного предмета осознавалось многими педагогами. В частности, К.Д. Ушинский писал: «В языке одухотворяется весь народ и вся родина, в ней претворяются творческой силой народного духа в мысль, в звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но вся история духовной жизни народа» [Ушинский, 1998, с. 8].

Представление о необходимости сочетать преподавание иностранного языка с изучением культуры народа возникло еще в конце XIX в., но проблематика, относящаяся к внеязыковой действительности в связи с методическими задачами, в конце XIX и начале XX в. обозначалась по-разному. Так, первоначально закрепился термин *страноведение*. Страноведение с самого начала представляло собой не научно-исследовательскую дисциплину, а отрасль методики. Оно стало собирательным именем для целого ряда наук, используемых в учебном процессе в связи с изучением иностранного языка. Но методическое освещение эта проблема получила только несколько десятилетий спустя.

Во второй половине XX века для обозначения страноведческой информации, включаемой в практический курс языка, стали использовать термин *лингвострановедческая информация*, что связано с появлением новой научной дисциплины – *лингвострановедение*. Возникновение термина было связано с выходом в 1973 г. книги Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура». В ней речь шла об использовании страноведческих фактов в процессе изучения языка, а объектом этой дисциплины стали приемы ознакомления обучающихся с новой для них культурой. Лингвострановедение первоначально трактовалось как область методики, связанная с исследованием путей и способов ознакомления учащихся с действительностью страны изучаемого языка в процессе изучения языка и через посредство этого языка. В 1990-е гг. произошло уточнение содержания лингвострановедения, которое стало трактоваться как методическая дисциплина, реализующая практику отбора и презентации в учебном процессе по языку сведений о национально-культурной специфике речевого общения носителя языка с целью формирования коммуникативной компетенции.

Лингвострановедение, с одной стороны, представляет сведения о стране (страноведческие сведения), необходимые и достаточные для адекватной коммуникации. С другой – обучает приемам и способам самостоятельного извлечения фактов культуры из форм языка (лексики, фразеологии, афористики, форм речевого этикета, невербальных средств языка и т.п., т.е. из текстов, различных по тематике, стилистике, целевой направленности и предназначению). Знакомство в процессе изучения языка с культурным компонентом его языковых единиц дает возможность обучающимся усваивать не только новую форму слов, новый код для выражения содержания, но и новую систему понятий, присущую данному языку и восходящую к особенностям данной культуры. Это способствует включению обучающихся в своеобразный вербальный мир языковых представлений о реальной действительности, о культуре страны изучаемого языка. Благодаря этому они приобретают еще одно видение мира, отраженное в языке.

Проблематику лингвострановедения составляют два вопроса.

1. Лингвистический. Он касается анализа единиц языка с целью выявления заключенного в них национально-культурного смысла. В этой связи объектами изучения на занятиях становятся: безэквивалентная лексика (т.е. лексические единицы, не имеющие равнозначных соответствий в родном языке учащихся, например, для русского языка это советизмы, слова иноязычного происхождения, фольклорная лексика и др.); невербальные средства общения (действия, передаваемые с помощью мимики и жестов, имеющие значения и сферы употребления, отличные от употреблений, принятых в родном языке); фоновые знания, характерные для говорящих на родном языке и обеспечивающие общение на этом языке; языковая афористика и фразеология, которые рассматриваются на занятиях с точки зрения отражения в них культуры, национально-психологических особенностей, опыта людей, говорящих на неродном для учащихся языке.

2. Методический. Он касается приемов введения, закрепления и активизации специфичных для изучаемого языка единиц национально-культурного содержания, извлекаемых из читаемых на занятиях текстов. В этой связи овладение приемами лингвострановедческого прочтения и анализа текстов является одной из задач обучения.

Для обозначения языкового содержания отраженного в слове культурного опыта носителей языка в лингвострановедении используется понятие *логоэпистема* (*логос* – слово, *эпистема* – значение). Примерами русских логоэпистем являются словосочетания типа *Куликовская битва*, *Илья Муромец*, *А Васька слушает да ест*, нуждающиеся для своего понимания в лингвострановедческом и культуроведческом анализе. Распространение получил и другой термин, введенный для

характеристики единицы взаимодействия языка и культуры – «концепт» – «сгусток культуры в сознании человека, отраженный в слове» [Степанов, 1997, с. 40].

В 1990-е гг. в связи с большим интересом, проявляемым на занятиях по практике языка к культуре страны изучаемого языка, произошло выделение из страноведения в качестве самостоятельного аспекта преподавания новой дисциплины – *культуроведение*. Его предметом стала совокупность сведений о культуре страны изучаемого языка, необходимых для общения на этом языке. Некоторые исследователи считают целесообразным объединение страно- и культуроведения в рамках одной дисциплины, определяемой как «Мир изучаемого языка» [Тер-Минасова, 2000].

Наконец, на стыке лингвистики и культуроведения в конце 1990-х гг. оформилась еще одна научная дисциплина, получившая название *лингвокультурология* [Маслова, 2007, 2008; Воробьев, 2008]. Эта комплексная научная дисциплина изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессах межкультурной коммуникации. Ее предметом является материальная и духовная культура, т.е. все то, что составляет «языковую картину мира» носителя языка. В число объектов исследования этой дисциплины включаются также речевое поведение, речевой этикет, взаимодействие языка и культур, текст как единица культуры. Было предложено и название единицы этой дисциплины – *лингвокультурема*, которая рассматривается как единица, соединяющая в себе как собственно языковое содержание, так и тесно связанную с ним внеязыковую культурную среду.

Целенаправленные занятия по названным дисциплинам ведут к формированию *социокультурной компетенции*, которая включает знания о стране изучаемого языка (ее культуре, традициях и национальных обычаях, верованиях и ценностных ориентирах), способность извлекать из единиц языка соответствующую информацию и пользоваться ею в различных ситуациях общения. В настоящее время все чаще стали употреблять термин *межкультурная компетенция*, показателем владения которой является правильность речи не только с точки зрения норм изучаемого языка, но и с точки зрения его культурного контекста на основе сравнения разных культур. Ведь для успешного общения необходимо владеть не только одинаковыми языковыми средствами собеседника (фонетическими, лексическими, грамматическими навыками), но и общими содержательными знаниями о мире, т.е. тем, что принято называть фоновыми знаниями.

Однако следует отметить, что не решены «вопросы, какой культуре обучать, какие культурные факты отбирать для лингводидактических

целей, т.е. каким конкретным содержанием наполнять иноязычную социокультурную компетенцию, каковы роль и значение родной культуры в обучении иноязычной социокультурной компетенции» [Барышников, 2014].

В программах по иностранным языкам четко сформулированы современные требования к процессу обучения / изучению иностранных языков: умение выделять общее и различное в культуре родной страны и страны/стран изучаемого языка, стремление к осознанию культуры своего народа и готовность содействовать ознакомлению с ней представителей других стран, формирование умения представлять свою страну, ее культуру в условиях межкультурного общения, что требует решения как теоретических, так и практических задач. Однако необходим тщательный отбор фактов родной культуры и культуры страны изучаемого языка, чтобы обучающиеся были способны обнаружить общее и отличительное в своей национальной культуре и культуре страны изучаемого языка.

Такой подход реализован в современных учебниках по французскому языку издательства «Просвещение» для разных этапов обучения [Григорьева, Горбачева, Лисенко, 2019; Григорьева, Горбачева, 2019а, 2019б]. Особое значение придается не только способности пользоваться языком как средством общения в устной и письменной форме, но и знаниям национально-культурных особенностей речевого и неречевого поведения в своей стране и стране изучаемого иностранного языка; применению этих знаний в различных ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения; распознаванию и употреблению в устной и письменной речи основных норм речевого этикета (реплик-клише), принятых в стране изучаемого языка.

Обучение романским языкам на основе лингвокультурологического подхода

Цивилизационная миссия Италии и Франции для всемирной истории неоспорима. Изучение констант итальянской/французской культуры как репрезентантов национальной идентичности на примере таких тем, как культурные универсалии (отношение к природе, отношение ко времени; отношение к пространству, отношение к общению, отношение к власти); национальный характер; константы итальянской и французской культуры (гастрономия, культура, мода) – этноунифицирующие и этнодифференцирующие тенденции, учит студентов анализировать, критически оценивать, применять и творчески видоизменять подходы к обучению иностранным языкам, обеспечивающие развитие языковых, интеллектуальных и познавательных способностей. А также уметь

проектировать и организовывать совместную с обучающимися работу по изучению проблем межкультурной коммуникации и диалога культур с использованием отечественных и зарубежных исследований [Филиппова, 2010; Шевлякова, 2011; Хунагов, 2012; Загряжкина, 2015].

В соответствии с требованиями ФГОС ВО по направлению подготовки 050100.68 Педагогическое образование (уровень магистратуры) в институте иностранных языков МГПУ была разработана образовательная программа «Обучение романским языкам на основе лингвокультурологического подхода», в рамках которой обучающиеся получают представления о языке как отражении и фиксации культуры и о культуре сквозь призму языка. Формирование соответствующего научного мировоззрения на основе базовых знаний о взаимозависимости и взаимообусловленности языка и культуры, а также формирование у обучающихся общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и специальных компетенций обеспечивает их готовность и способность к педагогической деятельности в сфере обучения романским языкам на основе лингвокультурологического подхода.

В образовательной программе «Обучение романским языкам на основе лингвокультурологического подхода» представлены все модули согласно направлению подготовки Педагогическое образование, однако акцент был сделан на модули лингвокультурологической направленности, формирующие профессиональные и специальные компетенции. Прежде всего, изучаются теоретические и исторические основы лингвокультурологии, понятие культурологического минимума, учитывание национально-культурного компонента языковых единиц, а также анализируется лингвокультурологическое содержание в современных учебниках иностранных языков (французского и итальянского). Основная задача – научить студентов понимать статус лингвокультурологии в системе лингвистических и культурологических дисциплин [Алефиренко, 2013; Маслова, 2018], сформировать у обучающихся филологические и лингвистические компетенции, позволяющие комплексно и эффективно оперировать сводами базовой и культурной лексики в пределах романского языкового ареала. Основной акцент делается на межпредметность иностранного языка как учебной дисциплины и ее взаимосвязь практически со всеми сферами социально-гуманитарного и социально-экономического знания: история, культурология, политика, социология, демография и др. [Флеров, 2016].

Дисциплина «Культурные константы романского мира» представляет основные факты истории и пути формирования культуры стран романского языкового ареала, выступающие константами и скрепами

их национально-культурной и языковой общности. Студенты овладевают навыками лексикографического исследования, основами классификации лексики для составления контекстного словаря культурной системы. На практических занятиях исследуют формирование универсального романского транстермина на примере таких тем: романская архитектура как стилиобразующий фактор культуры стран романского языкового ареала; католическая церковь в жизни социума стран романского языкового ареала; основные проблемы культурного и языкового взаимодействия в современном романском мегаполисе (Рим, Мадрид, Париж).

В задачи дисциплины «Доминанты итальянской и французской национальной идентичности» входит выявление доминант национальной идентичности, целенаправленно конструируемых государством в национальной символике, официальных праздниках, в имидже политических лидеров, в языковой политике государства. Открытие доминант национальной идентичности, исторически сложившихся в коллективных представлениях нации на рубеже XX–XXI вв. позволяет выявить положительный образ нации и страны в учебниках итальянского/французского языка для иностранцев.

Представление значимых исторических фигур двух стран: философов, мыслителей, писателей, государственных деятелей, – комментирование их биографий и творческих достижений, определение тематики, проблематики, художественного смысла и исторического назначения их достижений, осознание их вклада в мировую культуру реализуется в рамках дисциплины «Франко-итальянские связи в историко-культурном аспекте». Изучение контактов романских культур в области искусства и литературы на различных исторических этапах с позиций философии эволюционного развития и эстетических характеристик разных эпох: Возрождения, классицизма, барокко, реализма, модернизма, постмодернизма, – отражает междисциплинарный характер настоящей дисциплины и учит студентов сопоставлять прочитанное с различными культурно-философскими подходами; осмыслять закономерности познания и культурных контактов, обусловленных историей; увидеть рельефные картины истории. Узнать и понять связь историко-культурных аспектов Франции и Италии студенты могут на материале разделов курса: «Искусство и литература в эпоху Итальянских походов Франциска I: Леонардо да Винчи / Поль Валери»; «Итальянский и французский модернизм (д'Аннунцио / М. Пруст)»; «Итальянская и французская лингвистика (семиотика): Умберто Эко / Ролан Барт».

В задачи дисциплины «Медиакурс в романском ареале» входит изучение особенностей печатного дискурса (фотографии, газеты,

журналы, книгоиздательская продукция): языковые и невербальные составляющие; анализ дискурсов современной рекламы; гендерные, возрастные, этнические, расовые «семиотики» рекламы; игра с формой в изобразительной эстетике и художественной литературе; вербально-визуальное единство в поликодовом тексте. Студентам предлагается освоить классические и новейшие социологические подходы к изучению медиадискурса, ознакомиться с проблематикой семиологических и коммуникационных исследований медиатекстов, овладеть терминологическим аппаратом современной социологии медиадискурса, и в результате обучения – сформировать профессиональную компетенцию самостоятельного продуцирования и анализа разнообразных дискурсов масс-медиа (на французском и итальянском языках).

Дисциплина «Языковая политика Италии и Франции» нацелена на развитие общекультурных и профессиональных компетенций, позволяющих студентам сформировать адекватные и устойчивые представления о роли языка в процессах развития страны, изучая модели языковой политики Франции и Италии. Исследование актуальных национально-языковых вопросов во Франции затрагивает следующие темы: целенаправленная замена англоязычной терминологии французской лексикой (спортивный и компьютерный типы дискурса); сформулированные и утвержденные на правительственном уровне требования к использованию заимствований (рекламный и медийный типы дискурса); актуализация вопросов языкового регулирования (политический и медийный типы дискурса); сензитивность общества по отношению к нарушениям языковой нормы (медийный и обиходный типы дискурса) [Филиппова, 2010; Гулинов, 2015; Григорьева, 2016]. Регулирование национально-языковых вопросов в Италии представлено в тематике: лингвистические меры в системе школьного образования, отмена преподавания миноритарных языков; замена иностранных географических названий и имен собственных на итальянские аналоги; издательская политика; развитие национальных языков, языкового суверенитета, языковых прав человека [Рекош, 2014].

Проблемы лингвокультурологии в теории и практике преподавания иностранных (романских) языков изучаются в курсе дисциплин «Лингвокультурологический подход к обучению романским языкам» и «Основы многоязычного образования».

Дисциплина «Лингвокультурологический подход к обучению романским языкам» формирует профессиональную компетенцию будущего педагога через понимание проблем лингвокультурологии в теории и практике преподавания иностранных (романских) языков. Студенты

учатся анализировать уровни освещения культурологического материала в зависимости от целей, времени обучения и интересов обучающихся. Исследуют лингвокультурологический потенциал произведений искусства в обучении иностранным языкам, осваивают приемы лингвокультурологического анализа, учатся делать лингвострановедческий комментарий на базе лингвострановедческих словарей, создают средства зрительной наглядности с лингвокультурологической точки зрения и учитывая лингводидактические требования.

Последнее время французский и итальянский языки все чаще занимают позицию второго иностранного языка в школе и вузе. Дисциплина «Основы многоязычного образования» готовит студентов к самостоятельному моделированию учебного процесса по второму иностранному (романскому) языку. Студенты знакомятся с основными характеристиками процесса овладения вторым иностранным языком с точки зрения психолингвистических и лингвистических закономерностей его усвоения; с концептуальными основами преподавания второго иностранного языка на базе родного (русского) и первого иностранного как системой методических принципов и подходов к построению целостного и оптимально эффективного процесса. Основная задача – выработать у студентов умения моделировать процесс обучения второму иностранному языку с учетом целевого, содержательного и контекстного подходов, умения оценки, выбора и адаптации учебно-методической литературы для определенного образовательного контекста; закрепить навыки применения современных технологий обучения иностранному языку.

Таким образом, появление на стыке лингвистики и культуроведения лингвокультурологии позволяет рассматривать в тесной взаимосвязи изучение языка в культуре и культуры в языке. Цель лингвокультурологии состоит в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. Реализация лингвокультурологического подхода на разных этапах обучения получила свое воплощение в современных учебниках иностранного языка. Особое значение придается способности пользоваться языком как средством общения в устной и письменной форме, знаниям национально-культурных особенностей речевого и неречевого поведения в своей стране и стране изучаемого иностранного языка; применению этих знаний в различных ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения.

Обучение романским языкам на основе лингвокультурологического подхода нашло свое отражение и в вузовских программах Института иностранных языков МГПУ. По направлению подготовки 050100.68

Педагогическое образование (уровень магистратуры) разработана образовательная программа «Обучение романским языкам на основе лингвокультурологического подхода», в рамках которой обучающиеся получают представления о языке как отражении и фиксации культуры и о культуре сквозь призму языка. Цель этой программы – сформировать у обучающихся филологические и лингвистические компетенции, позволяющие комплексно и эффективно оперировать сводами базовой и культурной лексики в пределах романского языкового ареала. Основной акцент делается на межпредметность иностранного языка как учебной дисциплины и ее взаимосвязь практически со всеми сферами социально-гуманитарного и социально-экономического знания: история, культурология, политика, социология, демография.

Библиографический список

Алефиренко, 2013 – Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка: Учеб. пособие. 3-е изд. М., 2013. [Alefirenko N.F. Lingvokult'urologiya: Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology. Axiological space of the language]. Tutorial. 3rd ed. Moscow, 2013. (In Russ.)]

Барышников, 2014 – Барышников Н.В. Обучение иностранным языкам и культурам: методология, цель, метод // Иностранные языки в школе. 2014. № 9. С. 2–9. [Baryshnikov N.V. Teaching foreign languages and cultures: Methodology, aim, methods. *Foreign languages for schools*. 2014. No. 9. Pp. 2–9].

Верещагин, Тамм, 1979 – Верещагин Е.М., Тамм Э.И. К дальнейшему развитию теории и практики лингвострановедческой компарации лексики в преподавании русского языка иностранцам // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1979. [Vereshchagin E.M., Tamm E.I. For further development of theory and practice of linguistic and country study comparison of lexis in teaching the Russian language to foreigners. *Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov (eds.). Moscow, 1979. (In Russ.)]

Верещагин, Костомаров, 1976 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976. [Vereshchagin E.M, Kostomarov V.G. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Country Study through Language in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1976. (In Russ.)]

Верещагин, Костомаров, 1980 – Верещагин Е.М, Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. [Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova [Linguistic and cultural theory of the word]. Moscow, 1980. (In Russ.)]

Воробьев, 2008 – Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. М., 2008. [Vorob'ev V.V. Lingvokult'urologiya [Linguistic culturology]. Moscow, 2008. (In Russ.)]

Григорьева, 2016 – Григорьева Е.Я. Языковая политика Франции: история и современность // Аксиологический аспект иноязычного непрерывного образования: проблемы и решения. (22 июня 2016 г.): Сб. материалов V Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 63–76. [Grigoryeva E.Ya. Language policy in France: history and modernity. *Aksiologicheskii aspekt inoyazychnogo nepreryvnogo obrazovaniya: problemy i resheniya*. (22 iyunya 2016 g.). Moscow, 2016. Pp. 63–76. (In Russ.)].

Григорьева, Горбачева, Лисенко, 2019 – Григорьева Е.Я., Горбачева Е.Ю., Лисенко М.Р. Французский язык. 10–11 кл. Учебник для общеобр. организаций. (Базовый уровень). М., 2019. [Grigoryeva E.Ya., Gorbacheva E.Yu., Lisenko M.R. Frantsuzskii yazyk [French]. 10–11 forms. Textbook for secondary educational institutions (basic level). Moscow, 2019. (In Russ.)]

Григорьева, Горбачева, 2019а – Григорьева Е.Я., Горбачева Е.Ю. Французский язык. 9 кл. Учебник для общеобр. организаций и школ с углубленным изучением французского языка. М., 2019. [Grigoryeva E.Ya., Gorbacheva E.Yu. Frantsuzskii yazyk [French]. 9 form. Textbook for secondary educational institutions and schools with in depth study of the French language. Moscow, 2019. (In Russ.)]

Григорьева, Горбачева, 2019б – Григорьева Е.Я., Горбачева Е.Ю. Французский язык. 8 кл. Учебник для общеобр. организаций и школ с углубленным изучением французского языка. М., 2019. [Grigoryeva E.Ya., Gorbacheva E.Yu. Frantsuzskii yazyk [French]. 8 form. Textbook for secondary educational institutions and schools with in depth study of the French language. Moscow, 2019. (In Russ.)]

Гулинов, 2015 – Гулинов Д.Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции. Волгоград, 2015. [Gulinov D.Yu. Diskursivnye kharakteristiki yazykovoi politiki sovremennoi Frantsii [Discursive characteristics of language policy in Modern France]. Volgograd, 2015. (In Russ.)]

Дейкина, Левушкина, 2012 – Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка как родного, как иностранного и как неродного // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2012. № 4. С. 23–28. [Deikina A.D., Levushkina O.N. The role of linguistic and cultural approach in methods of teaching Russian as a native, foreign and second language. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriiâ Voprosy obrazovaniâ: âzyki i special'nost'*. 2012. No. 4. Pp. 23–28. (In Russ.)]

Загряжкина, 2015 – Загряжкина Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. М., 2015. Zagryazkina T.Yu. Frantsiya i frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura [France and francophony: Language, society, culture]. Moscow, 2015. (In Russ.)]

Маслова, 2018 – Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2018. [Maslova V.A. Lingvokulturologiya. Vvedenie [Linguoculturology. Introduction]. Textbook allowance for undergraduate and graduate programs. Moscow, 2018. (In Russ.)]

Маслова, 2008 – Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: Учеб. пособие для вузов. М., 2008. [Maslova V.A. Sovremennye napravleniya v lingvistike [Modern trends in linguistics]. Textbook manual for universities. Moscow, 2008. (In Russ.)]

Маслова, 2007 – Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для вузов. М., 2007. [Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Textbook manual for universities. Moscow, 2007. (In Russ.)]

Митрофанова, 1999 – Митрофанова О.А. Лингводидактические уроки и прогнозы XX века // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ. Братислава. 1999. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999. [Mitrofanova O.A. Linguodidactic lessons and predictions of the 20th century. *Materialy IX kongressa MAPRYAL. Bratislava. 1999. Doklady i soobshcheniya rossijskih uchenyh.* Moscow, 1999. (In Russ.)]

Прохоров, 1995 – Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. М., 1995. [Prohorov Yu.E. Lingvostranovedenie. Kul'turovedenie. Stranovedenie. Teoriya i praktika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Country Study through Language. Culturology. Country Study. Theory and practice of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1995. (In Russ.)]

Рекош, 2014 – Рекош К.Х. Языковая политика в Европе – Вавилоне XXI века // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3. С. 224–231. [Rekosh K.Kh. Language policy in Europe – Babylon of the XXI century. *MGIMO Review of International Relations.* 2014. № 3. Pp. 224–231. (In Russ.)]

Степанов, 1997 – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. [Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, 1997. (In Russ.)]

Тер-Минасова, 2000 – Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. [Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. Moscow, 2000. (In Russ.)]

Ушинский, 1998 – Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. М., 1998. [Ushinskij K.D. Pedagogicheskie sochineniya: [Pedagogical essays]. Vol. 2. Moscow, 1998. (In Russ.)]

Филиппова, 2010 – Филиппова Е.И. Территория идентичности в современной Франции. М., 2010. [Filippova E.I. Territoriya identichnosti v sovremennoi Frantsii [Territory of identity in modern France]. Moscow, 2010. (In Russ.)]

Флеров, 2016 – Флеров О.В. Лингвострановедение и лингводидактика: точки соприкосновения // Психология, социология и педагогика. 2016. № 10. URL: <http://psychology.snauka.ru/2016/10/7217> (дата обращения: 07.02.2019). [Fleurov O.V. Region and language studies: common aspects. Psychology, sociology and pedagogy. 2016. № 10. URL: <http://psychology.snauka.ru/2016/10/7217> (In Russ.)]

Хунагов, 2012 – Хунагов Р.Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности. Ростов-н/Д., 2012. [Khunagov R.D. Lichnost' i tsivilizatsiya v mire autentichnosti i identichnosti [Personality and civilization in the world of authenticity and identity]. Rostov-on-Don, 2012. (In Russ.)]

Шевлякова, 2011 – Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. М., 2011. [Shevlyakova D.A. Dominanty natsional'noi identichnosti ital'yantsev [Dominants of the national identity of Italians]. Moscow, 2011. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 08.08.2019
The article was received on 08.08.2019

Об авторах / About the authors

Григорьева Елена Яковлевна – доктор педагогических наук; профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет

Elena Ya. Grigoryeva – PhD in Pedagogy; Professor at the Department of Romance Philology of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University

E-mail: egrid@inbox.ru

Черкашина Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой романской филологии Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет

Elena I. Cherkashina – PhD in Philology; Head at the Department of Romance Philology of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3665-2807>

E-mail: elena_chere@inbox.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-148-177

В.В. Сафонова¹, А.А. Корнев¹, М.С. Перевёрткина²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

² Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена,
191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Стратегии развития исследовательских компетенций при подготовке педагогических кадров по предмету «Иностранный язык»

Статья посвящена описанию модели исследовательской подготовки студентов – будущих учителей и преподавателей иностранного языка. Основываясь на ФГОС ВО и Образовательном стандарте МГУ им. М.В. Ломоносова, авторы статьи представляют основные компоненты исследовательских компетенций языкового педагога. Содержание исследовательской подготовки описано для второго, третьего и четвертого года обучения по программам бакалавриата и для двух лет обучения по программам магистратуры. Также в статье предлагаются процедуры и инструменты оценивания исследовательских компетенций студентов. Авторы объединили подходы классического и педагогического университетов, федерального и самостоятельно устанавливаемого стандартов, поэтому данная статья может быть использована как основа для построения программ научно-исследовательской работы, курсов, ориентированных на развитие исследовательских компетенций, а также для создания спецификаций оценивания исследовательской подготовки студентов – будущих преподавателей иностранных языков на разных уровнях образования.

Ключевые слова: исследовательская подготовка, исследовательские компетенции, профессиональная подготовка учителей иностранного языка, выпускная квалификационная работа, магистерская диссертация

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Сафонова В.В., Корнев А.А., Перевёрткина М.С. Стратегии развития исследовательских компетенций при подготовке педагогических кадров по предмету «Иностранный язык» // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 148–177. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-148-177

V. Safonova¹, A. Korenev¹, M. Perevertkina²

¹ Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

² Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Strategies of research competence development in language teacher education

The article presents a model of researcher training of students in university-level language teacher education programmes. Based on the Russian Federal Educational Standard of Higher Education and the Educational Standard of Lomonosov Moscow State University, the authors of the article describe the main components of the language teacher's research competences. The content of researcher training is outlined for the second, third and fourth year of the BA-programmes and the two years of the MA-programmes. The article also suggests research competences assessment procedures and tools. Combining the approaches of a classical and a pedagogical university, federal and university-developed standards, the article can serve as a foundation of researcher training programmes development, design of courses aimed at the development of the research competences and to develop specifications of researcher competences assessment for trainee language teachers on different levels of higher education.

Key words: researcher training, research competences, language teacher education, thesis, master's dissertation

FOR CITATION: Safonova V., Korenev A., Perevertkina M. Strategies of research competence development in language teacher education. *Rhema*. 2019. No. 3. Pp. 148–177. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-3-148-177

1. Введение

Научно-исследовательская деятельность рассматривается как важнейший ресурс на современном этапе развития человеческой цивилизации. Значимость создания эффективной системы организации исследований безусловна и признается мировым сообществом (доклад

ЮНЕСКО по науке «На пути к 2030 году» (https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus). Приоритетность повышения эффективности исследовательской деятельности и необходимость международной интеграции в области науки закреплены на государственном уровне в Российской Федерации в программе «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы» (<http://static.government.ru/media/files/AAVpU2sDAV MQkIHV20ZJZc3MDqCtxt8x.pdf>). Они также находят отражение в программных документах Европейского Союза «The European Code of Conduct for Research Integrity» (https://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/other/hi/h2020-ethics_code-of-conducten.pdf), «Towards a European Framework for Research Careers» (https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/towards_a_european_framework_for_research_careers_final.pdf), определяющих политику научной интеграции в области исследований и инноваций. Таким образом, создание единого международного научно-исследовательского пространства является общепризнанным приоритетом. Однако достижение данной цели невозможно без проектирования продуманной и последовательно осуществляемой стратегии по формированию и развитию у студентов исследовательских компетенций на каждом из уровней образования в высшей школе (бакалавриата, магистратуры, аспирантуры), что позволяет обеспечивать преемственность и отвечает принципам системности, последовательности и непрерывности компетентностно-ориентированного исследовательского развития обучающихся.

Несмотря на то, что вопросы определения понятия «исследовательская компетенция», описания ее структуры и составляющих компонентов изучены достаточно подробно [Ракитина, 2009; Комарова, 2013; Захарова, Суворова, 2015], в российской научно-методической школе в недостаточной степени разработан инструментарий оценивания уровня сформированности данной компетенции, в то время как в ЕС в последнее десятилетие достаточно большое внимание уделяется разработке дескрипторов, необходимых для уровневого градуирования исследовательского труда и структурирования исследовательских умений (Research profiles descriptors, <https://euraxess.ec.europa.eu/career-development/trai-researchers/research-prof-descriptors>). На данный момент в российской образовательной парадигме отсутствуют аналогичные дескрипторы, которые могли бы способствовать поэтапной организации научно-исследовательской деятельности обучающихся, обеспечивая единообразие требований, предъявляемых к научно-научно-исследовательским работам различного уровня и позволяя обучающимся организовать собственную исследовательскую деятельность, опираясь на критерии ее оценивания.

В связи с этим представляется актуальным определить и описать компетенции, овладение которыми будет способствовать формированию, совершенствованию и развитию исследовательских компетенций на каждом из уровней образования в высшей школе, предложить поэтапную модель формирования исследовательских компетенций обучающихся в высшей школе, причем в данной статье внимание будет сконцентрировано на стратегии и сути компетентностного подхода к разработке единых параметров и критериев оценивания исследовательских работ студентов бакалавриата и магистратуры.

В отечественной научной литературе достаточно подробно изучены понятия «исследование» и «исследовательская компетенция» [Шкерина, 2010; Терешков, 2011; Елагина, 2012; Ибрагимова, Идиятов, 2015 и др.], тем не менее следует признать, что трактуются данные понятия достаточно широко [Исследователь XXI века, 2018], в связи с чем возникает необходимость предложить уточненное определение исследовательских компетенций.

В данной статье под исследовательскими компетенциями понимаются интегративные и динамичные свойства личности, формирующиеся в учебном процессе и при самостоятельной исследовательской деятельности обучающихся и выражающиеся в готовности и способности осуществлять научно-исследовательскую деятельность на основе совокупности сформированных знаний, специальных навыков, исследовательских умений и опыта, необходимых и достаточных для качественного выполнения квалификационной исследовательской или научно-исследовательской работы, характерной для каждого уровня образования в высшей школе и/или должностных обязанностей научного работника на каждой ступени его карьерного роста.

2. Методология проектирования содержания исследовательской компетенции

Общезвестно, что в настоящее время в российской образовательной системе содержание высшего образования определяется основными профессиональными образовательными программами, отвечающими требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) либо требованиям образовательных стандартов, самостоятельно устанавливаемых рядом вузов, которые наделены правом создавать и внедрять в практику обучения собственные образовательные стандарты (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, федеральные университеты, национальные исследовательские университеты). При этом устанавливаемые программой компетенции

(универсальные, общепрофессиональные и предметные) должны быть согласованы с требованиями профессиональных стандартов и соответствовать профессиональной деятельности выпускников. В рамках освоения программ по направлениям подготовки 44.03.01 – «Педагогическое образование» и 45.03.02 – «Лингвистика» обучающиеся готовятся к решению задач при осуществлении различных видов профессиональной деятельности, в том числе и научно-исследовательской, что в полной мере соответствует требованиям профессионального стандарта «Педагог начального общего, основного общего, среднего общего образования» (<http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf>). Анализ данного документа показывает, что для осуществления своих трудовых функций, в частности, общепедагогической функции, педагогам необходимо обладать умениями в организации познавательной-исследовательской, учебно-исследовательской и самостоятельной исследовательской деятельности, а также демонстрировать способность организовывать исследования (эксперимент, обнаружение закономерностей и т.д.). Следовательно, уже в процессе профессиональной подготовки педагогов необходимо уделять значительное внимание формированию их исследовательских компетенций, при этом крайне важным является ознакомить студентов в том числе и с технологией организации собственного исследования, чтобы в дальнейшем на основе полученного опыта они приобрели способность организовывать и руководить учебно-исследовательской деятельностью своих обучающихся.

Представляется важным проанализировать требования, предъявляемые к профессиональной подготовке и организации исследовательской деятельности будущих педагогов, и нормативные документы на предмет выявления роли исследовательской деятельности студентов и установления соответствий между формируемыми компетенциями на уровне бакалавриата и магистратуры. В качестве материалов для анализа будут рассмотрены основные профессиональные образовательные программы, разработанные как на основе положений ФГОС ВО (ФГОС 3+) по направлениям бакалавриата (ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf); ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (<http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf>)) и магистратуры (ФГОС ВО по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика (<http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/450402.pdf>); ФГОС ВО по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (<http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/440401.pdf>)), так и на основе самостоятельно устанавливаемого образовательного стандарта – Образовательного стандарта МГУ им. М.В. Ломоносова по направлению подготовки «Лингвистика»

(http://standart.msu.ru/sites/default/files/standards/035700_lingvistika.pdf). В первую очередь рассмотрим универсальные, общенаучные, системные и общекультурные компетенции¹ (рис. 1).

Проведенный анализ демонстрирует наличие сходных требований, предъявляемых к аналитической деятельности студентов, а также к самостоятельному освоению и использованию новых методов исследования, т.е. к инновационной научно-исследовательской деятельности, при этом положения Образовательного стандарта МГУ им. М.В. Ломоносова (ОС МГУ) обнаруживают также отдельное требование, касающееся владения студентами методологией научного исследования в избранной профессиональной области, что представляется важным условием для развития их исследовательской компетенции.

Перейдем к рассмотрению профессиональных компетенций студентов (рис. 2). Отметим, что формирование профессиональных компетенций студентов связано с овладением ими технологиями и приемами исследовательской деятельности, а также приемами исследования эффективности их применения в образовательных учреждениях. Кроме того, студенты должны обладать способностью к использованию и углублению собственных знаний для решения исследовательских задач, а также способностью анализировать результаты проведенных научных исследований в сфере будущей профессиональной деятельности. Немаловажным является наличие у студентов готовности к освоению новых методов исследования и самостоятельному решению исследовательских задач [Казанцева, 2014]. Все вышеперечисленные составляющие исследовательских компетенций студентов позволят им организовывать, проводить научно-исследовательскую работу, а также руководить в дальнейшем исследовательской работой своих подопечных.

Таким образом, проведенный анализ убедительно демонстрирует, что вне зависимости от того, руководствуется ли образовательное учреждение высшего образования требованиями ФГОС или его деятельность регламентируется самостоятельно устанавливаемым образовательным стандартом, особое внимание должно уделяться формированию способности и готовности студентов к осуществлению самостоятельной научно-исследовательской деятельности и руководству учащимися при выполнении исследовательских работ.

Научно-исследовательская деятельность может быть реализована в различных формах, при этом хотелось бы выделить иерархию основных форм и продуктов исследовательской работы, получаемых в ходе

¹ Универсальные компетенции в Образовательном стандарте МГУ им. М.В. Ломоносова соответствуют общекультурным.

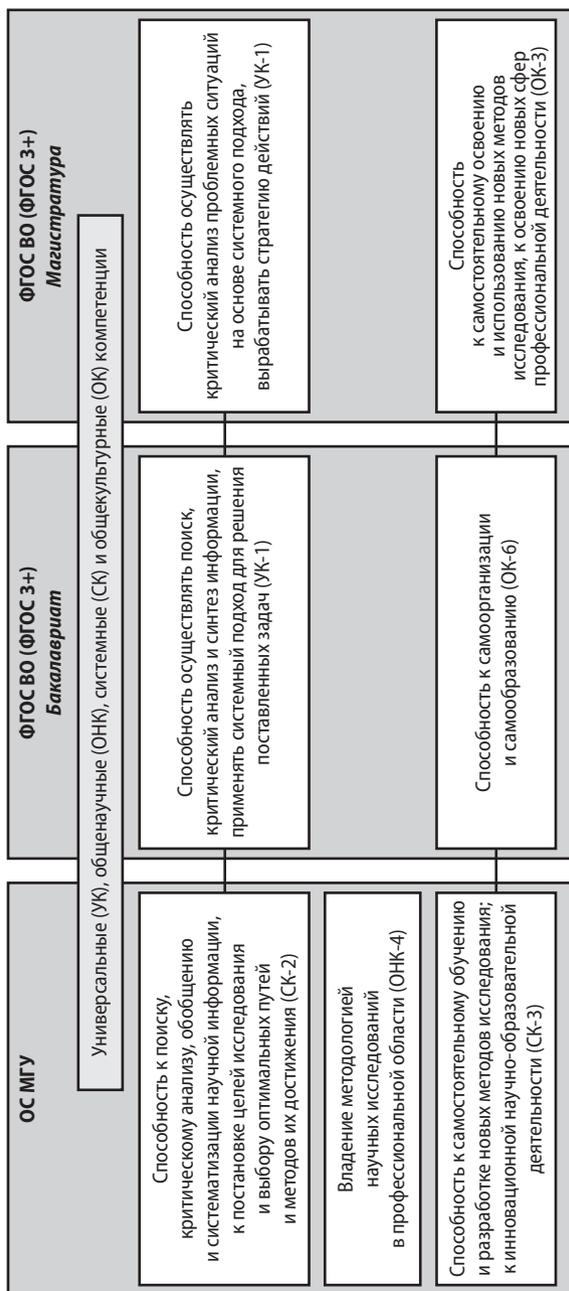

Рис. 1. Сравнительный анализ универсальных, общенаучных, системных и общекультурных компетенций

ОС МГУ	ФГОС ВО (ФГОС 3+) Бакалавриат	ФГОС ВО (ФГОС 3+) Магистратура
<p>Владение методологическими принципами и методическими приемами исследования в различных сферах профессиональной деятельности (ПК-1)</p>	<p>Профессиональные компетенции (ПК)</p>	
<p>Способность к самостоятельному использованию имеющихся и пополнению недостающих теоретических знаний для собственных научных исследований (ПК-6)</p>		
<p>Владение основами реферирования научных исследований отечественных и зарубежных специалистов в сфере профессиональной деятельности и основами библиографической культуры (ПК-7)</p>		
<p>Владение навыками квалифицированного анализа, обобщения и комментирования результатов научных исследований отечественных и зарубежных специалистов в сфере профессиональной деятельности (ПК-10)</p>		
<p>Готовность к самостоятельному освоению инновационных областей и новых методов исследования (ПК-12)</p>		
<p>Владение навыками организации и проведения научно-исследовательских работ в соответствии со специализацией профессиональной подготовки (ПК-23)</p>		

Рис. 2. Сравнительный анализ профессиональных компетенций

обучения, которые также могут составлять основу промежуточной и итоговой аттестации в рамках разных годов обучения (рис. 3). Представляется важным, чтобы данные работы рассматривались студентом и преподавателем как составляющие исследовательского портфолио студента.

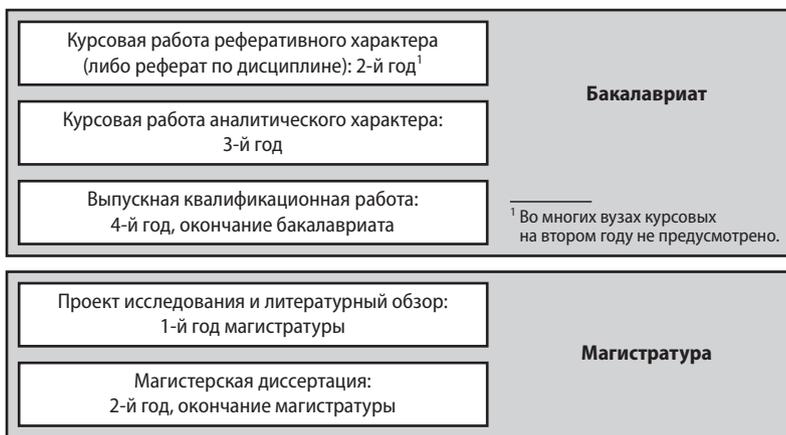

Рис. 3. Основные формы промежуточной и итоговой аттестации научно-исследовательской деятельности по годам обучения (курсам)

Далее в статье будут приведены различные шкалы оценивания продуктов исследовательской работы студентов, которые могут быть использованы в высшей школе. Представляется, что для итоговой аттестации следует использовать достаточно подробные шкалы с детально прописанными дескрипторами, учитывая то обстоятельство, что данную процедуру оценивания можно условно отнести к тесту высоких административных решений (high-stakes test).

3. Основное содержание обучения в рамках научно-исследовательской деятельности

Основной целью научно-исследовательской деятельности в бакалавриате является подготовка студентов к выполнению профессиональных задач на уровне требований стандарта в рамках выполнения образовательной программы по соответствующему направлению подготовки и к продолжению обучения по образовательным программам высшего образования. Следует отметить, что на данной стадии особенно важно, чтобы формируемые компоненты исследовательских компетенций были применимы в разных сферах профессиональной деятельности,

т.к. некоторые студенты могут принять решение об изменении направления обучения в магистратуре, а также в силу того, насколько динамично изменяются профессиональные задачи учителя иностранного языка и лингвиста за последние 10 лет. Признавая право научных руководителей и преподавателей, ведущих научно-исследовательские семинары по специальным курсам, самостоятельно определять содержание и методы исследовательской подготовки, тем не менее, представляется полезным выработать общую основу с точки зрения знаний, навыков и умений научно-исследовательской деятельности, которые могли бы служить единими ориентирами и позволить организовать их системное и поступенчатое развитие (табл. 1–3).

Целями научно-исследовательской работы в магистратуре является овладение соответствующими компетенциями, описанными в стандарте, на основании которого ведется обучение (ФГОС ВО либо ОС МГУ) в достаточной мере для проведения собственных исследования под руководством более опытного ученого (научного руководителя) и обучения на следующем уровне высшего образования – в аспирантуре. Примерное содержание обучения в рамках научно-исследовательской работы в магистратуре представлено в табл. 4 (первый год обучения) и 6 (второй год обучения). Параметры и критерии оценки реферата (научного обзора), который можно рассматривать как результат научно-исследовательской работы первого года обучения в магистратуре, содержатся в табл. 5.

Как следует из приведенных табл. 1–4, 6, для оценивания уровня сформированности целевых компетенций может использоваться широкий спектр инструментов, но ключевым из них по-прежнему остается итоговая курсовая работа. Представляется важным, чтобы критерии оценивания курсовых работ составлялись с учетом критериев оценивания выпускной квалификационной работы и магистерских диссертаций и описывались в программах соответствующих курсов.

Важным шагом в данной работе была разработка на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова критериев оценивания для Конкурса научных работ реферативного характера (проводится с 2017 г.) и Конкурса курсовых работ (проводится с 2013 г.) (табл. 7). Данные конкурсы позволили повысить ценность качественной научно-исследовательской деятельности в глазах студентов 2-го и 3-го курса бакалавриата и 1-го курса магистратуры и апробировать набор критериев оценивания для научных работ реферативного характера (что примерно соответствует курсовой работе за 2-й курс бакалавриата и 1-й курс магистратуры) и курсовых работ (2-й и 3-й курс бакалавриата).

Таблица 1

Примерное содержание обучения в рамках научно-исследовательской работы на 2-м году обучения в бакалавриате

Цели обучения	Основное содержание исследовательской подготовки	Методы и формы работы
<ul style="list-style-type: none"> • Развитие общей информативной грамотности • Формирование представлений о специфике исследовательского труда и его составляющих • Формирование понятия об этике научных исследований и ценностной установке следования данной этике 	<p>Основное содержание исследовательской подготовки</p> <ul style="list-style-type: none"> • Знания об этике научных исследований • Знания о специфике рациональной деятельности • Знания об основных сферах исследования и проблематике исследований • Знания о способах поиска и обработки информации • Знания о способах обоснования актуальности исследования • Знание жанровой специфики и структуры тезисов доклада, аннотации статьи, статьи, выпускной квалификационной работы, магистерской и кандидатской диссертации • Умение анализировать различные публикации и оценивать их достоверность • Умение обосновывать новизну исследования • Умение определять объект и предмет исследования • Умение критического чтения: конспектирование, аннотирование, анализ позиции, анализ структуры, обобщение, умение различать факты, суждения и оценки • Умение грамотно оформлять ссылки на использованные источники • Умение поддерживать научного стиля изложения информации в устной и письменной речи 	<p>Методы и формы работы</p> <ul style="list-style-type: none"> • Анализ источников • Знакомство с журналами и материалами конференций, анализ их содержания • Реферирование научных тезисов, статей, монографий, диссертаций • Индивидуальные и групповые проекты информационного типа • Создание проекта собственного индивидуально-исследовательского исследования • Устные презентации в научном стиле изложения с наблюдением строения регламента, само- и взаимооцениванием
<p>Параметры и критерии оценки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • анализ степени актуальности и новизны выбранной темы для реферирования; • степень раскрытия сути проблемы; • обоснованность выбора источников для исследовательского анализа; • соблюдение требований к оформлению и представлению исследовательского продукта; • культура научной речи на русском языке (если работа или ее части представлены на иностранном языке, то и на иностранном языке) 	<p>Реферат или курсовая работа реферативного характера</p>	

Таблица 2

Примерное содержание обучения в рамках научно-исследовательской работы на 3-м году обучения в бакалавриате

Цель обучения	Основное содержание исследовательской подготовки	Методы и формы работы
<p>Развитие умения планирования исследования и использования различных методов</p>	<ul style="list-style-type: none"> Знание о принципах и правилах построения суждений и оценок Знания о правилах взаимодействия в научном коллективе Умение оценивать теоретическую значимость исследования Умение совместно с научным руководителем планировать исследование: описание целей, задач, теоретической основы исследования, формулирование объекта, предмета, актуальности, новизны, практической ценности и теоретической значимости, методов, основных стадий, необходимых ресурсов и ожидаемых результатов Умение использовать основные количественные и качественные методы исследования (включая основы статистического анализа) Умение использовать эмпирические методы исследования: наблюдения, интервью, фокус-группы Умение воспринимать работу в команде как эффективный способ решения научных задач, контролировать собственное поведение во время работы в научном коллективе, вносить свой вклад в работу научного коллектива, проявлять инициативу 	<ul style="list-style-type: none"> Сравнительный анализ методов исследования Обоснование выбора методов исследования исходя из цели и доступных ресурсов Исследовательские задания, требующие использования различных методов исследования Индивидуальные и групповые проекты исследовательского типа с последующей презентацией (в т.ч. в рамках учебных конференций и научных конференций молодых ученых) Защита курсовой работы по формату защиты выпускной квалификационной работы, принятому на кафедре
<p>Параметры и критерии оценки:</p> <ul style="list-style-type: none"> анализ степени актуальности и новизны выбранной темы; четкость постановки исследовательской задачи; глубина анализа существующих подходов к решению данной задачи; убедительность системы доказательств и научной аргументация; обоснованность выводов и результатов исследования; полезность и применимость результатов исследовательской работы; соблюдение требований к оформлению и представлению исследовательского продукта; культура научной речи на русском языке (если работа или ее части представлены на иностранном языке, то и на иностранном языке) 	<p>Курсовая работа аналитического характера</p>	

Таблица 3

Примерное содержание обучения в рамках научно-исследовательской работы на 4-м году обучения в бакалавриате

Цели обучения	Основное содержание исследовательской подготовки	Методы и формы работы
<ul style="list-style-type: none"> • Развитие умения планирования собственного исследования • Моделирование образовательных продуктов на основе проведенного исследования 	<ul style="list-style-type: none"> • Умение самостоятельного планирования и согласования плана выпускной квалификационной работы: описание целей, задач, теоретической основы исследования, формулирование объекта, предмета, актуальности, новизны, практической ценности и теоретической значимости, методов, основных стадий, необходимых ресурсов и ожидаемых результатов • Умение самостоятельного поиска источников по выбранной тематике исследования • Умение написания научного обзора по выбранной теме • Умение анализа эмпирических данных по выбранной теме • Умение создания новых образовательных продуктов: моделирование содержания, технологий, методов, средств и приемов обучения на основании проведенного исследования и аргументация их практической ценности • Умение грамотного оформления выпускной квалификационной работы в соответствии с актуальными требованиями • Умение самостоятельного корректирования содержания и оформления выпускной квалификационной работы • Умение грамотной презентации выпускной квалификационной работы • Умение логически грамотно рассуждать и обосновывать свои выводы 	<ul style="list-style-type: none"> • Создание и согласование проекта выпускной квалификационной работы • Творческие задания по созданию образовательных продуктов (системы упражнений, набора приемов, методических рекомендаций, контрольно-измерительных материалов с возможной апробацией и т.д.) • Индивидуальные консультации с научным руководителем • Презентация и групповое обсуждение различных частей выпускной квалификационной работы (теоретической, аналитической и практической) • Научный доклад по теме выпускной квалификационной работы в формате (мини-)конференции и защиты выпускной квалификационной работы • Коучинг студентов 2–3 годов обучения

Выпускная квалификационная работа

Параметры и критерии оценки:

- актуальность и терминологическая корректность формулировки темы;
- описание объекта, предмета, целей, задач, теоретической значимости, новизны и практической ценности исследования;
- структура и логичность работы;
- глубина теоретического анализа;
- валидность используемых методов исследования и обоснованность выводов;
- практическая ценность результатов работы;
- соблюдение требований к оформлению и представлению исследовательского продукта;
- культура научной речи на русском языке (если работа или ее части представлены на иностранном языке, то и на иностранном языке)

Таблица 4

Примерное содержание обучения в рамках научно-исследовательской работы на 1-м году обучения в магистратуре

Цели обучения	Основное содержание исследовательской подготовки	Методы и формы работы
<ul style="list-style-type: none"> • Актуализация знаний и умений, полученных в бакалавриате • Планирование исследования и использование эмпирических методов 	<ul style="list-style-type: none"> • Знания о различных типах педагогических экспериментов • Знания о структуре и требованиях, предъявляемых к магистерской диссертации • Знания о наиболее актуальных направлениях исследований в области методики преподавания иностранных языков • Умение самостоятельно выбирать тему исследования • Умение планировать исследование: описание целей, задач, теоретической основы исследования, формулирование объекта, предмета, актуальности, новизны, практической ценности и теоретической значимости, методов, основных стадий, ожидаемых результатов • Умение грамотно планировать и обосновывать педагогический эксперимент • Умение совместной научной деятельности с другими исследователями • Умение решать задачи организационного обеспечения научных мероприятий 	<ul style="list-style-type: none"> • Формулирование темы исследования • Обоснование выбора темы исследования с точки зрения актуальности, предполагаемой новизны, теоретической значимости и практической ценности • Формулирование объекта и предмета исследования • Формулирование целей и задач исследования • Написание проекта исследования, включающего описание целей, задач, теоретической основы, объекта, предмета, актуальности, новизны, практической ценности и теоретической значимости, методов, основных стадий, необходимых ресурсов и ожидаемых результатов • Публичная презентация и защита проекта исследования • Совместная работа и выполнение роли наставника по отношению к более молодым исследователям (например, студентам бакалавриата) • Работа в организационном комитете конференции в качестве помощника и исполнителя
<p>Реферат (научный обзор) по выбранной теме исследования, который можно рассматривать как первую главу магистерской диссертации</p>		

**Параметры и критерии оценки реферата
(научного обзора)**

Параметры оценки	Критерии оценки
1. Актуальность и новизна выбранной темы (30 баллов)	1) актуальность выбранной темы (10 баллов); 2) формулирование нового аспекта выбранной темы (10 баллов); 3) освещение новейших исследований (5 баллов); 4) наличие авторской позиции, самостоятельность суждений (5 баллов)
2. Степень раскрытия проблемы (30 баллов)	1) соответствие содержания теме реферата (5 баллов); 2) логика построения и изложения (5 баллов); 3) полнота и глубина раскрытия проблемы (5 баллов); 4) умение работать с научной литературой, систематизировать и структурировать материал (5 баллов); 5) умение обобщать, сопоставлять различные точки зрения по рассматриваемому вопросу, аргументировать основные положения и выводы (5 баллов); 6) владение терминологией / терминологическим аппаратом специальности (5 баллов)
3. Обоснованность выбора источников (10 баллов)	1) соответствие используемого материала теме реферата (5 баллов); 2) авторитетность и достоверность источников (5 баллов)
4. Соблюдение требований к оформлению (15 баллов)	1) правильное оформление ссылок на используемую литературу (5 баллов); 2) соблюдение требований к объему реферата (5 баллов); 3) культура оформления: выделение заголовков, разделов, абзацев, выбор шрифта, интервалов, правильное оформление полей (5 баллов)
5. Стиль и грамотность изложения материала (15 баллов)	1) отсутствие орфографических и синтаксических ошибок, стилистических погрешностей (5 баллов); 2) отсутствие опечаток, сокращений слов, за исключением общепринятых и специально введенных (5 баллов); 3) соблюдение научного стиля изложения (5 баллов)

Таблица 6

Примерное содержание обучения в рамках научно-исследовательской работы на 2-м году обучения в магистратуре

Цель обучения	Основное содержание исследовательской подготовки	Методы и формы работы
<p>Проведение самостоятельного исследования, отвечающего требованиям, предъявляемым к магистерским диссертациям</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Знания о целях использования, преимуществах и недостатках различных методов исследования • Умение методически грамотно проводить педагогический эксперимент • Умение использовать качественные и количественные методы исследования • Умение структурирования и написания магистерской диссертации • Умение публичной презентации и защиты результатов исследования • Умение управлять собственным временем для решения исследовательских задач • Умение осуществлять адекватную самооценку собственной научной деятельности • Умение решать задачи организационного обеспечения научных мероприятий, в т.ч. принимать ответственность за определенные аспекты организации 	<ul style="list-style-type: none"> • Написание практической главы исследовательского эксперимента • Написание тезисов доклада • Выступление с докладом на конференции • Работа в организационном комитете конференции в качестве исполнителя и ответственного за определенный аспект • Защита магистерской диссертации • Совместная работа и выполнение роли наставника по отношению к более молодым исследователям (например, студентам бакалавриата)
<p>Выпускная квалификационная работа</p> <p>Параметры и критерии оценки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • актуальность и грамотность формулировки темы; • описание объекта, предмета, целей, задач, теоретической значимости, новизны и практической ценности исследования; • композиционное структурирование работы; • степень раскрытия проблемы; • адекватность используемых методов исследования и обоснованность выводов; • практическая ценность результатов работы; • соблюдение требований к оформлению и представлению исследовательского продукта и культура научной речи на русском языке (если работа или ее части представлены на иностранном языке, то и на иностранном языке) 		

**Шкала оценивания
в рамках конкурса курсовых работ**

Критерий (Да – критерий выполнен, Нет – не выполнен)	Нет 0 баллов	Да, но с оговорками 0,5 баллов	Да 1 балл
Актуальность и новизна выбранной темы			
Четкость постановки задачи			
Глубина анализа существующих подходов к решению данной задачи			
Убедительность системы доказательств и научной аргументация			
Обоснованность выводов и результатов исследования			
Полезность и применимость результатов работы			
Качество оформления и грамотность			

4. Итоговое оценивание научно-исследовательской деятельности студентов бакалавриата и магистратуры

Представляется необходимым при проведении процедур государственной итоговой аттестации студентов рекомендовать оценивать не только непосредственно сам продукт научно-исследовательской деятельности (хотя именно этот компонент оценивания должен быть ведущим, т.к. в современной научной деятельности продуктивность является одним из важнейших критериев эффективности научного работника), но и проводить комплексное оценивание соответствия исследовательской подготовки обучающегося направлению и научному профилю защищающегося на основании подробно описанных критериев и с опорой на отзыв научного руководителя и рецензента. Таким образом, в самой работе можно было бы оценивать актуальность, новизну, валидность, структуру, глубину анализа, практическую ценность и оформление исследования, и именно эти критерии должны находить отражение в отзыве рецензента. Во время презентации и ответа на вопросы следует оценивать культуру академической устной речи, владение тематикой исследования и умение научной аргументации выбранной позиции.

Отзыв научного руководителя должен позволить оценивающим сделать вывод о степени самостоятельности работы, умении выпускника взаимодействовать с другими учеными, планировать и структурировать свою работу и нести ответственность за ее результаты. Также научный руководитель должен сообщать об интересе выпускника к научной деятельности и опыте участия в конференциях и публикации (подготовки к публикации) научных и методических работ.

Таким образом, можно предложить параметры и критерии оценивания для выпускной квалификационной работы, которые представлены в виде примерной сравнительной шкалы оценивания выпускной квалификационной работы на уровне бакалавриата и магистратуры (табл. 8).

Следует рекомендовать, чтобы члены комиссии сначала проводили оценку работ по критериям и лишь затем приступали к обсуждению итоговых баллов и оценок. Это позволило бы снизить влияние членов комиссии на оценки друг друга и получить более многостороннее оценивание.

Во время защиты выпускной квалификационной работы можно рекомендовать, чтобы часть членов комиссии проводили оценку работы (не менее двух), а другие члены комиссии (не менее двух) работали с критериями оценивания устного выступления (защиты) работы. Для оценивания устного выступления предлагается примерная шкала оценивания (табл. 9).

Как правило, на презентацию результатов своего исследования (выступление с докладом по проведенному исследованию) выпускникам бакалавриата предоставляется от 7 до 15 минут (в зависимости от вуза и подразделения и общего количества студентов), а на защиту магистерской диссертации – от 10 до 20 минут. Далее члены комиссии и другие присутствующие имеют возможность задать студенту вопросы по теме исследования, после чего выступает научный руководитель.

Представляется важным, чтобы научный руководитель давал оценку не столько самой работе, а именно личности студента как молодого исследователя, описывал уровень развития исследовательских умений и описывал степень заинтересованности и самостоятельности студента во время научной работы. Таким образом, можно предложить следующие объекты оценивания для отзыва научного руководителя:

- общая заинтересованность в исследовательской работе и выбранной сфере исследования;
- уровень владения методами исследовательской деятельности (уровень умений теоретического анализа, владение количественными и качественными методами исследования, экспериментом и т.д., в том числе за рамками представляемого на защите исследования);

Шкала оценивания текста выпускной квалификационной работы

Параметры оценивания	Шкала оценивания	Бакалавриат	Магистратура
Актуальность и корректность формулировки темы	Отлично (8–10 баллов)	Тема корректно сформулирована и позволяет судить о содержании работы. Актуальность обоснована и не вызывает сомнений	
	Хорошо (5–7 баллов)	Формулировка темы позволяет судить о содержании работы, но есть отдельные неточности формулировок и/или актуальность работы недостаточно обоснована	
	Удовлетворительно (3–4 балла)	Формулировка темы позволяет делать предположения о содержании выпускной квалификационной работы, но не полностью отражает содержание работы. Сделана попытка описать актуальность работы	
	Неудовлетворительно (0–2 балла)	Тема не соответствует содержанию работы, или тема содержит ошибки терминологического характера, и/или актуальность работы не описана	
Описание объекта, предмета, целей, задач, теоретической значимости, новизны и практической ценности исследования (далее – ключевые характеристики)	Отлично (8–10 баллов)	Работа содержит грамотное описание ключевых характеристик исследования. Можно предложить лишь незначительные поправки	
	Хорошо (5–7 баллов)	Работа содержит описание практически всех ключевых характеристик, но один или два элемента не представлены либо сформулированы некорректно	
	Удовлетворительно (3–4 балла)	Работа содержит описание большей части ключевых характеристик, но три элемента не описаны либо сформулированы некорректно	
	Неудовлетворительно (0–2 балла)	В работе не описано более трех ключевых характеристик, либо их описание некорректно сформулировано и непонятно	

Продолжение табл. 8

Параметры оценивания	Шкала оценивания	Бакалавриат	Магистратура
Композиционное структурирование работы	Отлично (8–10 баллов)	Композиционное структурирование текста работы полностью отвечает нормам научного представления результатов исследования. Выводы по главам емко отражают содержание глав, а заключение содержит выводы по работе, ограничения и дальнейшие направления исследования	Композиционное структурирование текста работы полностью отвечает нормам научного представления результатов исследования. Выводы по главам в целом отражают содержание глав, а заключение содержит выводы по работе
	Хорошо (5–7 баллов)	Композиционное структурирование текста работы в основном отвечает нормам научного представления результатов исследования. Выводы по главам в целом отражают содержание глав, а заключение содержит выводы по работе	Работа разделена на главы. Заключение содержит выводы по работе
	Удовлетворительно (3–4 балла)	Композиционное структурирование текста работы не отвечает нормам научного представления результатов исследования. Работа не разделена на главы и/или не содержит заключения	
Степень раскрытия проблемы исследования	Отлично (8–10 баллов)	Работа содержит анализ широкого круга предыдущих исследований по данной тематике и представляет современное состояние исследований по выбранной тематике в России и за рубежом	Работа содержит анализ широкого круга предыдущих исследований по данной тематике в различных научных школах и представляет современное состояние исследований по выбранной тематике в России и за рубежом, в том числе в смежных областях. Среди проанализированных источников диссертации и статьи в высокорейтинговых журналах, в том числе за последние 10 лет

<p>Работа содержит анализ широкого круга предыдущих исследований по данной тематике и представляет современное состояние исследований по выбранной тематике в России и за рубежом. Среди источников есть статьи в высокорейтинговых журналах, в том числе за последние 10 лет</p>	<p>Работа содержит анализ предыдущих исследований по данной тематике, но не отражено несколько значимых работ. Среди источников есть работы, опубликованные за последние 10 лет в России и за рубежом</p>	<p>Предпринята попытка анализа отдельных исследований по схожей тематике, но данный анализ представляется неполным и не позволяет сделать выводы о состоянии исследований по выбранной тематике. Работа содержит плагиат</p>	<p>Выбор методов исследования адекватен объекту научного исследования. Работа демонстрирует достоверный, научно апробированный и/или экспериментально подтвержденный результат. Наблюдается четкое следование исследовательским процедурам, предполагаемым в рамках выбранных методов</p>
<p>Работа содержит анализ предыдущих исследований по данной тематике, но недостаточно хорошо представляет современное состояние исследований по выбранной тематике в России и/или за рубежом</p>	<p>Работа содержит анализ отдельных предыдущих исследований, но не отражено несколько значимых работ по данной теме</p>	<p>Выбор методов исследования адекватен объекту научного исследования. Работа демонстрирует достоверный результат. Наблюдается четкое следование исследовательским процедурам, предполагаемым в рамках выбранных методов</p>	<p>Выбор методов исследования адекватен объекту научного исследования. Работа демонстрирует достоверный, научно апробированный и/или экспериментально подтвержденный результат. Наблюдается четкое следование исследовательским процедурам, предполагаемым в рамках выбранных методов</p>
<p>Хорошо (5–7 баллов)</p>	<p>Удовлетворительно (3–4 балла)</p>	<p>Неудовлетворительно (0–2 балла)</p>	<p>Отлично (8–10 баллов)</p>
<p>Адекватность используемых методов исследования и обоснованность выводов</p>			

Окончание табл. 8

Параметры оценивания	Шкала оценивания	Бакалавриат	Магистратура
Адекватность используемых методов исследования и обоснованность выводов	Хорошо (5–7 баллов)	Выбор методов исследования в основном адекватен объекту научного исследования. Работа демонстрирует определенный научный результат. Есть небольшие погрешности в использовании определенного метода	Выбор методов исследования в основном адекватен объекту научного исследования, но представляется неполным. Работа демонстрирует определенный научный результат. Есть небольшие погрешности в использовании определенного метода
	Удовлетворительно (3–4 балла)	Работа демонстрирует определенный научный результат, однако его валидность может быть поставлена под сомнение в связи с не всегда корректным использованием методов	Отдельные методы исследования представляются адекватными проблеме исследования. Работа демонстрирует определенный результат, однако его достоверность может быть поставлена под сомнение. Есть попытка обоснования выбора методов исследования
	Неудовлетворительно (0–2 балла)	Работа не демонстрирует нового научного результата	Работа не демонстрирует достоянного научного результата
Практическая ценность результатов работы	Отлично (8–10 баллов)	Результаты исследования могут быть использованы в практической педагогической деятельности в соответствии с современными подходами и регулируемыми документами	Результаты исследования имеют инновационный потенциал и были использованы в практической педагогической деятельности, исходя из современных стандартизирующих документов

Соблюдение требований к оформлению и представлению исследовательского продукта и культуры академической/научной речи на русском и иностранном языке	Хорошо (5–7 баллов)	Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности с незначительной доработкой	Результаты исследования имеют инновационный потенциал и могут быть использованы в практической педагогической деятельности, исходя из стандартизирующих документов, после незначительной доработки
	Удовлетворительно (3–4 балла)	Результаты исследования могут быть использованы в практической педагогической деятельности после значительной доработки	Результаты исследования могут быть использованы в практической педагогической деятельности после значительной доработки. Имеются отдельные несоответствия стандартизирующим документам
	Неудовлетворительно (0–2 балла)	Нет результатов исследования, которые могут быть использованы в практической педагогической деятельности	Нет результатов исследования, которые могут быть использованы в практической педагогической деятельности
Соблюдение требований к оформлению и представлению исследовательского продукта и культуры академической/научной речи на русском и иностранном языке	Отлично (8–10 баллов)	Работа корректно оформлена и содержание погрешностей (лингвистических, форматирования и т.д.) не затрудняющих ее прочтение и восприятие. Работа написана научным стилем	Работа корректно оформлена, но содержит лишь незначительное количество погрешностей (языковых, форматирования и т.п.), временами затрудняющих ее прочтение. Есть отдельные отхождения от научного стиля изложения
	Хорошо (5–7 баллов)	Работа в целом корректно оформлена, но содержит определенное количество погрешностей (языковых, форматирования и т.п.), временами затрудняющих ее прочтение. Есть отдельные отхождения от научного стиля изложения	Работа в целом поддается прочтению, но есть существенные недостатки оформления, затрудняющие ее прочтение. Значительные части работы написаны ненаучным стилем
	Удовлетворительно (3–4 балла)	Работа с трудом поддается прочтению из-за значительного количества ошибок в оформлении и языке	
	Неудовлетворительно (0–2 балла)		

Таблица 9

Шкала оценивания устного выступления во время защиты научной работы

Параметры оценивания	Неудовлетворительно (0–2 балла)	Удовлетворительно (3–4 балла)	Хорошо (5–7 баллов)	Отлично (8–10 баллов)
Содержание выступления	Выступление не отражает содержание работы и не позволяет сделать вывод о качестве проведенного исследования	Выступление отражает отдельные элементы содержания работы, но не позволяет сделать вывод о качестве проведенного исследования без дополнительных вопросов и обращения к работе	Выступление отражает содержание работы и позволяет сделать вывод о качестве проведенного исследования, отдельные качественные характеристики работы не получают отражения	Выступление полностью отражает основное содержание работы и позволяет сделать вывод о качестве проведенного исследования
Культура научного выступления	Недостаточно владеет научным стилем устного общения для изложения результатов исследования	Минимально владеет стилем научного общения для минимально достаточного изложения результатов исследования	В достаточной мере владеет стилем научного общения и использует необходимые для изложения результатов исследования средства презентации с незначительными погрешностями	Свободно владеет научным стилем устного общения и использует необходимые для изложения результатов исследования средства презентации
Владение тематикой исследования	Имеет лишь общее представление о теме исследования. Не может дать ответы на вопросы по содержанию работы	Владеет основной информацией по теме исследования. Может дать ответы на вопросы, касающиеся содержания работы (допускается недостаточный ответ на 2 вопроса)	Хорошо владеет темой исследования и демонстрирует научную эрудицию. Дает достаточные ответы практически на все вопросы (допускается недостаточный ответ на 1 вопрос)	Демонстрирует широкое владение тематикой и проблематикой исследования и демонстрирует научную эрудицию. Дает исчерпывающие ответы на заданные вопросы
Умение аргументировать выбранную позицию	Приводимые суждения не имеют грамотного научного обоснования либо аргументы не приводятся	Может приводить отдельные аргументы в поддержку собственной позиции и давать научное обоснование, в то же время по некоторым позициям обоснования не представлено	Умеет приводить значимые аргументы в поддержку собственной позиции, однако по 1–2 позициям аргументация представляется недостаточной научно обоснованной	Умеет грамотно и корректно приводить значимые аргументы в поддержку научного обоснования собственной позиции

- умение планирования и организации собственной научной работы (разработка плана исследования, соблюдение сроков работы);
- самостоятельность и способность к принятию собственных исследовательских решений (выработка самостоятельных решений в ходе исследования, самостоятельное написание и формулирование основных положений работы и т.д.);
- уровень следования этическим принципам исследования (этика цитирования, ответственное отношение к субъектам в рамках исследования: ученикам, коллегам, другим участникам);
- уровень коммуникации с научным руководителем и другими исследователями в ходе научной работы (вежливость, пунктуальность, умение работать в команде);
- опыт презентации результатов исследовательской работы (выступления на конференциях, подготовка публикаций и т.д.).

Вопрос о том, должна ли в отзыве научного руководителя присутствовать балльная оценка, остается открытым. Так, на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова традиционно научный руководитель не дает такой оценки. В магистерской образовательной программе Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ «Подготовка переводчиков для международных организаций» научный руководитель выражает свое мнение о том, какой оценки заслуживает студент, в традиционной шкале финального оценивания (отлично–хорошо–удовлетворительно–неудовлетворительно), а в институте иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и департаменте образования НИУ «Высшая школа экономики» оценка дается по критериям и выражается в баллах.

Представляется, что выражение оценки научного руководителя в баллах помогло бы лучше сопоставлять ее с результатами оценивания самой работы членами комиссии и результатами оценивания рецензента и четче определить ее удельный вес в итоговой оценке, который на данный момент является неопределенным. Также это позволило бы проводить исследования корреляции результатов различных элементов в рамках общей системы оценивания научной работы. Можно предложить следующее распределение удельного веса элементов в итоговой оценке исследовательской работы (бакалавриат, магистратура) при принятии решения государственной аттестационной комиссией: выпускная квалификационная работа / диссертация – 40%; научный руководитель – 20%; рецензент – 20%; презентация – 20%.

5. Выводы

Рассмотрение развития исследовательских компетенций студентов педагогических специальностей как единой системы позволяет четко обозначить цели и задачи, которые должны решаться в рамках определенного этапа обучения. С другой стороны, данная система должна иметь определенную структурную гибкость, связанную с трехуровневостью системы высшего образования и возможностью притока на педагогические направления подготовки новых студентов, ранее обучавшихся по другим специальностям.

Общая логика развития исследовательских компетенций будущих педагогов строится на принципах поэтапного овладения специальными знаниями, навыками и умениями в рамках продуктивного исследовательского труда по программам соответствующих курсов и под руководством опытного ученого.

Первым этапом развития становится формирование способности следовать этике научного исследования, а также способности к критическому мышлению, поиску, анализу и синтезу информации при постановке и решении исследовательских задач [Исследователь XXI века, 2018]. Результатом данной работы становится написание курсовой работы реферативного характера, реферативного обзора или первой главы выпускной квалификационной работы.

Вторым этапом становится развитие аналитических умений и способности осуществлять эффективную письменную и устную коммуникацию, и результатом этого этапа может быть курсовая работа аналитического характера с публичной защитой, выступление на студенческой конференции. Кроме того, на данном этапе следует развивать способность к работе в команде для решения исследовательских задач при помощи групповых (в том числе проектных) заданий, которые могут позволить обучающимся потренироваться в использовании различных методов педагогического исследования (количественных и качественных).

Третьим этапом в рамках бакалавриата становится развитие способности к научному творчеству, которое реализуется в рамках последнего года обучения по программам бакалавриата и заканчивается написанием выпускной квалификационной работы, содержащей теоретический анализ, анализ педагогических явлений с использованием количественных и качественных методов, а также собственные разработки для решения конкретных педагогических задач.

Значительное время в рамках учебного процесса на первом году магистратуры предлагается уделить совершенствованию таких важных

элементов содержания обучения, как знания о сферах и методах педагогических исследований внутри выбранной области, умение определять актуальность, новизну, теоретическую значимость и практическую ценность научных и учебных исследовательских работ в выбранной области. В то же время у студентов, продолжающих свое обучение в рамках педагогических направлений подготовки, в это же время можно развивать дополнительные умения, связанные с лидерством, работой в команде и организацией научных мероприятий, а также их умения использования моделирования и экспериментальных методов педагогических исследований.

В рамках же второго года магистратуры студенты должны показать владение широким арсеналом методов педагогических исследований (в том числе экспериментальных), которые они могут адекватно применить для решения конкретных научных задач в рамках магистерской диссертации. Данная работа, как и выпускная квалификационная работа на уровне бакалавриата, должна включать теоретический анализ (на более глубоком уровне, с анализом не только выбранной, но и смежной проблематики, обнаружением лагун и направлений дальнейших исследований), анализ нормативных документов и текущего состояния развития педагогической практики в рамках выбранной темы, а также предлагать новые решения выделенных педагогических задач с обязательной апробацией и выводами об эффективности предлагаемых решений (которые могут быть как положительными, так и отрицательными).

Во время проведения процедур промежуточной и итоговой аттестации и оценивания уровня сформированности исследовательских компетенций студентов предлагается сочетать оценивание основных продуктов исследовательской деятельности (реферата, курсовой, выпускной квалификационной работы, магистерской диссертации) и самого процесса формирования и развития исследовательских компетенций, оценку которому может дать научный руководитель. Признавая право кафедр, факультетов и университетов создавать собственные процедуры и шкалы оценивания, представляется, что опора на единые параметры позволила бы добиться большей прозрачности, сопоставимости и в конечном счете эффективности исследовательской компоненты педагогического высшего образования в России, что могло бы привести к большей мобильности и к более высокому качеству подготовки аспирантов и исследовательских кадров, а также повысить общий уровень исследовательской культуры в сфере образования в нашей стране.

Библиографический список

Елагина, 2012 – Елагина В.С. Формирование исследовательской компетенции в процессе профессиональной подготовки студентов педагогического вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2012. № 8. С. 37–41. [Elagina V.S. Investigation competence forming during professional training of pedagogical high educational establishment students. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept*. 2012. No. 8. Pp. 37–41. (In Russ.)]

Захарова, Суворова, 2015 – Захарова А.В., Суворова Ю.А. Моделирование процесса формирования исследовательских компетенций студентов: содержание, этапы, условия // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2015. № 10. С. 71–80. [Zakharova A.V., Suvorova Yu.A. Model of formation of key research competences of students: Content, stages and conditions. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2015. No. 10. Pp. 71–80. (In Russ.)]

Ибрагимова, Идиятов, 2015 – Ибрагимова Е.М., Идиятов И.Э. Исследовательская компетенция: основные характеристики понятия // Образование и саморазвитие. 2015. № 4 (46). С. 24–26. [Ibragimova E.M., Idiyatov I.E. Research competence: Key characteristics. *Obrazovanie i samorazvitie*. 2015. No. 4 (46). Pp. 24–26.]

Исследователь XXI века, 2018 – Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования: Коллективная монография / Отв. ред. Е.В. Караева. М., 2018. [Issledovatel' XXI veka: formirovanie kompetentsii v sisteme vysshego obrazovaniya [21st Century researcher: Building competencies in higher education]. E. Karaeva (ed.). Moscow, 2018. (In Russ.)]

Казанцева, 2014 – Казанцева Л.А. Предпосылки и условия овладения студентами – будущими педагогами исследовательскими компетенциями // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 253–254. [Kazantseva L.A. Prerequisites and conditions for mastering research competencies of students – future teachers. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2014. No. 11. Pp. 253–254. (In Russ.)]

Комарова, 2013 – Комарова Ю.А. Научно-исследовательская компетенция студентов магистратуры как важная составляющая их профессиональной компетентности // Непрерывное педагогическое образование в современном мире: от исследовательского поиска к продуктивным решениям: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2013. С. 134–139. [Komarova Yu.A. The research competence of graduate students as an important component of their professional competence. *Neprieryvnoe pedagogicheskoe obrazovanie v sovremennom mire: ot issledovatel'skogo poiska k produktivnym resheniyam*. St. Petersburg, 2013. Pp. 134–139. (In Russ.)]

Ракитина, 2009 – Ракитина О.В. Научно-исследовательские компетенции магистров по направлению «Педагогика» // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 4 (61). С. 76–81. [Rakitina O.V. Research competencies of Master students in pedagogy. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2009. No. 4 (61). Pp. 76–81.]

Терешков, 2011 – Терешков В.А. Исследовательская компетенция будущих специалистов профессионально-педагогического профиля // Наука и современность. 2011. № 13-2. С. 58–62. [Tereshkov V.A. Research competence of future specialists of professional pedagogical profile. *Nauka i sovremennost'*. 2011. No. 13-2. Pp. 58–62.]

Шкерина, 2010 – Шкерина Т.А. Исследовательская компетенция бакалавра – будущего педагога и условия ее развития // Психология обучения. 2010. № 11. С. 86–95. [Shkerina T.A. The research competence of bachelor – future teacher and the conditions for its development. *Psikhologiya obucheniya*. 2010. No. 11. Pp. 86–95.]

Статья поступила в редакцию 10.07.2019

The article was received on 10.07.2019

Об авторах / About the authors

Сафонова Виктория Викторовна – доктор педагогических наук; профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Victoria V. Safonova – Dr. Hab. (Education); Professor at the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: euroschool@mail.ru

Корнев Алексей Александрович – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; Associate Professor at the Department of Language Teaching Theory of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1695-4135>

E-mail: studywithkorenev@gmail.com

Перевёрткина Марина Сергеевна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры методики обучения иностранным языкам, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Marina S. Perevertkina – PhD in Pedagogy; Associate Professor at the Department of Foreign Language Teaching Methodology, Herzen State Pedagogical University of Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9676-7489>

E-mail: perevertkina.m@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2019.3

Сайт журнала: rhema-journal.com

Подписано в печать 29.09.2019 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 11,125 п. л. Тираж 1000 экз.